

ТВОРЕНІЯ
ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО
НИЛА,
ПОДВИЖНИКА СІНАЙСКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФИИ В. ГОТЬЕ.
1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Августа 28 дня, 1858 года.

Московская Духовная Академія.

Цензоръ, Академіи Инспекторъ, Архимандритъ *Порфирій*.

СЛОВО ПОДВИЖИЦЕСКОЕ.

ГЛАВА 1. Многіе изъ Еллиновъ и немалое число Иудеевъ предназначились къ любомудрствованію; но одни ученики Христовы возревновали объ истинномъ любомудріи; потому что они одни имѣли учителемъ самую Премудрость, показующую на дѣлѣ, какой образъ жизни приличенъ такому предназначенію. Ибо первые, какъ бы представляясь дѣйствующими на позорищѣ, украшали себя чужою личиною, нося на себѣ одно имя и будучи лишены (а) истиннаго любомудрія. Вѣтхимъ плащемъ, бородою и жезломъ выказывали они свое любомудріе, но заботились о тѣлѣ, служили похотямъ, какъ господамъ, были рабами чрева, допускали грубыя удовольствія, какъ дѣло естественное, покорствовали гнѣву, любили славу, съ жадностію подобно псамъ кидались на роскошныя трапезы, не зная того,

(а) По рукописи читается: *εστραμμένον*.

что любомудруму прежде всего должно быть свободнымъ и паче всего избѣгать того, чтобы быть рабомъ страстей, или наемникомъ и служою невольниковъ. Ибо кто жилъ, какъ должно, тому нимало не повредило, что былъ онъ рабомъ у людей : а у кого госпожами страсти, тотъ, служа удовольствіямъ, подвергается стыду, и возбуждаетъ великій смѣхъ.

Г л а в а 2. Иные изъ нихъ вовсе нерадятъ о дѣятельной жизни, занимаются же, какъ думаютъ, любомудріемъ умозрительнымъ, вдаются въ изслѣдованія трудныя, толкуютъ о томъ, чего и доказать нельзя, хвалятся, что знаютъ величину неба, мѣру солнца и дѣйствительность звѣздъ. А иные покушались иногда и богословствовать, хотя въ этомъ и истина не изслѣдима и догадка опасна, жили же безчестіе во грязи валяющихся свиней. Если же нѣкоторые вели и дѣятельную жизнь, то стали хуже первыхъ, подъявъ труды для славы и похвалы: ибо не изъ чего инаго, какъ изъ желанія показать себя и изъ славолубія, предназначали многое сіи жалкіе, дешевую и ничтожную награду пріявъ за таковое злостраданіе ; потому что всегда молчать, пвтаться травою, прикрывать тѣло худыми рубищами и жить, заключившись въ бочкѣ, не ожидая за сіе никакого воздаянія по смерти, хуже всякаго безумія. Это значило настоящею жизнію ограничивать награды за добродѣтель, налагать на себя подвиги, за которые нѣтъ и

времени получить вѣнцы, вести непрестанную борьбу безъ всякихъ за нее воздаяній, быть въ состязаніяхъ, ничего не доставляющихъ, кромѣ пролитія пота.

Глава 3. Изъ Іудеевъ же читателями этого образа жизни оказываются потомки Ионадавовы, которые, принимая всякаго желающаго такъ жить, подчиняютъ тому же уставу, сами живя всегда въ куцахъ, воздерживаясь отъ вина и отъ всякой роскоши, довольствуясь бѣдною трапезой, соразмѣрною съ тѣлесною потребностію. Поэтому они, какъ весьма заботятся о нравственномъ образованіи, такъ проводятъ много времени въ умозрѣніяхъ, почему и называются Іессеями, такъ что самое имя даетъ видѣть въ нихъ людей мудрыхъ. Однимъ словомъ, по ихъ мнѣнію, пѣлъ любомудрія вполнѣ достигается, когда дѣла нимаго не противорѣчатъ обѣту. Но что пользы отъ подвиговъ и многотруднаго боженія для нихъ, отринувшихъ законоположника Христа? И у нихъ гибнетъ также мзда за труды, потому что отреклись отъ Раздаятеля награды и отъ истинной жизни, и потому далеки отъ любомудрія. Ибо любомудріе есть исправленіе нравовъ, при истинномъ вѣдѣніи Сущаго. И далеки отъ него тѣ и другіе, и Іудеи и Еллины, отвергнувшіе Премудрость, снисшедшую съ небесъ, и покусившіеся любомудрствовать безъ Христа, Который Одинъ и дѣломъ и словомъ указалъ истинное любомудріе.

Г л а в а 4. Онъ первый жизнью Своею положилъ путь къ сему любомудрію, показавъ образъ чистаго житія, возносясь всегда душою выше тѣлесныхъ страстей, а на послѣдокъ, когда домостроительствуемое Имъ спасеніе людей потребовало смерти, не пощадивъ и души, и тѣмъ научая, что вознамѣрившемуся право любомудрствовать должно отречься отъ всего пріятнаго въ жизни, трудиться же, пренебрегая тѣломъ, господствовать надъ страстями и не высоко цѣнить самую душу, но, когда и ее должно положить для показанія добродѣтели, охотно предавать ее. И сей-то заимствовавъ образъ жизни, святые Апостолы подражали ему. Какъ скоро были призваны, отрѣшились они отъ жизни мірской, въ ничто вмѣнили отечество, родъ, имѣніе, немедленно вступили въ жизнь суровую и многотрудную, преодолевали всѣ неудобства, *скорбяще озлобленіи* (Евр. 11, 37.), подвергаясь гоненіямъ, наготуя, терпя недостатокъ въ самомъ необходимомъ, а въ послѣдствіи отваживаясь и на смерть. Во всемъ прекрасно подражали они Учителю, и въ жизни своей оставили образецъ наилучшаго житія. Но поелпку всѣ христіане, будучи обязаны по сему образцу начертывать жизнь свою, или не восхотѣли, или не имѣли силъ къ подражанію: не многіе же возмогли стать выше мірскихъ мятежей, избѣжать бурной городской жизни, и такимъ образомъ, поставивъ себя внѣ волненій, возмо-

бить иноческую жизнь; то одни послѣдніе содѣлали жизнь свою отпечаткомъ апостольской добродѣтели, стяжанію предпочтя нестяжательность, чтобы ничѣмъ не развлекаться, предъ пищею изысканною отдавая преимущество наскоро уготованной, чтобы, тѣлесной потребности удовлетворяя снѣдію, какая случилась, предотвратить тѣмъ востаніе страстей; возгнушавшись же одеждами пышными и сверхъ потребности сдѣланными, какъ примышленіемъ челоувѣческой роскоши, по нуждѣ тѣла употребляли они ризу простую и нехитрую; презрѣвъ наслажденія, признавъ нелюбомудреннымъ дѣломъ оставить попеченіе о небесномъ, а занимать умъ тѣмъ, что лежитъ на землѣ, и само собою достается звѣрямъ, не знали они міра, ставъ внѣ челоувѣческихъ страстей; не было между ними ни преимуществующаго, ни уступающаго преимущество, ни судящаго, ни судящагося.

Глава 5. Ибо у каждаго неподкупнымъ судіею была своя совѣсть, и не случалось, чтобы одинъ богатѣлъ, а другой обнищавалъ, одинъ истаевалъ голодомъ, а другой разсѣдался отъ пресыщенія; потому что скудость недостаточныхъ восполнялась щедростію избыточествующихъ. Были у нихъ равенство и одинаковость правъ, а неравность изгонялась добровольнымъ соединеніемъ преимуществующихъ съ низшими. Лучше же сказать, не было тогда равенства; потому что и тогда производило неравности

усердіе старающихся болѣе смириться, какъ нынѣ производитъ ихъ неистовое стремленіе усиливающихся болѣе прославиться. Изгнана была у нихъ зависть, не имѣла мѣста ненависть, бѣжало отъ нихъ тщеславіе, уничтожена была гордость, истреблено все, что могло стать причиною возмущенія: для сильнѣйшихъ страстей были они какими-то мертвецами и безчувственными, даже и во снѣ не мечтавшими о нихъ; потому что въ началѣ ежедневными подвигами и терпѣніемъ прекрасно отклонили отъ себя и памятованіе о страстяхъ. Однимъ словомъ, утвердившись въ такомъ состояніи, стали они какъ бы свѣтильниками, сіяющими во тмѣ, неблуждающими звѣздами, озаряющими мрачную ночь жизни, окружающею ихъ неволненностію указуя всѣмъ, какъ удобно укрыться въ пристань, безвредно избѣжавъ прираженія страстей.

Глава 6. Но и это строгое житіе, этотъ небесный уставъ жизни, подобно изображенію, которое отъ нерадѣнія по временамъ списывающихъ дѣлается постепенно менѣе похожимъ, на послѣдокъ дошли до несходства, и стали совершенно далекими отъ первообраза. Распавшіеся міру, отрѣшившіеся отъ жизни мірской, отрѣкшіеся отъ того, чтобы жить, какъ прочіе люди, подвизавшіеся же неизмѣнностію безстрастія преложиться въ естество безплотныхъ силъ, снова обратились назадъ къ житейскимъ занятіямъ, къ постыднымъ промысламъ, помрачая

строгое житіе проводившихъ оное прежде прекрасно, и своею невнимательностію дѣлая, что хулять тѣхъ, которые могли быть восхваляемы и прославляемы за ихъ добродѣтель. Держимся еще за рукоять рала, храня честную наружность, но стали уже непригодными для небеснаго царствія, потому что возвратились вспять, и съ великимъ тщаніемъ держимся того, что обязаны были забыть, стараемся уже не о жизни, не требующей издержекъ и хлопотъ, безмолвіе не признается у насъ потребнымъ къ избавленію себя отъ застарѣвшихъ нечистотъ, уважается же множество дѣлъ, требующее заботы бесполезной для истинной цѣли, и соревнованіе о вещественномъ препобѣдило спасительные совѣты. Господь вовсе освободилъ насъ отъ попеченія о земномъ, и повелѣлъ искать одного небеснаго царствія : а мы, какъ бы стараясь идти противнымъ путемъ, не обратили на сіе вниманія, отрекшись отъ Владычныхъ заповѣдей и отъ Господняго о насъ попеченія, возложили надежду на собственныя свои руки. Ибо Господь говоритъ: *воззрите на птицы небесныя, яко не снуютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ* (Матѳ. 6, 26.); и еще: *смотрите кринь сельныхъ, како растутъ: ни труждаются, ни прядутъ* (28.). Онъ запретилъ даже имѣть пиру, влагалище и жезлъ (Лук. 9, 3; 10, 4.), повелѣлъ же довольствоваться однимъ неживымъ обѣто-

ваніемъ, которое, посылая учениковъ Своихъ благодѣтельствовать прочимъ людямъ, изрекъ такъ: *достоинъ есть длатель мзды своей* (Матѳ. 10, 10.). Ибо зналъ, что обѣтованіе сіе въ промышленіи о потребномъ для насъ тверже нашей дѣйствительности.

Глава 7. А мы не отказываемся пріобрѣтать, сколько можемъ, земли, закупаемъ стада овецъ, рабочихъ воловъ, отличныхъ по виду и по величинѣ, откормленныхъ ословъ, чтобы овцы въ обиліи доставляли намъ шерсть для подѣлій, а волы, служа произведеніямъ земледѣлія, давали и намъ пищу и кормъ себѣ и другимъ животнымъ, подъяремныя же вьючныя животныя, недостающее въ одной странѣ восполняя привозимымъ изъ другихъ странъ, снабжали приправами необходимую пищу, увеличивая тѣмъ пріятность жизни. Да и изъ искусствъ тѣ, которые выгоднѣе, и вовсе не оставляютъ намъ времени вспомнить о Богѣ, похищаютъ же у насъ весь нашъ досугъ, предпочитаемъ мы, осудивъ, какъ видно, или Попечителя въ немощи, или себя самихъ за прежнее исповѣданіе: и хотя не признаемъ сего словомъ, но обличаемъ себя въ этомъ дѣлами, восхищаясь жизнію мірянъ, когда занимаемся тѣмъ же, чѣмъ и они, и даже, можетъ быть, больше ихъ проводимъ времени въ тѣлесныхъ упражненіяхъ; почему многіе и благочестіе почитаютъ уже средствомъ къ пріобрѣтенію, и думаютъ, что сія безмятежная и

Блаженная древле жизнь занимается не инымъ чѣмъ, какъ тѣмъ, чтобы, подъ видомъ притворнаго богочестія, избѣжать трудныхъ служеній; приобрѣтши же свободу наслаждаться безпрепятственно, простирать свои стремленія, къ чему угодно, съ великимъ безстыдствомъ величаясь предъ низшими, а иногда и предъ тѣми, которые имѣютъ преимущество, какъ будто бы добродѣтельная жизнь почитается поводомъ къ самовластію, а не къ смиренію и скромности. Посему и тѣ, которые должны уважать насъ, смотрятъ на насъ, какъ на бездѣльную толпу; люди чиновные и разночинцы смѣются надъ нами больше, чѣмъ надъ толкущимися на рынкахъ; потому что не имѣемъ, какъ слѣдовало бы, никакого отличія предъ прочими, хотимъ быть извѣстными, не по жизни, но по одеждѣ, отъ трудовъ для добродѣтели отказываемся, а славы за оныя желаемъ съ неистовствомъ, показывая въ себѣ одну тѣнь прежней истины.

Глава 8. И нынѣ иной принявъ на себя этотъ почтенный образъ, но не омывъ еще душевныхъ нечистотъ, не изгладивъ въ сердцѣ своемъ отпечатлѣвшіеся слѣды прежнихъ грѣховъ, даже, можетъ быть, еще безчинно любуясь ихъ представленіемъ, и нрава своего необучивъ сообразоваться съ даннымъ обѣщаніемъ, не зная, какая цѣль любомудрія по Богу, подъемлетъ брови по фарисейски, высоко думая объ одномъ внѣшнемъ образѣ, какъ о преспѣ-

яніи въ добродѣтели, и всюду ходить, нося съ собою снаряды, которыми дѣйствовать не научился, видимо внѣшностію показываетъ въ себѣ знаніе, котораго не отвѣдывалъ и краями усть, оказываясь вмѣсто пристани подводною скалою, вмѣсто храма поваленнымъ гробомъ, вмѣсто овцы волкомъ, на гибель уловляемыхъ видимостію. Ибо когда таковыя, бѣжавъ изъ монастырей, потому что не перенесли строгости жизни, даютъ себѣ свободу въ городахъ, тогда, уже тревожимые потребностями чрева, къ обольщенію многихъ приѣмлютъ на себя образъ благочестія, какъ приманку, будучи готовы дѣлать все, къ чему принуждаетъ тѣлесная нужда; потому что всего сильнѣе понужденія естественной необходимости, которая въ затруднительныхъ обстоятельствахъ искусно измышляетъ изъ оныхъ исходъ. Особенно же, когда присоединяется и умышленная праздность, тогда съ большею хитростію находятъ себѣ мѣсто всякій предлогъ. Поэтому они также неотступно, какъ тунейдцы, стоятъ при дверяхъ богачей, подобно невольникамъ, бѣгаютъ предъ ними на площадяхъ, расталкивая подходящихъ къ нимъ близко, разгоняя встрѣчныхъ, стараются доставить имъ удобнѣйшій проходъ, и дѣлаютъ это по нуждѣ въ трапезѣ, не научившись удерживать сластолюбія при лакомыхъ яствахъ, и не восхотѣвъ, по Моусеевой заповѣди, носить за поясомъ рылець (Втор. 23, 13.);

чтобы имъ при нуждѣ ископать яму. Ибо употреблявшіе оный знали, что предѣломъ всякаго наслажденія снѣдьями бываетъ гортань, и что случайно восполняющее тѣлесную скудость прикрываетъ неприличіе безвременнаго пожеланія.

Глава 9. Посему-то и имя Божіе хулится и жизнь вождѣнная содѣлалась предметомъ омерзѣнія; и пріобрѣтеніе (б) людей живущихъ истинно добродѣтельно почитается обольщеніемъ, и города обременяются ходящими туда и сюда безъ дѣла, и владѣтели домовъ терпятъ безпокойство, чувствуютъ неприятность при самомъ взглядѣ, видя, какъ они просятъ подаванія съ безстыдствомъ, стоя при дверяхъ, а многіе, получивъ себѣ пристанвище въ домѣ, прикрывшись не надолго притворною набожностію, и личиною лицемѣрія оградившись отъ подозрѣнія въ злонамѣренности, въ послѣдствіи же ограбивъ домовладѣтеля, уходятъ и тѣмъ дѣлаютъ, что вообще о монашеской жизни разсѣвается худая слава. Такъ наконецъ бывшіе нѣкогда наставниками цѣломудрія изгоняются изъ городовъ, какъ губители онаго, и не находятъ себѣ доступа, какъ нечистые наравнѣ съ одержимыми проказою. Иной скорѣе ввѣрится разбойникамъ и подкапывающимвъ стѣны, нежели проходящимъ монашескую жизнь, разсуждая, что удоб-

(б) По рукописи вмѣсто: ἀλλοις читается: κρείσσιν.

нѣе остеречься отъ злоумышляющаго явно, нежели отъ внушающаго довѣріе съ умысломъ заманять въ сѣти. И сіи-то, не положившіе и начала богочестивой жизни, не познавшіе, въ чемъ заключается польза безмолвія и, можетъ быть, какою нибудь необходимостію побужденные безъ разсужденія приступить къ монашескому житію, и почитающіе монашество случаемъ къ куплѣ для пріобрѣтенія необходимаго, вели бы себя, какъ думаю, благочестіѣе, если бы не ходили по дверямъ всякаго, но предложомъ къ стыду — собирать обильныя подаванія имѣли бы и свою одежду, и желающихъ въ дань тѣлу приносить (в) не одно необходимое, а что обрѣла роскошь прихотливыхъ по неумѣренности пожеланій. Но трудно врачевать страждущихъ такую неизлѣчимою болѣзнію.

Г л а в а 10. Можетъ ли кто истолковать пользу здоровья тѣмъ, которые никогда не вкушали здоровья, но съ самыхъ пеленъ росли вмѣстѣ съ изнурительною болѣзнію, и по привычкѣ о порчѣ своего естества думаютъ, что въ этомъ нѣтъ никакого недостатка противъ естественнаго состоянія? Всякое слово будетъ напрасно и не исправитъ, когда старательность слушающихъ, уклонясь къ худшему, имѣетъ противное расположеніе къ тому, что предлагается какъ совѣтъ, а наипаче, когда надежда выгодъ пи-

(в) По рукописи читается: *βουλομενους εσπερην*.

тается пожеланіемъ, и страсть заграждаетъ слухъ для всякаго совѣта, такъ что совѣты объ уцѣломудреніи не находятъ никакого доступа, когда сердце устремлено къ корыстолюбію, какъ оно ни гнусно. Но мы, возлюбленные, которые по любви къ добродѣтели, какъ думаемъ, отрѣшились отъ мірской жизни, отреклись отъ мірскихъ похотей, и общались идти въ слѣдъ за Христомъ, для чего снова вдаемся въ житейскую разсѣянность, и на зло себѣ создаемъ то, что прежде такъ прекрасно разорили? Для чего принимаемъ участіе въ худомъ думышленіи проходящихъ дѣло свое, не какъ было имъ должно, своимъ стараніемъ о суетномъ воспламеня пожеланія немощныхъ, для простодушныхъ содѣлываемся путемъ къ любостыжанію?

Г л а в а 11. Отъ Господа повелѣно намъ врачевать, а нераздражать поползновенныхъ, и прежде нравящагося намъ имѣть въ виду полезное ближнему, чтобы, слѣдуя безразсуднымъ своимъ пожеланіямъ, не довести до преткновения многихъ изъ людей простыхъ, ставъ для нихъ поводомъ къ соревнованію о земномъ. Для чего вещество, которое научены мы пренебрегать, ставимъ въ великое, имѣя привязанность къ деньгамъ и имуществу, дѣля умъ на многія и бесполезныя заботы? Стараніе о семъ, какъ наша отклоняетъ отъ тщательнаго попеченія о необходимѣйшемъ, и приводитъ къ тому, что нераднмъ о благахъ душевныхъ, такъ въ глу-

бокую ведетъ пропасть тѣхъ, которые увлекаются житейскою пышностію и наслажденіе, доставляемое богатствомъ, почитаютъ высочайшимъ благополучіемъ, когда видятъ, что общавшіеся любомудрствовать и хвалившіеся, что они выше удовольствій, стараются объ оныхъ больше ихъ самихъ. Ничто не ведетъ такъ къ неизбѣжному наказанію, какъ это — многихъ дѣлать ревнителями худыхъ своихъ дѣлъ; потому что погибель подражателей дѣлается приращеніемъ наказанія научившему, и тѣмъ, которые не отказываются отъ подражанія, какъ дѣла гнуснаго, угрожаетъ немалое осужденіе, когда бываетъ у нихъ и учитель худыхъ дѣлъ, которыхъ избѣжали водящіеся цѣломудреннымъ помысломъ, признавъ ученіе предосудительнымъ. Поэтому никто да не оскорбится сказаннымъ, но, или да исправитъ, что погрѣшительно по равнодушію многихъ дѣлается къ стыду имени, или да откажется и отъ имени. Ибо, если предлежитъ намъ любомудрствовать, то обладать имуществомъ излишнее дѣло для любомудрія, которое даетъ обътъ, для душевной чистоты быть чуждымъ самага тѣла. А если для кого вожделѣнно пріобрѣтать имѣніе и наслаждаться житейскими пріятностями, то для чего чествуютъ они любомудріе словомъ, чуждаясь онаго на дѣлѣ, и украшая себя досточестными именованіями, совершаютъ дѣла противныя тому, что общають.

Г л а в а 12. Потомъ не будемъ почитать для себя постыднымъ, что тѣ, которыхъ признаемъ низшими и называемъ мірянами, укоряють насъ въ нарушеніи законовъ Спасителя, и тѣ, которые должны у насъ учиться, учатъ насъ пренебреженнымъ нами заповѣдямъ Господнимъ. Ибо, когда ссоримся, и скажутъ они намъ: *рабу Господню не подобаетъ сваритися, но тиху быти во всѣмъ* (2 Тим. 2, 24.), и еще когда споримъ о деньгахъ и имуществѣ, и замѣтятъ они намъ: *хотящему ризу твою взять, отпусти ему и срачицу* (Матѳ. 5, 40.), тогда иное ли что сдѣлають, какъ, издѣваясь надъ нами, осмѣютъ и пристыдятъ насъ за противорѣчіе дѣлу данному обѣту? Ибо нѣтъ необходимости ссориться съ оспаривающимъ у насъ имѣніе, и дѣлать все то. къ чему принуждаетъ заботливость о немъ. Одинъ перенесъ между виноградника и часть присоединилъ къ своему, иной на поле твое пустилъ скотъ, другой отвелъ воду, текущую въ садъ; ужели должно за это бѣсноваться, стать хуже нестоваго, всѣмъ таковымъ готовить мщеніе, къ судилищамъ пригвоздить умъ, который обязанъ заниматься созерцаніемъ Сущаго, и созерцательную силу обратить на дѣлопроизводительную хитрость, чтобы съ успѣхомъ изобиловать тѣмъ, что для насъ нисколько не полезно! Для чего оспариваемъ чужое, какъ свое, уготовляя себѣ тяжкія оковы вещества, и не слушаемъ того, кто называетъ таковыхъ зло-

счастливыми? Пророкъ говоритъ: *горе умножающему себя не сущая его, и отягчающему узу свою тяжцѣ* (Аввак. 2, 6.). Ибо если преслѣдующіе насъ легки, по слову сказавшаго: *скопѣйшии (хѳѳоѳ) быша гонящии ны наче орловъ небесныхъ* (Плач. Іерем. 4, 19.), а мы обременемъ себя мірскими дѣлами, то явно, что, медленнѣе движась въ теченіи своемъ, легко будемъ уловлены врагами, отъ которыхъ спастись бѣгствомъ научилъ Павелъ, говоря: *бѣгайте блудодѣянія и лихоимства* (1 Кор. 6, 18.). Иногда и со всею готовностію текущіе къ почести, если несутся не съ напряженнымъ усиленіемъ, остаются далеко назадъ, не получивъ желаемого по тому, можетъ быть, что болѣе ускорены шаги преслѣдующихъ враговъ.

Г л а в а 13. Поспѣшающимъ къ добродѣтели великимъ служитъ препятствіемъ пристрастіе къ дѣламъ мірскимъ, часто причиняющее гибель и душѣ и тѣлу. Ибо что погубило Израильтянина Навуея? Не завидный ли виноградникъ содѣлался причиною его смерти, возбудивъ къ нему зависть (г) въ сосѣдѣ Ахаавѣ! Что два съ половиною колѣна заставило остаться внѣ земли обѣтованія? Не множество ли скота? Что и Лота разлучило съ Авраамомъ? Не великое ли число овецъ, возбудивъ непрестанныя ссоры между пастухами, и самихъ наконецъ раздѣлило

(г) Въмсто: *ѳѳѳѳ* по рукописи: читается *ѳѳѳѳѳѳ*.

другъ съ другомъ? Посему, если имѣнія завистливыхъ возбуждаютъ къ убійству владѣющихъ ими, самихъ владѣльцевъ отклоняютъ отъ занятія важнѣйшимъ, расторгаютъ узы родства, друзей доводятъ до вражды, не имѣютъ ничего общаго съ жизнію будущею, да и тѣлу не приносятъ никакой великой пользы, то для чего же, оставляя служеніе Богу, всецѣло предаемся суетѣ? Ибо не мы сами промышляемъ о томъ, что нужно для нашей жизни. Все домостроительство Богъ; человѣческое стараніе, если нѣтъ Божіей помощи, по необходимости не достигаетъ конца, Божіе же домостроительство и безъ человѣческаго старанія, доставляетъ совершенныя блага. Какую пользу принесъ собственный трудъ тѣмъ, которымъ Богъ сказалъ: *сѣяте много, и возьмете мало: отдунухъ я отъ домовъ вашихъ* (Агг. 1, 6. 9.)? Живущимъ же добродѣтельно развѣ не доставало чего необходимаго? Не совершенно ли не заботились они объ этомъ? Развѣ Израильтяне, сорокъ лѣтъ не пользуясь ни чѣмъ отъ земледѣлія, не пытались, не имѣя недостатка въ пищѣ? Но и море творить вновь необычайную пищу, издавъ изъ себя крастелей, и непричастный влажности камень расторгшись доставляетъ въ обилии воду, и небо низводитъ манну, этотъ необычайный и небывалый дождь, и одежды и обувь не ветшая служатъ все время. Какую землю воздѣлывая на потокѣ, птался Илія? Не враны ли приносили

Нил. Ч. II.

2

ему пищу? А когда пришелъ въ Сарепту, вдова, нуждающаяся въ необходимомъ, не доставляла ли ему хлѣбъ, похищая его изъ устъ дѣтей своихъ, чтобы содѣлалось явнымъ, что добродѣтель предпочтеннѣе естества.

Г л а в а 14. Хотя сіе и необычайно, однако же справедливо; потому что можно прожить и безъ пищи, когда угодно то Богу. Ибо какъ **Илія** совершилъ сорокодневный путь *въ крѣпости единой яди* (3 Цар. 19, 8.)? Какъ **Моисей**, восемьдесятъ дней бесѣдуя на горѣ съ Богомъ, пребылъ не вкусившимъ человѣческой пищи? Ибо, сошедши по прошествию сорока дней, когда, раздраженный сліяніемъ тельца, разбилъ скрижали, немедленно снова взошелъ на гору, и еще столько же дней проведя на горѣ, и потомъ пріявъ вторыя скрижали, снисшелъ къ народу. Какое же человѣческое разсужденіе возможетъ представить достаточное объясненіе такого чуда? Какъ достало текучаго естества человѣческаго, истощаемаго столько времени, между тѣмъ какъ ничто невосполняло ежедневно утрачиваемой силы? Но недоумѣніе сіе рѣшаетъ Божіе слово, когда говоритъ: *не о хлѣбѣ единомъ живѣ будетъ человекъ, но о всякомъ глаголь, исходящемъ изъ устъ Божіихъ* (Втор. 8, 3.). И посему, для чего небесное жительство совлекаемъ на землю, обременяя вещественными бѣдствованиями? Для чего *питаеміи* нѣкогда *на багряницахъ*, одѣваемся *въ гной*, какъ въ

плачѣ сказалъ о нѣкоторыхъ Іеремія (Пл. Іер. 4, 5.)? Ибо когда упокоиваемся на помышленіяхъ свѣтлыхъ и пламенѣющихъ, тогда питаемся *на багрянницахъ*; а когда, вышедши изъ таковаго состоянія, вмѣшиваемся въ дѣла земныя, тогда одѣваемся *въ гной*. Почему же, оставивъ надежду на Бога, мышцу свою дѣлаемъ опорою плоти, промышленіе Владыки воспісуя рукавъ своимъ? И что, какъ испыталъ Іовъ, вмѣнено ему въ великій грѣхъ, то есть положивъ на уста руку лобызать ее (Іов. 31, 27.), то не боимся мы дѣлать нынѣ. Ибо у многихъ въ обычаѣ цѣловать руки и говорить, что отъ рукъ у нихъ изобиліе. Ихъ-то давая разумѣть подь образами, говоритъ законъ: кто ходитъ на рукахъ, тотъ не чистъ, у кого много ногъ, также не чистъ, и кто ходитъ всегда на четырехъ, не чистъ (Лев. 11, 27. 42.). Ходитъ же на рукахъ, кто на нихъ опирается, и на нихъ возлагаетъ всю надежду; ходитъ на четырехъ, кто предавшись дѣламъ чувственнымъ, ими занимается непрестанно владычественный умъ; а многоноженъ, кто отсюда окруженъ тѣлеснымъ. Поэтому премудрый приточникъ хочетъ, чтобы совершенный имѣлъ даже не двѣ ноги, но одну, и та рѣдко двигалась для дѣлъ тѣлесныхъ: *не учащай*, говоритъ онъ, *вносити ногу твою къ другу твоему, да некогда насыпая тебе, возненавидитъ тя* (Притч. 25, 17.). Если кто рѣдко приступаетъ ко Христу съ прошеніемъ о

потребности тѣлесной, то возлюбленъ Имъ будетъ ; ибо сіе служить цѣлю таковыхъ друзей, какъ говоритъ Спаситель ученикамъ Своимъ: *вы друзи Мои есте* (Іоан. 15, 14.). Если же будетъ дѣлать это часто, то содѣлается ненавистнымъ Ему.

Г л а в а 15. Кому же внушить довѣренность и не будетъ мерзокъ всегда тревожимый сими потребностями и никогда не возставаемый къ правой жизни ; потому что не имѣеть голени выше ногъ, чтобы на нихъ воспрянуть отъ земли ? Какъ голени, сгибаясь съ начала, принимаютъ на себя всю тяжесть тѣла, а приблизившись нѣсколько къ землѣ, дѣлають, что немедленно подѣмлется оно вверхъ: такъ помысль, различающій дѣла естественныя, въ слѣдъ за тѣмъ, какъ унизится до потребности тѣла, быстро подѣмлетъ горѣ легкую мысль, не вознося съ собою ни одной изъ порочныхъ нечистотъ. Имѣть прямыя голени свойственно и тѣмъ, которые весьма преданы удовольствіямъ и всегда остаются долу ; но свойственно также и небеснымъ силамъ, потому что вовсе неимѣють онѣ нужды въ тѣлесномъ (д), и не требуютъ для сего сгибать голени. Это означая, какъ думаю, сказалъ великій Іезекиль, что *голени ихъ правы, и пернаты ноги ихъ* (Іез. 1, 7.), чѣмъ изображается непреклонность воли и ско-

(д) По рукописи: *διὰ τὸ μηδὲν ἀποδοῦναι τῶν σωματικῶν.*

родвижность онаго естества въ помышленіяхъ. А челоуѣку достаточно имѣть сгибающіяся голени, и употреблять для восхожденій, иногда тѣлесныхъ, а иногда духовныхъ, возводящихъ горѣ, и по средству души съ горними силами, часто вмѣстѣ съ ними созерцать небесное, а по усилію тѣла, столько озабочиваться землею, сколько принуждаетъ къ тому потребность. Всегда же пресмыкаться въ служащемъ къ наслажденію — подлинно нечистое дѣло и не приличное челоуѣку, получившему въ удѣлъ разумное вѣдѣніе. Ибо законъ ходящаго на четырехъ назваъ нечистымъ съ ограниченіемъ и не просто, но если ходить на четырехъ *всегда* (Лев. 11, 42.); потому что сущимъ въ тѣлѣ далъ время нисходить до потребности тѣла. И Ионаѡанъ, воюя съ Аммонитяниномъ Наасомъ, *ползущъ* на четырехъ (1 Цар. 14, 13.) одержалъ побѣду; потому что послужилъ одной только нуждѣ естества. И сражающемуся съ ползающимъ на персяхъ зміемъ (такъ толкуется имя: Наасъ) должно было преобразиться нѣсколько до сходства съ нимъ въ томъ, чтобы также ходить на четырехъ, и потомъ вставъ и принявъ собственное себѣ положеніе, съ большимъ удобствомъ преодолѣть его.

Г л а в а 16. Чему научаетъ насъ и исторія Іевосея? не тому ли, что не должно крѣпко заниматься тѣлеснымъ и охраненіе себя ввѣрять чувству? Іевосеѣй царь почивалъ въ ложницѣ,

а при вратахъ у себя, какъ сказано, дозволилъ стоять женщинѣ (е). Пришедшіе съ Рихавомъ, нашедши, что привратница, очищая пшеницу, вздремала, тайно вошли и умертвили Іевосоея, котораго нашли также спящимъ. Ибо все погружается въ сонъ, и умъ, и душа, и сердце, и чувство, когда преодолагаетъ тѣлесное. То, что привратница очищала пшеницу, показываетъ, что мысль прилежно занималась тѣлеснымъ, и неслегка, но съ какимъ-то тщаніемъ, заботилась о чистотѣ сего. Ибо, что не въ видѣ только исторія пересказываетъ о семъ Писаніе, явствуетъ изъ слѣдующаго. Почему женщина была привратницею у царя, котораго должно было окружать множество воиновъ и оказывать всю честь (ж), подобающую его сану? Или почему царь былъ столько скуденъ, что привратница очищала пшеницу? Но къ исторіи нерѣдко примѣшивается и несообразное по той причинѣ, что означаемое тѣмъ истинно. Ибо умъ у каждаго, какъ царь, пребываетъ гдѣ-то внутри, придверникомъ чувствъ имѣя сердце, и когда оно ввѣряетъ себя тѣлесному (ибо тѣлесное дѣло очищать пшеницу); тогда злокозненные безъ труда тайно умерщвляютъ умъ. Поэтому-то великій Авраамъ не ввѣряетъ женщинѣ охра-

(е) По слав. переводу (2 Цар. 4, 6.) читается: *вратникъ*, а у Седмидесати: *η θυρωρός*.

(ж) Въмѣсто: *ακρίβη* по рукописи читается: *τιμὴ*.

неніе двери; ибо знаетъ обманчивость чувства, какъ оно, услаждаясь видѣніемъ чувственнаго, разъединяетъ умъ, и убѣждаетъ вмѣстѣ съ нимъ приобщиться пріятнаго; а это приобщеніе очевидно бываетъ опасно. Напротивъ того самъ онъ присѣдитъ, дѣлая открытымъ доступъ Божественнымъ помышленіямъ, и закрывая дверь мірскимъ заботамъ. Ибо что доставляется намъ въ жизни суетною попечительностію о семъ? *Не весь ли трудъ чловѣчь, по слову Екклѣзіаста, во уста его* (Еккл. 6, 7.)? Пищи же и одѣянія, по словамъ Апостола, достаточно къ поддержанію этой жалкой плоти (1 Тим. 6, 8.). Посему для чего же безъ конца и, какъ говоритъ Соломонъ, трудимся *на вѣтеръ* (Еккл. 5, 15.), тщательностію о земномъ препятствуя душѣ наслаждаться божественными благами, любя плоть и покоя ея болѣе, чѣмъ нужно? Изъ сосѣдей воспитываемъ ее во врага (з) и противника, такъ что, не только борьба между ними дѣлается сомнительною, но съ великимъ приращеніемъ въ силахъ подвизаясь противъ души, радуется (и) она, что не попускаетъ душѣ достигнуть почестей и вѣнцевъ. Въ чемъ состоитъ потребность тѣла, подъ предлогомъ которой простираетъ оно пожеланіе до бесполезнаго затрудненія? Безъ сомнѣнія въ хлѣбѣ и водѣ. И

(з) Вмѣсто: *εχθρὸν* по рукописи читается: *εχθρὸς*.

(и) Вмѣсто: *αγαπᾷ* по рукописи читается: *ερρηγνῆ*.

развѣ источники не доставляютъ въ обилии воду? Развѣ хлѣбъ не приобретається удобно всякимъ, у кого есть руки? Можемъ добывать его и другими работами, которыми и потребность тѣлесная удовлетворяется, и мы мало или не во-все, развлекаемся. Но не требуетъ ли великой заботы одежда? Нимало; если будемъ имѣть въ виду одну потребность, а не обычную нашу изнѣженность. Ибо первыи челоуѣкъ носилъ ли какія какъ бы изъ паутинной ткани одежды, или какой виссонъ, или порфиру, или шелковую ризу? Не изъ кожъ ли уготовалъ ему одѣянія Создатель? и не знаками ли повелѣлъ питаться? Сии предѣлы положилъ Онъ тѣлесной потребности. Такой далъ уставъ, и далеко отстранилъ распространяющееся нынѣ неблагоприличіе челоуѣка. Не говорю же о томъ, что живущихъ хорошо безъ сомнѣнія и нынѣ препитаеть Питающій птицъ небесныхъ, и одѣнетъ такую славою Облекающій сельные крины; не говорю, потому что никакъ не возможно убѣдить такъ много отступившихъ отъ сей вѣры. Но живущему добродѣтельно кто даже съ прошеніемъ не предложить потребнаго ему?

Г л а в а 17. Если Вавилоняне, люди варвары, по праву войны взявъ Иерусалимъ, уважили добродѣтель Іереміи, и щедро оказали ему всякое тѣлесное пособіе, давъ, не только нужное для пропитанія, но и сосуды, употребляемые обыкновенно при столѣ; то не уважутъ ли добродѣ-

тельной жизни съ дѣтства паче варваровъ очистившіе умъ для уразумѣнія прекраснаго и ревнители добродѣтели? Ибо, если сами по немощи естества не могутъ содѣлаться подвижниками оной, то чтуть добродѣтель, и удивляются ея подвижникамъ. Кто убѣдилъ Суманитянина устроить Елиссею горницу, поставить тамъ *трапезу, престолъ, одръ и свѣщникъ* (4 Цар. 4, 19.)? Не добродѣтель ли сего мужа? Чтò склонило оную вдовицу, когда всю землю истощилъ голодъ, служеніе Пророку предпочесть собственной нуждѣ? Безъ сомнѣнія, если бы не изумляло ее любомудріе Іліи, то не предложила бы ему и малаго утѣшенія въ жизни, взявъ оное у себя и у дѣтей, и изъ щедрости къ пришельцу преждевременно избравъ смерть, которую незадолго предъ тѣмъ живо себѣ представляла.

Г л а в л 18. Содѣлали же ихъ таковыми мужество, неутомимость въ трудахъ и небреженіе о дѣлахъ житейскихъ. Ибо, возлюбивъ умѣренность, и въ томъ, чтобы неоскудѣвать, преуспѣвъ, такъ сказать, тѣмъ, чтобы имѣть мало нуждъ, приблизились они къ безплотнымъ Силамъ. Почему, будучи невидны по тѣлу и незнатны, содѣлались могущественнѣе завѣдывающихъ всѣмъ, съ такимъ дерзновеніемъ бесѣдовали съ облеченными въ діадиму, съ какимъ тѣ не говорятъ съ подданными. Ибо, на какое надѣясь оружіе, или какую имѣя силу, сказалъ Ілія Ахааву: *не развращаю азъ Израиля, но*

ризвъ ты, и домъ отца твоего (3 Цар. 18, 18.)? Какъ и Моусей съ ревностію противостоятъ Фараону, не имѣя инаго напутствія къ отважности, кромѣ добродѣтели? Какъ Елисей, когда войско двухъ царей, израильскаго и іудейскаго, соединилось на брань, сказалъ Ахаавову сыну (i): *живъ Господь силъ, Ему же предстою предъ Нимъ въ день сей яко аще быхъ не лице Юсафата, царя Іудина, азъ пріяхъ, то воззрѣлъ ми быхъ на тя, и видѣлъ ми быхъ тя* (4 Цар. 3, 14.)? Не утрашился онъ подвигшагося воинства, не убоялся раздражительности царя, который, вѣроятно, по случаю войны управлялся неразумнымъ стремленіемъ, и у котораго помысль былъ возмущенъ борьбою. Власть царя земнаго въ состояніи ли сдѣлать что подобное добродѣтели? Какая порфира раздѣляла рѣку, какъ милоть Иліина? Какая діадима прекращала болѣзни, какъ апостольскіе главоотяжи? Пророкъ одинъ обличилъ беззаконнаго царя, окруженнаго всѣмъ воинствомъ, и поелику обличеніе возбудило гнѣвъ, царь, простерши на Пророка руку, и его не коснулся, и изсохшую руку немогъ пригнуть къ себѣ. Произошла прѣ между добродѣтелію и царскимъ могуществомъ, и побѣда добродѣтели оказалась сильнѣйшею; Пророкъ не боролся, и добродѣтель обратила въ бѣгство противника; подвиж-

(i) По рукописи читается: *тѣ Ахаавъ.*

никъ оставался зъ бездѣйствіи, но дѣйствовала вѣра; сподобники царя содѣлались судіями борьбы, и рука стала свидѣтельницею побѣды добродѣтели.

Г л а в а 19. Совершали же они это, потому что разсудили жить единою душою, презирая тѣло и тѣлесныя нужды, и то, что не имѣли ни въ чемъ потребности, дѣлало ихъ выше всего. Ибо скорѣе рѣшились бы оставить тѣло и освободиться отъ жизни во плоти, нежели измѣнить добродѣтели, и для тѣлесной потребности польстить кому-либо изъ живущихъ въ изобиліи. А мы, когда имѣемъ въ чемъ надобность, подобно молодымъ псамъ, которые, весело махая хвостомъ, ласкаются къ бросающимъ голую, можетъ быть, кость, или крошки, сбѣгаемъ къ богатымъ, называя ихъ благодѣтелями и попечителями христіанъ, и однимъ словомъ, приписываемъ имъ всякую добродѣтель, хотя они до крайности порочны, только бы успѣть намъ въ желаемомъ; не любопытствуемъ узнать, какъ жили святые, соревновать добродѣтели которыхъ, конечно, и мы предполагали. Пришелъ нѣкогда къ Елиссею Нееманъ, сирійскій военачальникъ, принесши съ собою многіе дары. Что же Пророкъ? оказалъ ли ему услугу? поспѣшилъ ли къ нему на встрѣчу? Не чрезъ отрока ли одного объяснилъ ему потребность его, за которою пришелъ, не принявъ его даже и на глаза къ себѣ, чтобы не подумалъ, будто бы

ради принесеннаго дано ему уврачеваніе? Не для того сіе сказано, чтобы научились мы высокомѣрїю, но чтобы ради тѣлесной потребности не льстили заботящимся о томъ, что дали мы обътъ пренебрегать. Посему, для чего же мы, оставивъ цѣль любомудрїя, занимаемся земледѣлемъ и торговлею? Что великаго привносимъ Богу своею заботою (к)? Чтобы явствовало, что попеченіе о земледѣліи есть общее дѣло, человѣческое стараніе разсѣкаетъ землю, влагаетъ сѣмена, а Богъ повременими дождями орошаетъ землю, способствуя посѣянному распростирать корни въ размягченныхъ нѣдрахъ земли, изводитъ солнце согрѣвающее землю, и теплотою вызывая растенія вверхъ, посылаетъ вѣянїя вѣтровъ, соразмѣрныя возрасту воспитываемыхъ плодовъ. Вначалѣ нѣжными дыханїями провѣваетъ покрывающуюся зеленью равнину, чтобы горячими вѣтрами не пожечь согрѣваемыхъ солнцемъ посѣвовъ, а сильными порывами вѣтровъ приводитъ въ зрѣлость во влагалницахъ млековидный сокъ плода, во время молотбы даетъ потребный жаръ, а во время вѣянїя — пригодные вѣтры. Если не будетъ доставать чего-либо этого, то суетнымъ окажется человѣческій трудъ, и ни во что обратится наше стараніе, незапечатлѣнное Божїими дарами. Но нерѣдко ни въ чемъ этомъ не бы-

(к) Вместо: *εἰς τῆ* въ рукописи читается: *εἰς τῆς*.

ваетъ недостатка, чтобы все пришло въ совершенство, и сильный дождь, случившійся не вовремя, уносить или требующій еще молотбы колосья, или благовременно собранную пшеницу. А иногда въ самой житницѣ губятъ ее червь и тля, похищая, такъ сказать, изъ самыхъ устъ готовую трапезу.

Г л а в а 20. Посему въ чемъ и на что намъ полезно наше стараніе, когда Богъ правитъ кормиломъ, и все движетъ и ведетъ, какъ Ему угодно? Скажемъ ли, что тѣло въ немощахъ имѣетъ нужду въ утѣшеніи? Но сколько лучше умереть, нежели сдѣлать что-либо неприличное нашему обѣту! Конечно же, если угодно Богу, чтобы мы еще жили, то, или тѣлу дастъ крѣпость равносильную немощи, чтобы перенести намъ трудность недуга и за мужество пріять вѣнцы, или примыслить средство къ утѣшенію страждущаго, и не окажется недостаточнымъ къ спасенію это примышленіе въ Источникѣ спасенія и премудрости. Посему прекрасное, подлинно прекрасное, возлюбленные, дѣло — снова войти въ первобытное блаженство и взятыя за житіе древнихъ; потому что, какъ думаю, удобно это всякому желающему. А если и потребуется какой трудъ, то не будетъ онъ безплоденъ, достаточное имѣя для сего облегченіе въ славѣ предшествовавшихъ и въ исправленіи тѣхъ, которые будутъ послѣдовать. Ибо для начавшихъ таковой образъ жизни и оставляющихъ

по себѣ другимъ образецъ совершеннаго житія немалую составить выгоду воспріятіе оставленнаго. Будемъ избѣгать пребыванія въ городахъ и весяхъ, чтобы живущіе въ городахъ и весяхъ притекали къ намъ, устремимся въ пустыню, чтобы привлечь къ себѣ, если кому вполне пріятно это, бѣгущихъ теперь отъ насъ. Ибо въ похвальной пѣсни о нѣкоторыхъ написано, что оставили города, поселились на камняхъ, и стали *яко голубицы скорбяще* (Иезек. 7, 16.). И Іоаннъ Креститель пребывалъ въ пустынѣ, и всѣ города со всѣми жителями приходили къ нему, чтобы увидѣть кожаный поясъ, стекались облеченные въ шелковыя одежды, соглашались бесѣдовать подъ открытымъ небомъ имѣющіе у себя съ позлащенными крышами дома, и упокоенія на убранныхъ драгоценными камнями лоджахъ славнѣе стало возлежаніе на пескѣ, и все было для нихъ сносно, хотя дѣлалось противъ обычая; потому что любовь къ добродѣтели мужа отнимала у нихъ ощущеніе скорбнаго, и удивленіе тому, что видѣли, закрывало трудность суровой жизни.

Г л а в л 21. Столько-то добродѣтель досто-честнѣе богатства, и жизнь безмолвная славнѣе множества денегъ! Сколько было въ то время богачей, высоко думавшихъ о своей славѣ? И о нихъ молчать, ихъ предали забвенію; а мужъ неславный донинѣ воспѣвается съ удивленіемъ, и память пустынножителя для всѣхъ вожде-лѣн-

на ; потому что добродѣтели свойственно быть славною и слухъ о себѣ посылать вѣстникомъ добротъ своихъ. Откажемся отъ скотопитанія, чтобы воспріять на себя пастырское званіе. Оставимъ постыдную куплю, чтобы приобрѣсть многоцѣнный бисеръ (Матѳ. 13, 46.). Бѣжимъ отъ воздѣлыванія земли, произрастающей тернія и волчцы, чтобы содѣлаться дѣлателями и хранителями рая. Бросимъ все и изберемъ жизнь безмолвную, чтобы пристыдить тѣхъ, которые укоряютъ насъ нынѣ за пристрастіе къ любостыжательности. Ибо ничто не посрамляетъ такъ нападающихъ , какъ сопровождаемое скромностію исправленіе укоряемыхъ ; потому что произшедшая въ укоряемыхъ переменна обращается въ посрамленіе укоряющимъ. Гнуснымъ же почитаю, и дѣйствительно гнусно то, за что всѣ справедливо надъ нами посмѣваются. Иной, едва приступивъ къ иноческой жизни, узнавъ только первыя правила подвижничества, немедленно вызывается быть учителемъ въ томъ, чему и неучился, какъ молиться, когда и какой наблюдать уставъ въ пищѣ ; влечетъ за собою рядъ учениковъ, когда самъ имѣетъ нужду въ обученіи, и тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ болѣе удобнымъ почелъ для себя это дѣло, не зная, что изъ всего труднаго само труднѣйшее имѣть попеченіе о душахъ, которыя прежде всего нужно очистить отъ застарѣвшихъ нечистотъ, а потомъ съ великою внимательностію довести до

того, чтобы напечатлѣлись въ нихъ уроки добродѣтели. А кто не представляетъ себѣ ничего болѣе, кромѣ тѣлеснаго подвижничества, тому какъ исправить нравы подчиненныхъ? какъ передѣлать тѣхъ, надъ которыми возобладала худая привычка? Какъ помочь боримымъ страстями, не зная вовсе, что такое мысленная брань? Или какъ уврачевать пріятыя на брани язвы, когда самъ еще лежитъ въ язвахъ, и имѣетъ нужду въ обязаніяхъ.

Г л а в а 22. Всякое искусство для успѣха въ ономъ требуетъ времени и многого ученія. За одно искусство искусствъ берутся неучась. И за земледѣліе неотважится приняться неопытный; не посвященный во врачебное искусство не беретъ также за сіе дѣло. Ибо они изобличаютъ себя, одинъ тѣмъ, что не окажетъ пользы больнымъ, но даже болѣзнь ихъ сдѣлаетъ больше тяжкою, а другой тѣмъ, что и хорошую землю обратить въ бесплодную и негодную. На одно только богочестіе, какъ дѣло удобнѣйшее, отваживаются не обучившіеся, и многими это неудобносполнимое дѣло почитается легкимъ. Чего и Павелъ признаетъ себя не *у достигшимъ* (Филип. 3, 13.), о томъ, будто бы въ точности познали сіе, утверждаютъ невѣдущіе того самаго, что не знаютъ сего. Посему-то монашеская жизнь и содѣлалась презрѣнною, и проходящіе ее у всѣхъ въ посмѣяніи. Да и кто не посмѣется, видя, что вчера носившаго воду въ корчмѣ

сегодня, какъ учителя добродѣтели, съ подобострастіемъ окружають ученики, или утромъ удалившійся отъ общественныхъ дѣлъ по неудачѣ въ нихъ вечеромъ со множествомъ учениковъ величаясь ходитъ по всей площади? Если бы вполнѣ были они убѣждены, что великій трудъ привести кого-либо къ богочестію, и въ точности знали, какою опасностію сопровождается дѣло, то конечно отказались бы отъ онаго, какъ превышающаго ихъ силы. Но пока не знаютъ этого, и начальствовать надъ кѣмъ нибудь почитаютъ славою, бросаются въ такую пропасть, и почитаютъ легкимъ ввергнуться въ горящую печь, а симъ возбуждаютъ смѣхъ въ знавшихъ ихъ вчерашнюю жизнь, и прогнѣвляютъ Бога такую опрометчивостію.

Г л а в а 23. Если ни почтенная старость, ни давнее дерзновеніе, ни священническій санъ не отвратили Божія гнѣва отъ Іліи, вознерадѣвшаго объ исправленіи дѣтей; то избавятся ли нынѣ отъ сего гнѣва непріобрѣтшіе довѣрія Божія прежними дѣлами, незнающіе, или свойства грѣха, или способа къ исправленію, но изъ любви къ славѣ неискусно берушіеся за страшное дѣло? Посему-то Господь, хотя повидимому, осуждая фарисеевъ, сказалъ: *горе вамъ книжницы и фарисее лицемѣри, яко переходите море и сушу сотворити единого пришельца, и егда находите, творите его сына геенны сугубѣнша васъ* (Матѣ. 23, 15.); однако же

Нил. Ч. II.

3

въ дѣйствительности укоризною имъ вразумляетъ тѣхъ, которые въ послѣдствіи впадутъ въ тѣже прегрѣшенія, чтобы, слыша сіе: *горе*, удержались отъ безвременнаго пожеланія, признавъ, что угрожающее имъ бѣдствіе страшнѣе людской славы. Да убѣдитъ ихъ и Іовъ, или подобно ему заботиться о подчиненныхъ, или отказаться отъ таковаго начальства, какъ неумѣющихъ поступать также, какъ и онъ, даже нехотящихъ прилагать такое же стараніе о находящихся подъ ихъ попеченіемъ. Ибо если онъ, желая, чтобы дѣти его были чисты отъ мысленныхъ сквернъ, ежедневно приносилъ за нихъ жертвы, говоря: *негли когда сынове мои въ мысли своей злая помыслиша противъ Бога* (Іов. 1, 5.) ; то какъ же сіи, не умѣя различить и явныхъ грѣховъ, потому что разсудокъ ихъ помрачаетъ пыль, возметаемая въ борьбѣ со страстями, приступаютъ къ начальству надъ другими и принимаютъ на себя врачеваніе другихъ, не уврачевавъ еще своихъ страстей, и не имѣя силъ, въ слѣдствіе своей побѣды, и иныхъ подобно вести къ побѣдѣ ?

Г л а в а 24. Ибо прежде должно побороться со страстями, и со многимъ трезвѣніемъ предать памяти, что было во время брани, и потомъ по испытанному на себѣ сообщить и другимъ правила борьбы, и содѣлать для нихъ побѣду удобнѣйшею, сказавъ напередъ способы, какъ вести брань. Ибо иные и преодолѣли въ

себѣ страсти, можетъ быть, долговременнымъ строгимъ житіемъ, но не знаютъ способа побѣды, потому что, какъ въ ночномъ сраженіи, не слѣдовали они за ходомъ всего дѣла, и умъ ихъ не позналъ въ точности вражескихъ злоумышленій. Сіе-то, изображая въ образахъ, учинилъ Иисусъ Навинъ, когда войско ночью переходило Иорданъ, приказавъ изъ среды рѣки взять камни и внѣ рѣки сложить изъ нихъ столпъ и написать, какъ перешли Иорданъ, означая симъ, что глубокія помышленія страстнаго житія должно дѣлать явными и во всей ясности предавать ихъ позору, а не утаевать по зависти сего знанія отъ другихъ, чтобы не одинъ перешедшій зналъ способъ переходенія, но и намѣреующіеся сдѣлать тоже удобно совершили сей переходъ по данному имъ уроку, и опытъ однихъ содѣлался наставленіемъ для другихъ. Но не видятъ сего наши учителя, не слушаютъ, когда говорятъ другіе, смотрятъ же только на одно свое убѣжденіе, и братіямъ, какъ наемникамъ, предписываютъ рабскія службы, въ томъ поставляя всю славу, чтобы начальствовать надъ бѣльшимъ числомъ, и соревнуютъ въ томъ, чтобы не меньше прочихъ, во время шествій своихъ, водить за собою невольниковъ, показывая изъ себя болѣе торгашей, нежели учителей.

Г л а в а 25. Ибо, когда почитаютъ легкимъ дѣломъ приказывать словомъ, хотя приказывае-

мое и тяжело, а учить дѣломъ не соглашаются, тогда ясною для всѣхъ дѣлають цѣль свою, что принимаютъ на себя начальство сіе, потому что стараются не пользу доставить приходившимъ, но исполнить свое удовольствіе. Пусть же, если угодно, поучатся у Авимелеха и Гедеона, что не слово, а дѣло, приводитъ подначальныхъ къ подражанію. Авимелехъ . нарубивъ беремья дровъ , понесъ и сказалъ: *еже видите мя творяща, сотворите и вы* (Суд. 9, 48.) ; а Гедеонъ, ведя на общее дѣло, идетъ самъ впереди, и говоритъ: *мене смотрите, и такожде творите* (Суд. 7, 17.). И Апостоль, который говоритъ: *требованію моему и суцимъ со мною послужистъ руцъ сіи* (Дѣян. 20, 34.); и Самъ Спаситель, Который дѣлаеть, а потомъ учить, кого не убѣдятъ, ученіе дѣломъ почитать убѣдительнѣйшимъ ученія словомъ? Но они смѣкають глаза для сихъ образцевъ, съ высокоумріемъ же предписываютъ, что должно дѣлать. А когда повидимому, и знаютъ нѣчто такое по слуху ; тогда, подобно осуждаемымъ у Пророка за неопытность пастырямъ , носятъ мечь *на мышцѣ*, почему кромѣ мышцы у нихъ и око десное слѣпнетъ (Зах. 11, 17.); потому что десная дѣятельность, по неразумію оставляемая въ нерадѣніи, вмѣстѣ съ собою угашаетъ и свѣтлость созерцанія. Сему подвергаются тѣ, которые строго и безчеловѣчно наказываютъ, какъ скоро получаютъ въ руки власть налагать

наказанія ; въ нихъ созерцательныя помышленія, принадлежащія къ числу десныхъ, вскорѣ угасаютъ, а также дѣянія, будучи лишены созерцанія, увядаютъ ; потому что не могутъ ни дѣлать, ни видѣть что-либо тѣ, у кого не по бедрѣ опоясанъ мечъ, а на мышцѣ. При бедрѣ же прикрѣпляютъ мечъ, которые Божіимъ словомъ пользуются противъ страстей своихъ ; и носятъ его на мышцѣ, у которыхъ въ рукахъ власть наказывать чужіе грѣхи.

Г л а в а 26. Такъ и Аммонитянинъ Наасъ (что толкуется змій) угрожаетъ прозорливому Израилю извертѣть у всякаго десное око его (1 Цар. 11, 2.), чтобы никакое правое помышленіе возобладавшего имъ не руководило къ правой дѣятельности ; ибо зналъ, что сіе бываетъ причиною великаго успѣха въ поступающихъ отъ созерцанія къ дѣятельности ; потому что у таковыхъ содѣянное дѣлается невиннымъ, будучи предусмотрѣнно прозорливыми очами вѣдѣнія. А что принимать начальство надъ другими свойственно людямъ легкимъ, для которыхъ у себя дома нѣтъ никакой выгоды, — это явствуетъ изъ опыта ; потому что вкусившій безмолвія, начавшій сколько нибудь упражняться въ созерцаніи, не согласится связать умъ заботами о тѣлесномъ, и отвлекши его отъ вѣдѣнія, когда онъ большею частію паритъ превыспренно, обращать къ дѣламъ земнымъ. Но еще болѣе явствуетъ это изъ пресловутой оной притчи,

которую Иоаамъ (л) предложилъ Спхемлянамъ, говоря: *идуци идоша древа лѣсныя помазати себѣ царя, и рѣкоша къ лозѣ виноградной: прииди, буди намъ царь. И рече имъ лоза виноградная: еда оставлю плодъ мой благій, его же прослави Богъ и челоуѣцы, и пойду владѣти древами* (Суд. 9, 8 — 14.)? Когда подобно сему отказались и смоковница по своей сладости, и масличина по своей тучности: тернъ, дерево безплодное и колючее, принялъ на себя начальство надъ ними, не имѣя тучности ни въ себѣ самомъ, ни въ деревьяхъ подчиненныхъ; потому что деревья, требующія надъ ними настоятельства, притча назвала не садовыми, но лѣсными. А какъ виноградная лоза, смоковница и масличина отказались начальствовать надъ деревьями лѣсными, увеселяясь болѣе плодомъ своимъ, нежели начальническимъ саномъ; такъ усматривающіе въ себѣ какой-либо плодъ добродѣтели и ощущающіе отъ сего пользу, хотя бы многіе принуждали (м) къ таковому начальству, отклоняютъ отъ себя честь, воздаваемую многими, предпочитая тому пользу свою.

Г л а в а 27. Чтò покушался тернъ въ притчѣ сдѣлать съ деревьями, то случается и съ людьми, составившими подобные договоры. Ибо, или *изыдетъ*, какъ сказано, *огнь изъ тернія, и по-*

(л) Такъ по рукописи и въ слав. переводѣ.

(м) Въмѣсто: *тѣмъ* по рукописи читается: *тѣмъ*.

лѣтъ дерева лѣсныя (Суд. 9, 15.), или изыдетъ огонь изъ деревъ, и поясть терніе. Когда составляются бесполезные договоры; тогда необходимо послѣдовать опасности, какъ для подчинившихъ себя неопытному учителю, такъ и для самихъ принявшихъ на себя начальство по невнимательности учащихся. Ибо и неопытность учителя губить учащихся, и нерадѣніе учениковъ вводитъ въ опасность учителя, особливо, когда ученики лѣнятся по недостатку свѣдѣній у учителя. Ибо и отъ учителя не должно быть скрыто что-либо способствующее исправленію подчиненныхъ, и учащіеся обязаны не оставлять въ небреженіи ни одного изъ повелѣній учителя. И имъ послушаться, и ему не обратить вниманія на погрѣшающихъ, — опасно и губительно. Да не почитаютъ дѣла сего предлогомъ къ покою и наслажденію. Всего многотруднѣе начальствовать надъ душами. Надзирающіе надъ безсловесными и скотами не встрѣчаютъ въ стадахъ ни въ чемъ противорѣчія, и потому нерѣдко надзоръ надъ ними бываетъ благоуспѣшенъ. А настоятелямъ надъ людьми различіе нравовъ и хитрость разума дѣлаютъ настоятельство весьма труднымъ и приступающимъ къ оному должно умастить себя, какъ на многотрудный подвигъ, чтобы и недостатки всѣхъ переносить со всякимъ терпѣніемъ, и великодушно научать ихъ тому, что сокрыто отъ нихъ по невѣдѣнію.

Г л а в а 28. Поэтому умывальницу во храмъ держать на себѣ воли, а свѣщникъ устроенъ былъ весь плотно вылитый и выточенный. И какъ свѣщникъ означалъ, что поставленный просвѣщать другихъ долженъ быть во всѣхъ частяхъ твердъ, не имѣть ничего легкаго или пустаго, и что въ немъ должно быть сглажено все излишнее, что для взирающихъ не было бы полезно видѣть въ образцѣ неукоризненнаго житія. Такъ воли подъ умывальницею означали, что приступающій къ дѣлу подобнаго рода не долженъ отказываться отъ всего, что ни приблизится къ нему, но носить и тяготы и нечистоту низшихъ, пока носить это безопасно. Ибо, если будетъ содѣлывать чистыми дѣянія приходящихъ, то, конечно, необходимо и самому ему стать причастнымъ нѣкоторой нечистоты. Такъ и умывальница, очищая руки умывающаго ихъ, сама принимаетъ въ себя нечистоту его. И тому, кто разсуждаетъ о страстяхъ и въ другихъ истребляетъ подобныя скверны, невозможно миновать того, чтобы не оскверниться; потому что самое памятованіе обыкновенно оскверняетъ мысль говорящаго. И хотя не живыми красками напечатлѣваетъ образы срамнаго, однако же надолго сквернитъ умъ, возмущая потоки слова нечистыми именованіями (н).

(н) По рукописи читается: τὰς τῶ λόγου διεξόδους δρόμασιν οὐ καθαρῶς ἐπιθόλουσα.

Да и настоятельно должно быть столько свѣдущимъ, чтобы ни одинъ изъ замысловъ врага не оставался ему неизвѣстнымъ, и могъ онъ порученнымъ ему до подробности указать тайныя ухищренія въ борьбѣ, и предсказывая злоумышленія противника, безъ труда провозгласить имъ побѣду и увѣнчанными извести съ подвига. Но рѣдко и нелегко сыскивается такой настоятель.

Г л а в а 29. Сіе самое свидѣтельствоуетъ великій Павелъ, говоря: *не неразумляемъ бо умысленій его* (2 Кор. 2, 11.). А чудный Іовъ, недоумѣвая о подобномъ сему, говоритъ: *кто открытъ лице облеченія его? въ согбеніе же персей его кто увидеть? двери лица его кто отверзетъ* (Іов. 41, 4. 5.)? И сіе значитъ: не видно лица у него; потому что закрываетъ лукавство многими одеждами, уловляетъ обманчивою видимостію, а въ тайнѣ коварно устрояетъ гибель. И чтобы не соприсчислить и себя къ незнающимъ свойствъ врага, Іовъ сказываетъ признаки его, какъ ясно знающій всѣ его странности, и говоритъ: *очи его видѣніе денницы* (9.); *утроба его щиты мѣдны* (6.). И сіе говоритъ, обличая его злоторность; потому что, преобразуясь въ образъ денницы, ухищряется привлекать къ себѣ взирающихъ на него, а щитами, которые внутри его, уготовляетъ смерть приближающимся. Да и притча даетъ уразумѣть опасность дѣла, говоря: *разспѣвай дрова, бѣду*

пріемлетъ въ нихъ, аще спадетъ спъчиво (Еккл. 10, 9. 10.). Кто разбираетъ вещь въ словѣ своемъ, и въ томъ, что почитается соединеннымъ, расторгаетъ связь, и раздѣляетъ, что одно другому было совершенно чуждо, съ намѣреніемъ показать дѣйствительно доброе въ почитаемомъ таковымъ, тотъ, если не оградить отовсюду слова, *блѣду пріемлетъ* въ слушающихъ, какъ скоро спадаетъ сіе огражденіе съ слова, подавая учащимся поводъ къ соблазну.

Г л а в а 30. Такъ одинъ изъ учениковъ Елисея, рубя дерева при Іорданѣ, когда сѣкира упала въ рѣку, видя бѣду, воззвалъ къ учителю: *о господине, и сіе заемное* (4 Цар. 6, 5.). Сему подвергаются тѣ, которые предпринимаютъ учить по наслышкѣ, и не въ состояніи бываютъ достичь цѣли, потому что говорятъ не по собственному разумѣнію. Когда въ продолженіи бесѣды уличаются, что сказали нѣчто противорѣчащее предположенному; тогда признаются въ незнаніи, подвергаясь бѣдѣ отъ употребленнаго слова. Потому и великій Елисей, ввергнувъ въ глубину древо, сдѣлалъ, что выплыло желѣзо, и тѣмъ мысль, которую утратилъ ученикъ, и которая почиталась сокрытою во глубинѣ, Пророкъ уяснилъ, и представилъ взору слушающихъ. Вотъ Іорданъ означаетъ слово покаянія; ибо тамъ совершалось Іоанномъ крещеніе покаянія. Но кто слово о покаяніи изрекъ не точно, обнаруженіемъ же сокровенной доброты заста-

вилъ слушателей придти въ небреженіе, тотъ повергъ сѣкиру въ Иорданъ. Явно же, что явившееся древо вынесетъ сѣкиру изъ глубины и заставитъ всплыть. Ибо прежде креста слово о покаяніи было сокрыто, потому и намѣревавшійся сказать о немъ что-либо былъ обличенъ, какъ отважившійся преждевременно; но послѣ креста оно для всѣхъ стало явнымъ, какъ въ свое время показанное древомъ.

Г л а в а 31. Говорю же сіе, не то внушая, чтобы ни для кого не быть путеуказателемъ, и не возбраняя кого-либо изъ юныхъ путеводить къ богочестию, но совѣтуя приобрѣсти сперва навыкъ къ добродѣтели, соотвѣтственный величію дѣла, и не поспѣшно предаваться достиженію цѣли, помышляя только о пріятномъ — объ услугахъ учениковъ и о доброй славѣ у внѣшнихъ, опуская же изъ виду послѣдующую за симъ опасность, и прежде установленія мира бранныхъ оружій не передѣлывать въ земледѣльческія орудія. Когда покорены всѣ страсти, ни откуда не беспокоятъ уже враги, и оборонительныхъ оружій не нужно употреблять въ дѣло; тогда хорошо воздѣлывать души другихъ. А пока самовластвуютъ еще страсти, продолжается еще брань съ мудрованіемъ плоти, не должно отымать рукъ отъ оружія, но непрестанно надлежитъ имѣть ихъ подъ руками, чтобы злокозненные нашего упокоенія не обратили въ случай къ нападенію, не плѣнили насъ безъ

пролитія крови. Ибо какъ доблестно подвизавшимся за добродѣтель, и по великому смиренномудрію думающимъ, что еще не одержана побѣда, слово Писанія подаетъ такой совѣтъ: *раскуйте мечи свои на орала и копія своя на серпы* (Ис. 2, 4.), внушая имъ не нападать уже понапрасну на побѣжденныхъ враговъ, но для пользы многихъ душевныя силы отъ браннаго навыка обратить къ воздѣланію тѣхъ, которые обилуютъ еще плодами порочныхъ дѣлъ: такъ тѣмъ, которые, не пришедши въ такое состояніе, по неопытности или по неразумію, принялись за дѣло, превышающее ихъ силы, совѣтуетъ противное, говоря: *разсѣцйте рала ваша на мечи, и серпы ваша на копія* (Іоли. 3, 10.).

Г л а в а 32. Ибо что намъ пользы въ земледѣліи, когда страна объята войною, которая препятствуетъ воспользоваться произведеніями земледѣлія, и оно доставитъ обиліе скорѣе непріателямъ, нежели трудившимся? Посему-то, можетъ быть, и Израильтянамъ, боровшимся еще въ пустынѣ съ разными народами, не дозволяетъ Богъ имѣть попеченіе о земледѣліи, чтобы не воспрепятствовало сіе воинскимъ упражненіямъ, а послѣ покоренія непріателей совѣтуетъ заняться онымъ, говоря: *егда увидите въ землю обѣтованія, насадите въ ней всяко древо плодovitое* (Лев. 19, 23.), но прежде, нежели увидите, не насаждайте. Ибо въ первомъ повелѣніи

подразумѣвалось и послѣднее ; и сіе справедливо: ибо насаждаемое прежде совершенства не бываетъ прочно, особливо, когда желающіе насаждать носятъ еще непостояннымъ нравомъ. А порядокъ и послѣдовательность, если въ иномъ чемъ, то и въ дѣлахъ богочестія, имѣютъ мѣсто и должны быть вводимы въ постановленія, съ самаго начала. Ибо утратившіе изъ виду то, что составляетъ начатки, и уловленные обольстительнымъ, послѣ по необходимости убѣждаются сообразоваться съ послѣдовательностію порядка. И какъ Іаковъ, увлекшись красотой Рахили, презиралъ немощь очей Ливныхъ, однако же не бѣжалъ отъ труда по приобрѣтеніи такой добродѣтели, но *исполни и сея седмины* (Быт. 29, 28.); такъ и желающему законно устроиться въ образѣ жизни должно не отъ конца возводиться къ началу, но отъ начала съ успѣхомъ простираться къ совершенству.

Г л а в а 33. Ибо такимъ образомъ и самъ достигнетъ желаемаго и подчиненныхъ неукоризненно приведетъ къ концу добродѣтели. Но многіе не приложивъ никакого труда, не совершивъ ни малаго, ни большаго, дѣла богочестія, безъ разсужденія гонятся за именемъ, выказывая страшное омраченіе ума, не признавая въ этомъ опасности, и не только не отказываются, когда другіе призываютъ ихъ къ дѣлу, но, обходя закоулки, насильно влекутъ встрѣчающихся, обѣщая всякую услугу, какъ составляющіе дого-

воры съ наемниками о пищѣ и одеждѣ. А при такой любви къ дѣлу, когда хотятъ съ толпою показываться на распутіяхъ, покоиться опираясь на руки сопровождающихъ, и вполнѣ выдержать лице учителя, — какъ принявшіе на себя такое лицедѣйство, чтобы не оставили ихъ оказывающіе имъ эту услугу, необходимо имъ и въ удовольствіе служащихъ сдѣлать многое, и дать свободу ихъ пожеланіямъ, подобно возницѣ, опустившему бразды и дозволившему конямъ бѣжать свободно, нестись по стремнинамъ, и пропасть и удариться обо все, что подъ ногами; потому что нѣкому остановить и удержать безпорядочныхъ стремленій.

Глава 34. Но таковыя да слышать, какъ блаженный Іезекіиль оплакиваетъ сожалѣющаго о доставляющихъ пищу наслажденію другихъ и уступчивостію желаніямъ каждаго сокровиществующихъ себѣ горе; ибо говорятъ: *горе сшивающимъ возглавїицы подъ всякій локоть руки, и сотворяющимъ покрывала надъ всякую главу всякаго возраста, еже развратити души, горсти ради ячмене, и ради укруза хлѣба* (Іезек. 13, 18. 19.). Такъ и они, изъ подавнѣй собирая себѣ потребное для тѣла, и довольствуясь какъ бы изъ лоскутьевъ собранными припасами, обязанныхъ молиться или пророчествовать съ открытою головою пристыждаютъ покрывалами, мужественное состояніе возложеніемъ покрывалъ обращая въ женственное

и губя души, которымъ не должно умирать. Имъ наипаче, покорившись истинному Учителю Христу, надлежало изъ всѣхъ силъ отказываться отъ попеченія о другихъ. Ибо ученикамъ Своимъ говорятъ Онъ: *вы же не нарицайтесь учителями* (Матѳ. 23, 8.). Если и Петру и Іоанну и всему явку Апостоловъ совѣтуетъ оставаться вдали отъ такого дѣла и почитать себя малыми для сего достоинства; то послѣ сего кто же вообразить о себѣ, что онъ выше Апостоловъ, и себѣ присудить достоинство, которое возбранено было имъ? Или можетъ быть Сказавшій: *не нарицайтесь учителями*, возбраняетъ, не быть, а называться только учителями?

Г л а в а 35. Если же кто произвольно, потому что принялъ одного или двоихъ, принужденъ бываетъ начальствовать и надъ многими, то прежде всего пусть тщательно испытаетъ себя, дѣломъ ли паче, нежели словомъ, способенъ онъ научить тому, что дѣлать, представивъ жизнь свою въ образецъ добродѣтели учащимся, такъ что списывающіе съ сего образца не умалятъ красоту добродѣтели безобразіемъ погрѣшности противъ подлинника. Потомъ пусть знаетъ, что о подчиненныхъ не меньше онъ долженъ беспокоиться, чѣмъ и о себѣ; потому что, какъ за себя, такъ и за нихъ, дастъ отчетъ, какъ скоро принялъ на себя спасеніе ихъ. И для святыхъ особымъ попеченіемъ было — учениковъ своихъ оставить не меньшими себя

въ добродѣтели, и изъ прежняго состоянія привести въ состояніе лучшее. Такъ Апостоль Павлисъ Онисима изъ бѣжавшаго раба содѣлалъ мученикомъ ; Илія изъ землепашца приуготовилъ Пророка Елиссея : Мовсей Исуса паче всѣхъ украсилъ совершенствами ; Илій достигъ, что Самуилъ оказался даже выше его. Ибо если и старательность самихъ учениковъ содѣйствовала имъ къ приобрѣтенію добродѣтели, то главною виною ихъ преспѣянія послужило то, что они встрѣтили учителей, которые такъ прекрасно возмогли затлѣвшую искру усердія возжечь въ большей силѣ, и она содѣлала ихъ свѣтоносными, отъ чего стали они устнами Божиими, послужили людямъ сообщеніемъ имъ воли Божіей ; потому что слышали Сказавшаго: *аще изведеши честное отъ недостойнаго, яко уста Моя будеши* (Иер. 15, 19.).

Г л а в а 36. А къ чему способенъ учитель, внушаетъ Богъ Іезекіилю, научая, какими и изъ какихъ долженъ онъ уготовлять учениковъ ; ибо говоритъ: *сыне чловѣчь, возми себѣ плинѣу, и положи ю предъ лицемъ твоимъ, и да напишеша на ней градъ Іерусалимъ* (Іезек. 4, 1.), означая симъ, что учитель дѣлаетъ ученика изъ брениа святымъ храмомъ. Прекрасно сказано и сіе: *положи ю предъ лицемъ твоимъ*. Ибо усовершеніе въ ученикѣ произойдетъ скорѣе, если будетъ онъ всегда въ виду у учителя ; частыя напоминанія о прекрасныхъ образцахъ начерты-

ваютъ сходныя подобія въ душахъ не очень жестокихъ и упорныхъ. Гіезій и Іуда отъ того впали, одинъ въ хищеніе, а другой въ предательство, что удалялись отъ очей учителя; а если бы каждый изъ нихъ пребывалъ при уцѣломудрившемъ его, то не согрѣшили бы они. А что учителю угрожаетъ опасность отъ нерадѣнія учениковъ, сіе изобразилъ Богъ въ слѣдующихъ за тѣмъ словахъ, сказавъ: *и положиши сковраду желѣзную между тобою и между градомъ, и будетъ стѣною между тобою и между нимъ* (3.). Кто не хочетъ самъ раздѣлять наказанія съ предающимся нерадѣнію, послѣ того какъ сдѣлалъ его изъ плинѣы городомъ, тотъ долженъ напоминать ему о наказаніяхъ, забываемыхъ возвращающимися вспять изъ таковаго состоянія, чтобы наказанія сія, ставъ стѣною, отдѣляли невиннаго отъ виновнаго. Сіе то повелѣвая, Богъ Іезекіілю говоритъ: *сыне чловѣчь, въ стража дахъ ты дому Израилеву, и если увидишь мечъ грядущъ, и не засвидѣтельствуешь имъ, и возметъ отъ нихъ чью-либо душу, отъ руки твоей възьму* (Іезек. 33, 6. 7.).

Глава 37. Такую стѣну полагаетъ для себя Моусей, говоря Израильтянамъ: *внемли себѣ, да невзыщеша кослѣдовати имъ, по потребленіи ихъ отъ тебя* (Втор. 12, 30.). Бываетъ же сіе съ тѣми, которые не обращаютъ тщательнаго вниманія на свое сердце; по отсѣченіи

страстей, какъ нѣкіе отпрыски, начинаютъ возникать въ нихъ образы давнихъ представленій, и если дастъ имъ кто свободу часто западать во владычественный умъ, и не возбранитъ входа, то снова откроетъ въ себѣ приютъ страстямъ, послѣ побѣды дѣлая жизнь опять не безопасною отъ бореній. Ибо страстямъ, когда онѣ даже укрощены и, подобно воламъ, приобучены ѣсть сѣно, свойственно, по нерадѣнію укротителя, снова дѣлаться дикими и приходятъ въ звѣрскую свирѣпость. Посему-то, чтобы не произошло сего, сказано: *да не възъщещи послѣдовати имъ по потребленіи ихъ* отъ тебя, чтобы душа, при взысканіи воспріявъ навѣкъ услаждаться такими представленіями, не возвратилась къ прежней порочной жизни. Великій Іаковъ, зная, что бываетъ это, и что подобныя вещи, если часто ихъ видѣть и часто о нихъ думать, всего болѣе вредятъ сердцу, самые ясные и открытые образы срамныхъ представленій—боговъ чуждыхъ—запечатавъ, сокрываетъ въ *Сикимпъхъ* (Быт. 35, 4.); потому что сей трудъ въ борьбѣ со страстями сокрываетъ и губитъ ихъ не на краткое какое-либо время, но даже *до днешняго дне*, то есть, на все время; ибо слово: *днесъ* спротяженно всему вѣку, означая всегда настоящее время. А слово: *Сикимы* толкуется: возложеніе на рамена (и), что означаетъ трудъ въ борьбѣ.

(и) По рукописи читается: *Σικίμα δὲ βριατίς ἐμνησθηται.*

со страстями. Посему Иаковъ и Иосифу, борвшемуся со страстями, за трудъ въ этой борьбѣ даетъ преимущественное достояніе—Сикимы.

Г л а в а 38. Ибо и самъ Иаковъ, говоря, что взялъ Сикимы *мечемъ и лукомъ* (Быт. 48, 22.), показываетъ, что борьбою и трудомъ возобладалъ надъ страстями, скрывъ ихъ въ землѣ сикимской. Повидимому же противное нѣчто представляется въ томъ, чтобы скрыть боговъ въ Сикимѣ, и въ томъ, чтобы положить идола въ сокровеніи: ибо первое — скрыть въ Сикимѣхъ похвально, а послѣднее — положить идола въ сокровеніи — укоризненно. Такъ съ клятвою постановилъ сіе законъ, сказавъ: *проклятъ иже положитъ идола въ сокровеніи* (Второз. 27, 15.); потому что не одно и тоже навсегда скрыть въ землѣ и положить въ сокровеніи; сокрытое въ землѣ и неявляющееся уже чувству со временемъ изглаждается и изъ памяти; а положенное въ сокровеніи, хотя утаевается, можетъ быть отъ постороннихъ, но часто видимое самимъ положившимъ, обновляетъ воспомнаніе втайнѣ носящее въ себѣ кумирь. Ибо всякій срамный помыслъ, образуемый въ мысли, есть сокровенное изваяніе. Такъ постыдное дѣло—таковыя мысленныя представленія излагать на среду, опасно и полагать изваяніе въ сокровеніи, еще же опаснѣе идти въ слѣдъ и отыскивать уничтожившіеся уже образы, тогда какъ сердце удобно склоняется снова къ изринутой

страсти, и на сторону идоловъ до земли перетягиваетъ чашу вѣсовъ. Ибо таково свойство добродѣтели ; она весьма чувствительна, и если вознерадимъ, очень удобно перетягивается на противную сторону.

Г л а в а 39. Сіе-то изображаетъ, кажется, Писаніе подь образомъ, когда говорятъ: *земля, въ нюже входите*, подвижна есть въ движеніи (о) *людей языческихъ* (1 Езд. 9, 11.). Ибо какъ скоро имѣющій навѣкъ къ добродѣтели подвигся къ противоположному, вмѣстѣ съ симъ подвиглась и добродѣтель ; потому что *земля подвижна есть* (п). А потому надобно въ началѣ не давать доступа къ сердцу представленіямъ, обыкновенно повреждающимъ помыслъ, и не позволять ему удаляться въ Египеть ; потому что оттуда насильно отводится къ Ассиріанамъ. Если сердце ввергается въ омраченіе нечистыхъ помысловъ (ибо такъ толкуется Египеть), то уже насильно и по неволѣ увлекается къ страстному дѣланію. Посему и Законоположникъ, заграждая входъ сластолюбію, и выражая сіе въ образѣ, повелѣлъ блюсти главу змія ; потому что и онъ блюдетъ пята (Быт. 3, 15.). У него цѣлію такое дѣйствованіе, за которое, если не возмется, то не легко ему будетъ влить ядъ при угрызеніи, а намъ предлежитъ попеченіе

(о) По славянскому переводу: *нечиста есть, но нечистотъ.*

(п) Вмѣсто: *κατελουσθη* по рукописи читается: *μεταβληθη*.

сокрушать самое прираженіе сластолюбія ; потому что, по сокрушеніи онаго, дѣйствованіе змія слабо. Можетъ быть, и Сампсонъ не пожегъ бы нивы иноплеменниковъ, если бы, отвративъ головы у лисицъ, не связалъ ихъ хвостами. Ибо, по предварительнымъ дѣйствіямъ въ состояніи бывъ угадать козни ухищренныхъ помысловъ, не взирая на начала (потому что помыслы ухищряются сдѣлать ихъ видимо досто-честными, чтобы достигнуть конца); по взаимномъ сличеніи крайностей могъ онъ обличить несообразность помысловъ, связавъ хвостъ съ хвостомъ, и между ними поставивъ свѣщю обличеніе.

Глава 40. И чтобы утверждаемое сдѣлать болѣе яснымъ, раскрою сказанное въ приложеніи къ двумъ помысламъ ; ибо будетъ это истиннымъ удостовѣреніемъ и въ разсужденіи прочихъ помысловъ. Нерѣдко отъ тщеславія про-всходятъ помыслъ блуда ; и хотя досточтимыми показываетъ преддверія путей ведущихъ въ адъ, однако же скрываетъ тѣ гибельные способы, которыми неразумно послѣдующихъ ему вводитъ въ тавбницы ада. Ибо выставляетъ на видъ иногда священство, а иногда совершенную монашескую жизнь, представляетъ, что многіе приходятъ ради пользы, доводитъ до мечтанія о прославленіи за слово и дѣло, и когда, достаточно упитавъ его такими мыслями, отведетъ отъ естественной трезвенности, тогда, живо

изобразивъ ему встрѣчу съ женщиною, конечно честною, влечетъ къ совершенію срамнаго дѣла, свободу совѣсти низведя до крайняго стыда. Посему намѣревающійся связать хвосты пусть возметъ концы двухъ помысловъ, конецъ тщеславія — честь, и конецъ блуда — безчестіе; и когда ясно увидитъ, что они противоположны, тогда пусть думаетъ, что поступилъ какъ Сампсонъ. И еще помысль чревоугодія концемъ имѣетъ помысль блуда; а помысль блуда концемъ имѣетъ помысль печали; потому что печаль и уныніе немедленно слѣдуютъ въ побѣжденномъ таковыми помыслами, по отрезвленіи его. Поэтому подвизающійся пусть размышляетъ не о наслажденіи снѣдами и не о пріятности удовольствія, но о концѣ того и другаго, и когда найдетъ, что за обоями помыслами слѣдуетъ печаль, тогда да знаетъ, что связалъ онъ хвостъ съ хвостомъ, и нивы Филистимлянъ уничтожилъ обличеніемъ.

Г л а в а 41. Посему, если брань со страстями имѣетъ нужду въ такомъ свѣдѣніи и въ такой опытности, то воспріемлюшіе на себя предстательство надъ другими да знаютъ, сколько потребно имъ вѣдѣнія, чтобы и подчиненнымъ благоразумно указать путь къ почести вышняго званія, съ ясностію научить всему, что нужно въ борьбѣ (р), и самому не представлять толь-

(р) Въмѣсто: τῆς ἀπάτης по рукописи читается: τῆς πάλης.

ко образъ побѣды, ударяя руками по воздуху но вести дѣйствительную борьбу съ сопротивникомъ, наносить ему смертельные удары, и не понапрасну разводить въ воздухъ руками, но сокрушать самага противоборца. Ибо борьба сія гораздо труднѣе борьбы тѣлесной; тамъ сгибаются у борцевъ тѣла, которыя безъ труда можно выпрямить, а здѣсь падаютъ души, которыя, если однажды низпровергнуты, едва уже могутъ быть воставлены. Если же кто, борясь еще съ страстною жизнію и будучи обогрѣвъ кровію, предприметь изъ разумныхъ душъ созидать Божій храмъ, то онъ, безъ сомнѣнія, услышитъ: *не ты созиждеши Мнѣ храмъ* (2 Цар. 7, 5.), *яко мужъ кровей ты* (16, 8.); чтобы построить храмъ Богу, нужно мирное состояніе. И Моисей, который пріемлетъ скинію и ставитъ ее внѣ стана, даетъ симъ видѣть, что учителю должно быть, какъ можно, далѣе отъ браннаго шума, и, рѣшившись вести жизнь мирную и невоинственную, поселиться вдали отъ обогрѣннаго кровію воинства. Когда найдутся такіе учителя; имъ нужны ученики столько отрeksiеся отъ самихъ себя и своей воли, что ни чѣмъ не отличаютъ себя отъ неодушевленнаго тѣла, или отъ вещества даннаго въ руки художнику, чтобы, какъ душа въ тѣлѣ производитъ, что хочетъ, и тѣло нимало ей не противодѣйствуетъ, и какъ художникъ показываетъ на веществѣ искусство свое, и вещество не пре-

пятствуетъ намѣренію его ; такъ учитель въ ученикахъ производилъ познанія добродѣтели. и они были ему послушны, и ни въ чемъ не прекословили.

Г л а в а 42. Пожелать, съ пытливостію извѣдывать распоряженія учителя и оцѣнивать его приказанія, значитъ препятствовать собственному своему преспѣянію. Ибо, конечно, не то въ дѣйствительности основательно, что кажется основательнымъ и вѣроятнымъ неопытному. О касающемся до искусства иначе судить художникъ, и иначе не знающій искусства. Одному правиломъ служить его свѣдѣніе, а другому— вѣроятность ; вѣроятное же рѣдко попадаетъ на истину, а чаще уклоняется отъ правильности, вводясь въ обольщеніе сродностію. Повидимому, что кажется неразумнѣе сего, если кормчій, когда корабль несетя косвенно къ плаванію называемому у мореходцевъ прямымъ, велеть, оставивъ край корабля, поднятый надъ водою, садиться на край погруженный въ воду, между тѣмъ какъ вѣтеръ сильнѣе давитъ и погружаетъ тотъ край, который велѣлъ онъ обременить ! И хотя вѣроятность совѣтуетъ обременить край, поднятый вверхъ, и не переходить на край, которому угрожаетъ опасность ; однако же пловцы слушаются болѣе кормчаго, нежели своихъ примышленій. Необходимость убѣждаетъ ихъ поработиться искусству того, кому поручено ихъ спасеніе, хотя видимое не удо-

стовѣряетъ ихъ въ томъ, что происходитъ на дѣлѣ. Посему вѣрившіе другимъ собственное свое спасеніе, оставивъ вѣроятное, да уступятъ искусству свѣдущаго, его свѣдѣніе признавъ достовѣрнѣйшимъ своихъ разсужденій. И во первыхъ отрехшись отъ себя, ничего, даже и самой малости, да не оставляютъ внѣ, убоавшись примѣра Ананіи, который, думая утаить отъ людей собственность (с), свыше пріялъ осужденіе за татьбу.

Г л а в а 43. Но да предадутъ, какъ самихъ себя, такъ и все свое, вполне зная, что оставленное, непрестанно привлекая къ себѣ мысль, сильно будетъ отвлекать отъ лучшаго, а напоследокъ и вовсе отторгнетъ отъ братства. Посему-то Духъ Святый написалъ житія святыхъ, чтобы каждый изъ проходящихъ какой-либо образъ житія, возводился къ истинѣ, подобными примѣрами. Посему, для чего Елисей, подчинившись учителю отрехся отъ міра? Сказано: *оряше волами двѣмнадцатъ супругъ воловъ предъ нимъ и закла волы, и испече я въ сосудѣхъ воловнихъ* (3 Цар. 19, 19. 21.); а сіе даетъ разумѣть горячность усердія; не сказалъ: продамъ супруги воловъ, и распоряжусь, какъ должно, не сталъ разсуждать, что проданные волы принесутъ больше пользы; но всецѣло предав-

(с) По рукописи читается: *τα ἴδια ποριζασθαι.*

шись пожеланію, влекущему его къ сопребыванію съ учителемъ, пренебрегъ видимое, и постарался паче освободиться отъ сего, потому что отвлекало оно отъ праваго преднамѣренія; зналъ же онъ, что замедленіе часто бываетъ причиною перемѣны въ намѣреніи. Посему, и Господь, предлагая богатому совершенство житія по Богу, повелѣлъ ли бы продать имѣніе и отдать нищимъ, а себѣ ничего не оставлять, если бы не зналъ, что оставляемое, равно какъ и все имѣніе, дѣлается причиною развлеченія? Думаю же, что и Моисей, когда намѣревающимся очиститься въ великой молитвѣ повелѣваетъ обречь все тѣло (Лев. 14, 9.), предписываетъ симъ совершенное отрѣченіе отъ имущества. А во вторыхъ такъ да забудутъ сродство и свойство, чтобы вовсе никогда не утруждать себя и напоминаніемъ о нихъ.

Г л а в а 44. Если ковчегъ сдѣлалъ, что кравы, впряженные въ колесницу его, забыли свое естество, и когда тельцы ихъ заперты были дома, и кравъ никто не понуждалъ, безошибочно совершили путь, не уклонившись *на десно, ниже на шуе* (1 Цар. 6, 12.), даже обращеніемъ выи не показавъ привязанности къ дѣтямъ, и мычаніемъ не выразивъ болѣзнованія о разлукѣ съ рожденными, но и обремененныя тяжестию ковчега и влекомыя назадъ полновластною силою естества, идя какъ бы по правілу, никуда не совратились съ прямаго пути, благоговѣ-

ніемъ къ возложенному на нихъ ковчегу преподѣливъ естественную сострадательность: то почему же не дѣлать того же самаго намѣревающимся подъять мысленный ковчегъ? И должно сдѣлать даже большее, чтобы въ дѣлахъ необходимыхъ надъ природою разумною не оказалось превосходства (т) въ естествѣ безсловесныхъ, когда разумный не дѣлаетъ по разсудку того, что безсловесныя дѣлаютъ по необходимости. А можетъ быть, и Іосифъ заблудился въ пустынь потому, что въ сродствѣ именъ искалъ предѣла совершенства. Почему человекъ, съ желаніемъ дознать истину спросившій у него о причинѣ скитанія, когда узналъ, что причиною пристрастіе къ своимъ (Іосифъ, если бы не имѣлъ ошибочнаго сужденія объ искусствѣ, спросилъ бы не о томъ, гдѣ братья пасутъ, но гдѣ кормятъ стада) говорятъ ему: *отыдоши отсюда: слышахъ бо ихъ глаголющихъ: поидемъ въ Доваимъ* (Быт. 17, 17.) (а Доваимъ толкуется: достаточное оставленіе), научая симъ, что заблуждается привязанный еще къ тѣлесному, и что невозможно иначе достигнуть совершенства, какъ достаточно оставивъ пристрастіе къ плотскому сродству.

Г л а в а 45. Ибо, если кто оставитъ Харранъ, что означаетъ чувства (ибо Харранъ тол-

(т) Въмѣсто: *παρακινῶν μετροῦμεν* по рукописи читается: *λαφύμετροῦμεν*.

куется: пещеры) и выдетъ изъ юдоли Хевронъ, то есть, низкихъ дѣлъ, и изъ пустыни, по которой скитается ищущій совершенства, но не переселится въ достаточное оставленіе, то не будетъ ему никакой пользы отъ долговременнаго бѣдствованія, какъ уклонившемуся отъ совершенства по привязанности къ сродству. Да и Господь, исправляя мысль Богородицы Маріи, искавшей Его между сродниками (Лук. 2, 49.), и признавая недостойнымъ Себя, кто любить отца или мать паче Его, выразительно внушаетъ симъ оставленіе родственныхъ узъ. По преуспѣяніи же въ этомъ недавно еще освободившимся отъ мятежей совѣтовать должно пребывать въ безмолвіи, и частыми выходами не растравлять ранъ, наносимыхъ сердцу посредствомъ чувствъ, и къ старымъ кумирамъ грѣховъ не приносить новыхъ изображеній, но отклонять прираженіе новыхъ представлений, употреблять же все стараніе объ изглаженіи старыхъ. Трудно безмолвіе для отрекшихся недавно отъ міра; ибо тогда память, воспользовавшись временемъ, приводитъ въ движеніе всю хранящуюся въ ней нечистоту, не имѣвъ досуга дѣлать это прежде, по множеству неистощимыхъ дѣлъ. Но послѣ трудности доставляетъ безмолвіе и пользу, освобождая со временемъ умъ отъ смущенія скверными помыслами. Ибо, если предлежитъ кому омывать и очищать (у)

(у) Вмѣсто: *θεραπεύσαι* по рукописи читается: *καθαρεύσαι*.

душу отъ всего оскверняющаго, то обязаны они удалиться отъ всѣхъ дѣлъ, отъ которыхъ умножается нечистота, давать разсудку большую тишину, устраняться отъ раздражающаго, избѣгать сожителства съ сродниками, возлюбивъ уединеніе — сію матеръ любомудрія.

Г л а в а 46. Но легко имъ снова впасть въ сѣти, отъ которыхъ почитали себя освободившимися, когда небоязненно стараются быть въ сообществѣ съ толпами людей всякаго рода. Ибо перешедшему на сторону добродѣтели нѣтъ пользы увеселяться тѣми же дѣлами, отъ которыхъ, самъ осудивъ ихъ, бѣжалъ. Привычка — сильный потокъ; почему должно бояться, чтобы въ достигнутомъ съ великимъ тщаніемъ безмолвіи не возобновить опять гнусныхъ предначинаній, и не привести на память забытыхъ худыхъ дѣлъ. Ибо умъ едва только уклонившихся отъ порока подобенъ тѣлу, начавшему востановляться въ силахъ послѣ долговременнаго недуга, для котораго, какъ неукрѣпившагося еще совершенно, и маловажный предлогъ бываетъ причиною возвращенія болѣзни. И въ этихъ людяхъ колеблются, слабѣютъ разумныя силы; почему должно бояться, чтобы не возвратилась страсть, обыкновенно раздражаемая, когда кружимся въ народной толпѣ. Посему-то и Моусей не хотѣвшимъ что-либо потерпѣть отъ погубляющаго повелѣлъ пребывать внутри затворенныхъ дверей, сказавъ: *да не изыдете*

*каждо изъ дверейъ дому своего, да не коснется васъ погубляющій (Исх. 12, 22. 23.). Тоже, кажется, повелѣваетъ и Іеремія, когда говорить: не исходите на нивы, и на пути не ходите, понеже мечъ вражій обитаетъ окрестъ (Іер. 6, 25.). Мужественнымъ подвижникамъ свойственно, и смѣло вступать въ брань съ непріятелями, и невредимо избѣгать ихъ злоумышленія. А если кто не въ состояніи еще бороться, то безукоризненно пусть останется дома, въ безмолвіи находя себѣ безбѣдную безопасность. Таковъ былъ Іисусъ Навинъ, о которомъ написано: *слуга же Іисусъ юноша неисхождаше изъ скиніи* (Исх. 33, 11.). Ибо наученный сказаніемъ объ Авелѣ зналъ, что выходящіе въ поле по давнему соперничеству убиваются тѣлесными братіями и друзьями по плоти.*

Г л а в а 47. Но неменьше сего и изъ сказанія о Динѣ въ точности можно дознать, что подлинно дѣвическому и женоподобному разуму свойственно приниматься за то, что выше нашего состоянія, и обольщаться мыслию, что и для сего достанетъ моихъ силъ. Если бы Дина не предалась поспѣшно обзорѣнію того, что у туземцевъ, конечно предположивъ, что имѣетъ достаточныя къ тому силы, и нимаго не увлеклась пріятностію видимаго тамъ; то не растлила бы безвременно душевной разсудительности, уловленной представленіемъ чувствъ, прежде нежели законно вступила въ собесѣдованіе съ му-

жескимъ разумомъ. Богъ зная, что страсть сія, разумью самонѣніе, водворилась у людей, и желая съ корнемъ исторгнуть оную изъ нашего навыка, говорить законодателю Моусею: *благословѣны сотворите сыны Израилевы* (Лев. 15, 31.); ибо зная, что чуждо благоговѣнію — поспѣшно приступать къ подвигамъ не по силамъ. Поэтому, не усовершенствовавшись не должно вмѣшиваться въ общественные мятежи, но бѣжать отъ нихъ, какъ можно далѣе, поставивъ мысль вдали отъ раздающагося шума. Ибо немного пользы устранившимся отъ житейскихъ дѣлъ, оглашаться молвою о нихъ, и оставившимъ городъ, подобно Лоту, сидѣть при вратахъ дѣйствованій, исполняясь тамошняго смятенія. Но по примѣру великаго Моусея, должно удалиться внѣ, чтобы не стало, не только дѣлъ, но и гласа о нихъ, какъ говорить онъ: *егда изыду изъ града, простру руку мою на небо, и громи престанутъ* (Исх. 9, 29.).

Г л а в а 48. Ибо тогда бываетъ истинная тишина, когда не только дѣйствования, но и памятованія о нихъ, утихнувъ, даютъ душѣ время придти въ состояніе увидѣть впечатлѣнные образы, вступить въ борьбу съ каждымъ изъ нихъ и исторгнуть его изъ сердца. Когда же образы привходятъ одни за другими; тогда невозможно изгладить прежнихъ отпечатковъ; потому что разсудокъ занятъ новыми образами, и трудъ отсѣчь съ ними страсти по необходимости дѣлается тяго-

стнѣйшимъ отъ того, что, постепенно возрастающая, приобрѣтаютъ они силу, и подобно рѣкамъ, при непрестанномъ теченіи вновь вливающимися представленіями помрачаютъ душевное зрѣніе. Какъ желающіе ложе рѣки увидѣть сухимъ (можетъ быть, ради чего-либо лежащаго тамъ и достойнаго изслѣдованія) никакой не получаютъ пользы, исчерпывая воду на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ, по ихъ мнѣнію, лежитъ искомое ими; потому что опустѣвшее мѣсто тотчасъ вновь наполняется притекающею водою; а когда преградятъ теченіе вверху, безъ труда откроется дно, такъ какъ оставшаяся вода стечетъ сама собою, и сухою оставитъ имъ землю для желаемаго изслѣдованія: такъ удобно бываетъ истощить дѣятельные образы страстей, когда чувства ничего уже не доставляютъ отъ нихъ; когда же, подобно потоку, даютъ они новыя и новыя ощущенія, тогда не только трудно, но и невозможно, совершенно очистить умъ отъ такого прилива. Ибо страсти, хотя и не беспокоятъ, не находя случая къ возбужденію въ частыхъ свиданіяхъ съ людьми, однако же, непримѣтно возвращаясь, болѣе и болѣе укрѣпляются, со временемъ приобрѣтая новыя силы.

Г л а в л 49. Какъ часто попираемая земля, ежели и есть на ней тернія, не производитъ ихъ вновь; потому что попираніе ногами препятствуетъ росту; но эти тернія, въ нѣдрахъ

ея распростирая глубокіе, сильные и весьма сочные корни, какъ скоро дозволить время взойти, даютъ ростки: такъ страсти, которымъ частыя свиданія съ людьми препятствуютъ выказываться наружу, воспользовавшись безмолвіемъ, дѣлаются болѣе сильными, и нападаютъ съ великою лютостію, тяжкою и опасною дѣлая брань для тѣхъ, которые вначалѣ нерадѣли о борьбѣ съ ними. Посему-то и Пророкъ повелѣваетъ — *потребить сѣмя отъ Вавилона* (Иер. 50, 16.), совѣтуя истреблять образы, пока они еще во влагищахъ чувствъ, чтобы, павъ на землю сердца, не дали ростковъ, и напоенные обильными и бесполезными дождями послѣдовательнаго ими занятія, не принесли стократныхъ плодовъ порока. А другой Пророкъ и ублажаетъ тѣхъ, которые не дожидаются зрѣлости страстей, но истребляютъ при самыхъ сосцахъ, говоря: *блаженъ, иже иметь и разбіетъ младенцы твоя о камень* (Пс. 136, 9.). А можетъ быть, и великій Іовъ, любомудрствуя самъ съ собою, даетъ разумѣть кого-либо подобнаго, говоря что въ водѣ растутъ *рогозъ и ситникъ*, а лишившись напоенія *всякое быліе изсыхаетъ* (Іов. 8, 11. 12.). И сказанное: *мраволевъ погиге, занеже не имѣяше брашна* (4, 11.), кажется, означаетъ нѣчто подобное. Ибо великій Іовъ, желая показать злокозненность страсти, избрѣлъ для нея сложное наименованіе, составивъ изъ именъ самаго отважнаго льва и ничтожнѣйшаго всѣхъ

тварей муравья : потому что прираженія страстей начинаются маловажными представленіями, непримѣтно вкрадываясь на подобіе муравьевъ ; а послѣдствія дѣлаются весьма важными для подвергшагося симъ прираженіямъ, и не меньше опасны, какъ и нападеніе льва. Почему подвижнику надлежитъ тогда бороться со страстями, когда приступаютъ онѣ, какъ муравей приманкою предлагая свою ничтожность. Ибо, если успѣютъ достигнуть крѣпости льва, дѣлаются непреоборвыми, и сильно угнѣтаютъ, если не давать имъ пищи ; пищею же ихъ, какъ говорено уже было неоднократно, служатъ посредствомъ чувствъ входящіе образы страстей ; потому что образы сіи питаютъ страсти, каждый кумиръ преемственно водружая въ душу.

Глава 50. Поэтому и въ храмъ законодатель устроилъ *окна рѣшетчатая* (Ез. 41, 16.), означая симъ, что вознамѣрившимся сохранить сердце свое чистымъ, какъ храмъ, подобно тому, какъ тамъ рѣшетчатыми окнами сдѣлано, что не могло входить ничто нечистое, должно оградить чувства забралами помысловъ — страхомъ будущаго суда, забралами, которыя бы преграждали входъ вновь рождающимся и вторгающимся нечистымъ образамъ. И посему-то, можетъ быть, *разболѣлся* Охозія, такъ какъ *паде изъ окна рѣшетчатаго* (4 Цар. 1, 2.) ; ибо во время искушеній предавшись удовольствіямъ, оставитъ безъ вниманія ученіе о воздаяніи значитъ упасть

изъ окна рѣшетчатого. Чтò же тяжелѣе этого недуга? Ибо болѣзнь тѣлесная есть противуестественное состоянiе, когда равновѣсiе стихiй преобладанiемъ одной выведено изъ естественнаго состоянiя. Болѣзнь же душевная есть уклоненiе отъ праваго помысла, когда душа преобѣждена болѣзнетворными страстями. Таковою рѣшетчатою преградою зрѣнiе способнаго слышать оградилъ Соломонъ, говоря: *очи твои егда узрять чуждую, уста твоя тогда возглаголютъ стропотная* (Притч. 23, 33.), называя стропотными, чтò послѣ грѣха срѣтитъ душу во время воздаянiя. Размышленiе о семъ и приведенiе себя въ надлежащее состоянiе отклоняетъ всякое опасное зрѣнiе очей. Соломонъ сказалъ и о томъ состоянiи помысла, какое должно быть въ это время: *возляжеша яко въ сердце моря, и якоже кормчiи во мнозѣ волненiи* (34.).

Г л а в а 51. Ибо если кто во время борьбы съ раздражающимъ его зрѣнiемъ въ состоянiи будетъ угрожающими наказанiями привести себя въ такое противоборство, въ какомъ бываетъ человекъ обуреваемый въ морѣ; то онъ безъ труда одолѣетъ поборающихъ его, не чувствуя наносимыхъ ударовъ, такъ что скажетъ: *бiша мѧ, и не поболѣхъ, и поругашася мѧ, азъ же неразумѣхъ* (Притч. 23, 35.), то есть, они били меня, думая наругаться, а я не чувствовалъ ударовъ; потому что *стрѣлы младенецъ бiша*

язвы ихъ (Пс. 63, 8.), не обратилъ вниманія и на обольщеніе ихъ, не показавъ и вида, что замѣчаю присутствіе ихъ. Такъ и Давидъ, презирая таковыхъ сопротивниковъ, сказалъ: *укло-няющагося отъ мене лукаваго не познахъ* (Пс. 100, 4.), то есть, не чувствовалъ, когда пришли, и когда удалились. А кто не знаетъ даже и того самаго, что у чувствъ есть великое общеніе съ чувственнымъ, и что отъ сего общенія легко впадаемъ въ обольщеніе, тотъ, не подозрѣвая, какой бываетъ вредъ отъ чувствъ, и неосторожно увлекаясь ими, какъ и во время обольщенія узнаеть злокозненность, не научившись напередъ различать сего? А что у чувствъ бываетъ борьба съ чувственнымъ, и чувственное налагаетъ дани на побѣжденные чувства, сіе явствуетъ изъ войны Ассиріанъ съ Содомлянами. Писаніе исторически излагаетъ сіе предпріятіе четырехъ царей ассирійскаго народа противъ пяти царей содомскихъ, описывая сначала совѣщаніе, союзъ и мирныя жертвы при морѣ Сланомъ, потомъ рабство пяти царей въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ; послѣ сего отпаденіе ихъ въ тринадцатый годъ, и въ четырнадцатый войну, въ которой четыре царя нападаютъ на пятерыхъ царей и берутъ ихъ въ плѣнъ.

Г л а в а 52. И сказаніе оканчивается этимъ, а мы изъ сего сказанія научаемся тому, что касается насъ самихъ, и познаемъ борьбу чувствъ

съ чувственнымъ; ибо каждый изъ насъ до двѣнадцати лѣтъ отъ рожденія, не имѣя еще чистаго разсудка, безсознательно подвергается рабству, и чувства выполняютъ приказанія вещей чувственныхъ, какъ ихъ владыкъ; зрѣніе — вещей видимыхъ, слухъ—звуковъ, вкусъ — соковъ, обоняніе — запаховъ, осязаніе — всѣхъ чувственныхъ вещей, какими въ движеніе приводится чувство сіе; и человѣкъ по младенчеству не въ состояніи бываетъ различать и разрѣшать своихъ ощущеній. А какъ скоро разсудокъ станетъ приходитъ въ зрѣлость, и начнетъ чувствовать вредъ, немедленно замышляетъ отступничество и бѣгство изъ такого рабства. И если человѣкъ, укрѣпившись разсудкомъ, утвердится въ этомъ рѣшеніи, то навсегда останется свободнымъ, спасшись бѣгствомъ отъ жестокихъ владыкъ. Если же рѣшимость его въ семъ предпріятіи слаба; то человѣкъ чувства свои, побѣжденные владычествомъ чувственного, снова предастъ въ плѣнъ, и остаются уже они въ мучительномъ рабствѣ безъ всякой благой надежды. Посему—то пять царей, по сказанію, побѣжденные четырьмя царями, бѣгутъ къ кладязямъ *смолянскимъ* (Быт. 14, 10.), научая тѣмъ насъ, что побѣжденные чувственнымъ, какъ бы въ пропасти или кладязи, въ каждое чувство низвергаютъ все чувственное, а именно, что ощутимо для каждаго изъ нихъ, не помышляя уже болѣе ни о чемъ видимомъ; потому что

погрузились пожеланіемъ въ земное, и наслажденіе здѣшнимъ возлюбили паче наслажденія мысленнымъ.

Г л а в а 53. Такъ и рабъ, возлюбившій господина своего, жену и дѣтей, по сродству съ тѣлеснымъ отрекаясь отъ истинной свободы, дѣлается вѣчнымъ рабомъ, повертѣвъ ухо шиломъ (Исх. 21, 5. 6.), чтобы не воспріять когда-либо слова о свободѣ, услышавъ естественнымъ отверстіемъ слуха, но возлюбивъ настоящее, навсегда пребывать рабомъ. Посему-то и руку жены, взявшей за ядра, когда біются между собою два мужа, законъ повелѣлъ отсѣчь (Второз. 25, 11. 12.); потому что во время борьбы помысловъ о выборѣ мірскихъ и небесныхъ благъ, оставивъ сей выборъ, взялась она за служащее къ рожденію и растлѣнію (законодатель родотворными членами означилъ дѣло рожденія). Посему отрекаться отъ мірскихъ дѣлъ нѣтъ пользы для тѣхъ, которые не остаются при своей рѣшимости, но снова увлекаются и уступаютъ помыслу, а потому часто возвращаются къ оставленному, и объявляютъ тѣмъ о пристрастїи своемъ къ этому, какъ и жена Лотова озрѣвшись вспять, донинѣ стала примѣромъ для непокорныхъ, превратившись въ сланный столпъ. Такова и привычка, изображеніемъ которой была жена Лотова, и которая вознамѣрившихся удалиться невозвратно возвращаетъ къ себѣ. Что же говоритъ и законъ, который повелѣваетъ

вошедшему въ храмъ, по совершеніи молитвы, не возвращаться тѣмъ же вратами, которыми вошелъ, но выходить въ противоволожныя врата, совершая путь по прямому направленію, и не обращаясь назадъ (Іез. 46, 9.)? Не то ли, что усилія въ прямомъ шествіи къ добродѣтели не надобно разслаблять сомнѣніями? Ибо частыя склоненія къ тому, отъ чего мы удалились, безъ сомнѣнія повлекутъ вспять отъ навывка, и, ослабляя стремленіе впередъ, всецѣло привлекутъ къ себѣ, и заставятъ возвратиться къ прежнимъ худымъ дѣламъ.

Г л а в а 54. Ибо привычка сильна на то, чтобы удержать при себѣ и не позволить снова возвратиться къ прежнему навыку добродѣтели; потому что отъ привычки происходитъ навыкъ, а навыкъ обращается въ природу; превратить же и измѣнить природу трудно. Если и поколебать ее нѣсколько насиліемъ, то скоро возвращается сама въ себя, но исторгнутая изъ своихъ предѣловъ не достигаетъ совершенства, если великій трудъ не дастъ ей возможности снова возвратиться назадъ тѣмъ же путемъ, чтобы отъ пріобрѣтенной привычки опять перейти къ оставленному навыку. Посмотри на душу, слѣдующую своимъ привычкамъ, какъ она возсѣдаетъ на идолахъ, пригвоздивъ себя къ немнѣющимъ образа веществамъ, и отрекается (Ф)

(Ф) Въстѣ: *ὅτι προσιζόμενη* по рукописи читается: *ἀφ' ἑταί.*

отъ восхожденія къ ученію, которое готово руководить ее къ высшему, и говоритъ: *не могу возстати предъ тобою, яко обычная женская ми суть* (Быт. 31, 35.). И душа, съ давняго времени упокоевающаяся дѣлами житейскими, возсѣдаетъ на идолахъ, которые сами по себѣ не имѣютъ образа, но приѣмлютъ образъ отъ человѣческаго искусства. Ибо богатство, слава и прочее житейское—не что-либо не имѣющее образа, но не имѣютъ они въ себѣ ничего опредѣленнаго и членораздѣльнаго, привлекательнымъ подобіемъ поддѣлываются подъ истину, ежеминутно превращаясь изъ одного вида въ другой, образъ же даемъ имъ мы сами, когда о томъ, что не пригодно ни къ чему полезному, человѣческимъ помысломъ составляемъ полезное представленіе.

Г л а в а 55. Ибо когда удовлетвореніе необходимымъ потребностямъ тѣла простираемъ до огромныхъ издержекъ, приправляя пищу тысячами сладостей, богато испещряя одежду до роскоши и пышности, а потомъ обвиняемые въ той суетности, что по пустому и напрасно величались роскошными издержками на такую потребность, которой можно удовлетворить малымъ, придумываемъ оправданіе, что поступаемъ, какъ должно; тогда что иное дѣлаемъ, какъ не усиливаемся придать образъ не имѣющимъ образа веществамъ? Справедливо же такую душу назвали мы и возсѣдающею на нихъ; ибо

душа, утвердившая въ себѣ таковыя сужденія о сказанномъ, пригвождается къ здѣшнему, служа уже идоламъ, а не истинѣ, и не имѣя силъ возвратиться къ ней, но привычками, какъ мѣсячною нечистотою, оскверняя природу всего здѣшняго. Подъ словомъ же *сѣде* (Быт. 31, 34.) Писаніе разумѣетъ здѣсь лѣность къ дѣланію добраго и сластолюбіе, — лѣность, когда говоритъ: *сѣдящія во тмѣ и сѣни смертнѣй, окованныя нищетою и желѣзомъ* (Пс. 106, 9.); потому что тма и оковы служатъ препятствіемъ къ дѣланію; сластолюбіе же, — когда говоритъ объ обратившихся сердцемъ во Египеть и разсужающихъ другъ съ другомъ: *вспомнили мы, егда сѣдяхомъ надъ котлы мясными, и ядохомъ мясо до сытости* (Исх. 16, 3.). Ибо подлинно сидятъ надъ котлами тѣ, которыя изнѣженною и непрекращающеюся горячностію разжигаютъ въ себѣ пожеланія. Матерь же сластолюбія — чревоугодіе; ибо оно поражаетъ сластолюбіе, а можетъ быть, и многія другія страсти; отъ него, какъ отъ корня отпрыски, возникаютъ прочія страсти, и въ скоромъ времени ставъ деревьями, на породившей вырастаютъ въ досязающіе до небесъ пороки; потому что сребролюбіе, гнѣвъ, печаль суть порожденія и отростки чревоугодія. Чревоугоднику прежде всего нужны деньги на удовлетвореніе пламенѣющаго всегда вожделѣнія, хотя оно никогда не удовлетворяется: а на препят-

ствующи́хъ пріобрѣтенію денегъ необходимо возбуждаться гнѣву ; по необходимости также слѣдуетъ печаль, когда гнѣвъ по бесилію не перешелъ въ дѣло. Ибо и ходящій *на персяхъ и чревь* (Быт. 3. 14.), когда есть у него вещества, производящія удовольствіе, ходитъ на чревѣ ; а когда не достаетъ сего, пресмыкается на персяхъ, гдѣ кроется гнѣвъ ; потому что сластолюбцы, лишаясь удовольствій, гнѣваются и огорчаются.

Г л а в а 56. Посему великій Моисей на перси іерею возлагаетъ *слово*, знаменательно симъ означая, что стремленія страсти гнѣва должно обуздывать помысломъ ; потому что слово судное есть разумная сила. И іерей сдерживаетъ страсти разумомъ ; потому что не совершенъ ; совершенный же Моисей всецѣло отлучаетъ отъ себя все гнѣвное ; потому что не *слово* носитъ, но отлучаетъ самую грудь ; ибо сказано: *возьми грудь, отлучи ю возложеніе предъ Господемъ* (Лев. 8, 29.). Иные же, какъ не отсѣкаютъ всецѣло гнѣва, такъ и разумомъ не сдерживаютъ страсти, но препобѣждаютъ ее трудомъ ; и это суть тѣ, которые отъемлютъ грудь вмѣстѣ съ *рамомъ* (9, 21.); потому что рамо есть знакъ труда и дѣланія. А подобнымъ образомъ и сіе: *ходить на чревѣ* по самой истинѣ означаетъ удовольствіе : потому что чрево есть ближайшая причина удовольствій. Когда оно наполнено, тогда сильны пожеланія и другихъ

удовольствій; а когда оно въ оскудѣніи, пожеланія сіи остаются болѣе покойными и невозбужденными. И здѣсь есть разность между преспѣвающимъ и совершеннымъ; ибо Моисей, совершенно отринувшій наслажденіе снѣдами, и *утробу и ноги измы водою* (Лев. 8, 20.), подъ утробою давая разумѣть удовольствіе, а подъ ногами восхожденія и преспѣянія. Преспѣвающей же измываетъ то, что въ утробѣ, а не цѣлую утробу. Великая также разность въ словахъ: *измы* и *исперуть* (Чис. 8, 8.), ибо первое добровольно, а послѣднее дѣлается по приказанію.

Г л а в а 57. Какъ совершенному должно съ самопроизвольнымъ усердіемъ возбуждаться къ добродѣтельнымъ поступкамъ, такъ преспѣвающему надлежитъ покоряться наставленію настоятеля, и съ крайнею заботливостію всю грудь отлучать, а утробу не отлучать, а измывать. Ибо мудрый въ силахъ всецѣло отринуть и искоренить гнѣвъ, но не можетъ отсѣчь утробы; потому что природа принуждаетъ и самага воздержнаго употреблять необходимыя снѣди. Когда же душа не водится правымъ и твердымъ закономъ, но растлѣна прелюбодѣйными (х) удовольствіями, тогда сожигается за сіе утроба; такъ такъ вожделѣніе остается не насыщеннымъ, хотя и переполнены тѣлесные

(*) Визесто: *φυλάκας* по рукописи читается: *ἀρχαῖα*.

приемники, послѣдуетъ же расторженіе утробы, по причинѣ отпаденія стегна (Числ. 5, 22.); ибо безсильнымъ дѣлается сердце къ рожденію добраго. Съ воспламенѣніемъ утробы отъ многоцѣнности снѣдей разслабѣвають и духовныя силы; ибо ихъ слово закона подразумѣвало подъ словомъ: *стегно*. Посему сластолюбець ходитъ на чревѣ, излившись весь въ усладительныхъ удовольствіяхъ. А начинающій добродѣтельную жизнь отъемлетъ тукъ отъ утробы, отказываясь отъ снѣдей, утучняющихъ тѣло. И преуспѣвающій измываетъ то, что въ утробѣ, а совершенный измываетъ всю утробу, совершенно отвергая излишнее для необходимой потребности.

Г л а в а 58. Весьма же кстати къ словамъ: *ни перспѣхъ и чревъ* приложено: *ходити будеши* (Быт. 3, 14.); потому что удовольствіе возможно не неподвижнымъ и покоющимся, но движущимся и исполненнымъ смятенія страстей. Чревоугодію же паче сего сродственно сладострастное движеніе. И сама природа, желая показать сродство ихъ, орудіямъ сожитія назначила мѣсто подъ чревомъ, сею близостію означая тѣсную связь. Ибо если ослабѣваетъ сія страсть, то ослабѣваетъ отъ оскудѣнія того, что выше—чрева; и если усиливается и приходитъ въ движеніе, то оттуда подается ей сила. Но не сей только страсти питателемъ и воздоителемъ бываетъ чревоугодіе; оно истребляетъ въ чело-

вѣкъ все доброе. Ибо какъ скоро возобладеетъ и возьметъ верхъ, обыкновенно упадаютъ и истребляются добрыя качества: воздержаніе, цѣломудріе, мужество, терпѣніе и всѣ прочія добродѣтели. Сіе-то приточно изобразилъ Іеремія, сказавъ: *разори окрестъ стѣну Іерусалимлю* архимагиръ вавилонскій (Іер. 52, 14.), назвавъ архимагиромъ страсть чревоугодія. Ибо какъ архимагиръ прилагаетъ все стараніе услужить чреву и придумываетъ тысячи искусственныхъ способовъ доставить удовольствіе: такъ и чревоугодіе все приводитъ въ движеніе, служа удовольствію гортани; и разнообразіе снѣдей низлагаетъ и истребляетъ твердость добродѣтелей.

Г л а в а 59. Ибо сладости и приправы и для хорошо уже утвердившейся добродѣтели дѣлаются осадными и стѣнобитными орудіями, колеблющими и низпровергающими ея твердыню и укрѣпленіе. Но какъ роскошь губительна для добродѣтели, такъ умѣренность обыкновенно разрушаетъ также укрѣпленія порока. Какъ стѣну Іерусалима, то есть души умиреной, разорилъ архимагиръ вавилонскій, повареннымъ искусствомъ вринувъ ее въ плотскія удовольствія: такъ *валяющееся тѣсто израильскаго хлѣба* ячна низпровергло *кущи Мадіамли* (Суд. 7, 13.). Ибо умѣренный образъ жизни, катаясь и преуспѣвая, по большей части уничтожаетъ блудныя страсти. Мадіаниты служатъ образомъ блуд-

ныхъ страстей; потому что они приводятъ къ Израилю блудницъ, и обольщаютъ великое множество юныхъ. Весьма же прилично сказано въ Писаніи, что Мадіаниты имѣютъ кущи, а Іерусалимъ стѣну; потому что объемлющее добродѣтель укрѣплено и твердо, а содержащее въ себѣ порокъ есть одна видимость, куща, ни чѣмъ не отличается отъ призрака.

Г л а в а 60. Посему-то святые убѣгали городовъ и отвращались многочисленныхъ встрѣчъ, зная, что обращеніе съ людьми развратными гораздо глѣтворнѣе заразной болѣзни. Посему, ничего не взявъ съ собою, оставили имущества свои въ добычу другимъ, отказавшись отъ развлечения ими. Посему-то Илія, оставивъ Іудею, обиталъ на пустынной и наполненной звѣрями горѣ Кармилской, кромѣ деревъ ничего не имѣя къ утѣшенію себя пищею; потому что довольствовался древесными плодами, ими удовлетворяя необходимой потребности. Подобно и Елисей велъ такую же жизнь, заимствовавъ у учителя съ другими добрыми качествами и любовь къ пустынножитію. И Іоаннъ, живя въ пустынѣ іорданской, вкушалъ акриды и дивій медъ, показывая многимъ, какъ не трудно удовлетворять потребности тѣлесной жизни, и укоряя за обременительное наслажденіе. А можетъ быть, что и Моисей, вообще предвозвѣщая что-либо подобное, даетъ Израильтянамъ законъ о мантиѣ,—собирать ее изо дня въ

день, прикровенно повелѣвая симъ, чтобы со-
 держаніе человѣческое было только одноднев-
 ное, а не впередъ заготовленное ; ибо почиталъ
 приличнымъ разумной природѣ довольствоваться
 тѣмъ, что есть, а раздаятелемъ прочаго при-
 знавать Христа. Заботящійся же о томъ, что
 впереди, показываетъ тѣмъ, что не вѣрить Бо-
 жіей милости, какъ будто она не всегда исто-
 чаетъ людямъ неистошимые дары.

Г л а в а 61. И кратко сказать: посему-то
 всѣ святые, *ихъ же не бѣ достоинъ міръ, оста-
 вили обитаемую вселенную, въ пустыняхъ ски-
 тающихся, и въ горахъ и въ вертепахъ и про-
 пастяхъ земныхъ, и проидоша въ милотехъ
 и въ козіяхъ кожахъ, лишени, скорбляще, озлоб-
 лени* (Евр. 11, 37. 38.), бѣгая человѣческихъ
 благовидныхъ пороковъ и странныхъ дѣлъ, на-
 полняющихъ города, чтобы силою ихъ стремле-
 нія, какъ потокомъ, не быть насильно увлечен-
 ными въ безразличное смѣшеніе толпы, радуясь
 же пребыванію со звѣрьми и вредъ отъ нихъ
 почитая меньшимъ вреда отъ людей, лучше же
 сказать, бѣгая отъ людей, какъ отъ злокознен-
 ныхъ, и довѣряясь звѣрямъ, какъ друзьямъ, по-
 тому что они не учатъ пороку, но дивятся доб-
 родѣтели и чтутъ ее. Такъ Давіила погубили,
 какъ имъ думалось, люди, а львы спасли ; и они,
 сохранивъ осужденнаго по ненависти неспра-
 ведливо, дали тѣмъ знать, что нѣтъ справедли-
 вости у людей, провозгласивъ правдивый судъ

надъ осужденнымъ несправедливо, и добродѣтель мужа содѣлалась для людей предлогомъ къ зависти и раздору, а для звѣрей поводомъ къ уваженію и чести.

Г л а в а 62. Посему, въ комъ всѣяна любовь къ улучшенію, поревнуемъ добродѣтели святыхъ и отказавшись отъ служенія повелѣніямъ плоти, поищемъ свободы, пойдѣмъ въ слѣдъ *осла дивіаго*, отпущеннаго Создателемъ въ пустыню, не слушающаго *стужанія данническаго* и смѣющагося *многу народу града* (Іов. 39, 5. 7.). И если до нынѣ готовили мы его къ ношенію бремени, наложивъ на него ярмо грѣховныхъ страстей, то разрѣшимъ, по крайней мѣрѣ, отъ узъ. Если и будутъ прекословить сему неурожденные господа, но приобрѣтшіе владычество по навыку ; то конечно слыша, если только услышатъ, что не однимъ языкомъ и не просто голосомъ, но внутреннимъ расположеніемъ, говоримъ имъ: *Господь его требуетъ* (Матѣ. 21, 3.), немедленно отпустятъ его, чтобы, украшенный апостольскими ризами, содѣлался колесницею Слова, или отпущенный на древнюю пажить Слова, *въ слѣдъ всякаго злака* искалъ (Іов. 39, 8.), то есть, послѣдуя исполненнымъ силы изрѣченіямъ божественнаго Писанія, путоводился ими въ жизнь неукоризненную, приобрѣтая вмѣстѣ и обильную пищу и великое наслажденіе. Но должно при семъ доискаться, какъ пущенный Богомъ въ пустыню дивій оселъ

въ слѣдъ всякаго злака ищетъ, имѣя жилицемъ пустыню и селеніемъ сланость (8.), когда солончакъ и пустыня большею частию не очень способны къ произращенію травы. Развѣ скажетъ кто, что для того, въ комъ не было страстей, при истребленіи въ себѣ питающаго страсти достаточно взискать поученія Божественнымъ словесамъ.

Г л а в а 63. Оставимъ дѣла житейскія, и обратимся къ душевнымъ благамъ. Долго ли будемъ оставаться при дѣтскихъ играхъ, немало не воспріемля мужественнаго образа мыслей? Долго ли будемъ въ поступкахъ немощнѣе самыхъ малыхъ младенцевъ, и ихъ примѣромъ неруководствуясь къ преспѣванію въ важнѣйшемъ? Они съ измѣненіемъ возраста измѣняютъ и расположеніе къ играмъ, и легко оставляютъ пристрастіе къ служившему забавою. Въ дѣтствѣ служатъ имъ забавой, можетъ быть, орѣхи, кости, шары, и къ нимъ бываютъ пристрастны, пока не придутъ въ совершенный разумъ почитаютъ для себя достаточнымъ заготовлять это. Но какъ скоро преуспѣвъ дѣлается кто мужемъ, бросаетъ сіе и съ великимъ тщаніемъ принимается за дѣла. А мы остаемся въ младенчествѣ, дивясь тому, что свойственно дѣтству и достойно осмѣянна, не хотимъ позаботиться о лучшемъ и подуматъ о томъ, что прилично мужамъ, но оставивъ это, забавляемся дѣлами земными, доставляя поводъ къ смѣху

Нил. Ч. II.

6

тѣмъ, которые судятъ о дѣлахъ сообразно съ естественнымъ порядкомъ возрастовъ. Какъ срамно глядѣть, когда совершенный мужъ сидитъ на кучѣ золы и чертитъ на пеплѣ дѣтскія забавы: такъ срамно, и гораздо срамнѣе, видѣть, что имѣющіе въ виду наслажденіе вѣчными благами роются въ прахѣ земныхъ вещей, и несообразностию поступковъ срамятъ совершенство обѣта. А причиною сего у насъ, какъ кажется, то, что не представляемъ себѣ ничего важнѣе видимаго, изъ сравненія малоцѣнности настоящихъ благъ не познаемъ превосходства благъ тамошнихъ, и озаряемые блескомъ благъ, почитаемыхъ здѣсь досточестными, останавливаемся на нихъ, и къ нимъ прилѣпляемся пожеланіемъ. Ибо при отсутствіи лучшаго всегда высоко цѣнится худшее, заступая мѣсто лучшаго. А если бы имѣли мы болѣе высокое понятіе о благахъ будущихъ; то не останавливались бы съ удивленіемъ на благахъ здѣшнихъ.

Г л а в а 64. Поэтому начнемъ устраняться настоящихъ благъ, пренебрежемъ и имущество, и деньги, и все, что погружаетъ въ себя и потопляетъ помыслъ, выбросимъ грузъ, чтобы ладія сколько нибудь возникла изъ воды; обуреваемые выкинемъ и многіе снаряды, чтобы могъ спастись кормчій—умъ и съ плователями — помыслами. Если плывущіе моремъ во время бури небрегутъ о своихъ товарахъ, и своими руками бросаютъ грузъ въ море, имущество ставя ниже

жизни, чтобы корабль, обременяемый тяжестію груза, не подвергся опасности, зачерпнувъ въ себя воды, облегчаютъ его, бросая въ глубину, можетъ быть, и дорогія рѣдкости; то почему же мы для лучшей жизни не пренебрегаемъ того, что душу влечетъ въ бездну? Почему не столько силенъ страхъ Божій, сколько силенъ страхъ моря? Тѣ изъ любви къ временной жизни не высоко цѣнятъ утрату того, что везуть; а мы, говоря о себѣ, что вождедѣваемъ вѣчной жизни, не пренебрегаемъ и малости, но рѣшаемся лучше погибнуть вмѣстѣ съ грузомъ, нежели спастись, лишившись его. Посему, умоляю совлечемся всего; противникъ стоитъ обнаженный; потому что борцы не вступаютъ въ борьбу одѣтыми; законъ борьбы изводитъ ихъ на попріще обнаженными. Въ жаръ ли, въ холодъ ли такъ они выходятъ, внѣ попріща оставляя одежды. Если же кто изъ нихъ откажется обнажить себя, то долженъ отказаться и отъ борьбы. А мы, давъ обѣтъ подвизаться, когда у насъ борьба съ сопротивниками, которые гораздо дѣятельнѣе борющихся чувственно, не только не совлекаемся одежды, но, тысячи бременъ неся на плечахъ, вступаемъ въ подвигъ, доставляя тѣмъ противникамъ множество удобствъ захватить насъ.

Г л а в а 65. Какъ сражаться съ духами злобы домогающемуся имуществъ, когда отвсюду удобно наносятся ему удары? Какъ бороться съ

духомъ сребролюбія осыпанному деньгами? Какъ обогнать обнаженныхъ отъ всякаго попеченія демоновъ облекшемуся въ тысячи заботъ? Божественное Писаніе говоритъ: *нагъ побѣгнетъ въ той день* (Ам. 2, 16.). Нагъ, кто не облеченъ въ многочисленныя рубища заботы о дѣлахъ житейскихъ, нагъ, кому многосложные помыслы о деньгахъ и имуществѣ не препятствуютъ въ скорости бѣга; потому что нагаго трудно и даже не возможно уловить злоумышляющимъ. Если бы великій Іосифъ былъ нагъ, то Египтянка не нашла бы, за что ухватить его; ибо говоритъ Божественное слово: *ухвати его за ризы, глаголюще: лязи со мною* (Быт. 39, 12.). Ризы же суть дѣла тѣлесныя, за которыя влечетъ преобладающее сластолюбіе; и кто заботится о нихъ, тому необходимо увлекаться, борясь съ совлекающими. Такъ подвижникъ цѣломудрія, какъ скоро увидѣлъ, что и необходимою потребностію тѣла насильно увлекается къ удовольствію общенія и единенія, познавъ, что должно было нагимъ жить при госпожѣ, которая могла удержать и принудить его, *оставивъ ризы у бѣже, и изыде вонъ*, какъ въ раю, ходя въ добродѣтели нагимъ въ подражаніе первозданному, который, въ преимущественный даръ пріявъ отъ Бога наготу, хранилъ ее, пока преслушаніемъ не доведенъ до потребности одеждъ. Ибо пока боролся съ сопротивными, внушавшими нарушить Божию заповѣдь,

какъ борецъ на поприщѣ, стоялъ нагимъ, побѣжденный же и оставившій борьбу, какъ и слѣдовало, былъ облеченъ въ ризу, съ прекращеніемъ подвижническаго состоянія оставивъ и наготу.

Г л а в а 66. Посему-то приточникъ, обращая рѣчь къ умащающему, говоритъ: *отъими ризу его, преиде бо* (Притч. 27, 13.). Пока былъ внѣ поприща, хорошо пользовался и одеждами неборющихся, облеченіемъ въ одежды скрывая въ себѣ мужество борца. Но поелику вступилъ въ подвигъ, *отъими ризу его*; потому что бороться должно нагому, и не только нагому, но даже и умащенному. Обнаженіе дѣлаетъ, что борца не за что ухватить противнику, а умащеніе елеемъ, если и будетъ схваченъ (ц), даетъ возможность ускользнуть изъ рукъ схватившаго. Почему противники стараются другъ друга осыпать землею, чтобы, пылью придавъ шероховатость гладкости елея, сдѣлать противника удобоудержимымъ, когда будетъ всхваченъ. Но что тамъ — пыль, то въ нашемъ подвигѣ дѣла земныя, и что тамъ — елей, то здѣсь непмѣніе попеченій; и какъ тамъ умащенный удобно разрѣшаетъ такъ называемые у нихъ прищѣпки, а если падеть на него пыль, съ трудомъ избѣгаетъ руки противоборца, такъ и здѣсь не пе-

(ц) Слово: *тὸ δὲ ἔλαιον* по рукописи не читается.

кущійся ни о чемъ неудоболовимъ для діавола, а кто заботится, и попеченіями, какъ бы пылью какою, придаетъ шероховатость гладкости непечительнаго ума, тотъ съ трудомъ избавляется изъ руки діавольской.

Г л а в л 67. Не имѣтъ попеченій свойственно душѣ совершенной, а сокрушаютъ себя заботами — душѣ нечестивой; ибо о совершенной душѣ сказано, что она *яко же кринъ въ терни* (Пѣсн. Пѣсн. 2, 2.), а сіе означаетъ душу, которая среди заботящихся о многомъ живетъ безъ попеченій. Кринъ и въ евангеліи означаетъ душу не имѣющую попеченій; ибо сказано: *не труждается, ни прядетъ*, а паче Соломона облекается славою (Мато. 6, 28.). О тѣхъ же, которые имѣютъ много заботъ о тѣлесномъ, говорится: *все житіе нечестиваго въ попеченіи* (Іов. 15, 20.). И подлинно нечестиво на цѣлую жизнь распространять попеченіе о тѣлесномъ, и не оказывать никакого старанія о будущемъ, для тѣла, хотя оно и не требуетъ большаго о немъ тщанія, тратить все время, а для души, у которой такой длинный путь къ преспѣванію, что не достанетъ и цѣлой жизни для довершенія онаго, не удѣлить и сколько нибудь времени. Ибо если и удѣляемъ, повидимому, нѣсколько, то дѣлаемъ это лѣниво и нерадиво, удовлетворяемые блистательностію видимаго, подвергаясь тому же самому, что терпятъ обольщаемые гнусными распутными женщинами, которыя, по

недостатку красоты природной, примышляютъ поддѣльную для обмана зрителей, примышленіемъ притираний поправляя свое безобразіе. Ибо, однажды будучи препобѣждены суетностію настоящаго, не въ состояніи мы видѣть гнусность вещества, обманываемые пристрастіемъ.

Г л а в а 68. И потому-то не останавливаемся на необходимой потребности, но поставивъ для себя цѣлю неумѣренное пресыщеніе жизни, домогаемся всякаго рода приобрѣтеній, не примѣчая того, что мѣрою приобрѣтенія служитъ тѣлесная потребность, и преступающее мѣру сію есть уже безчиніе, а не потребность. Какъ соразмѣрная съ тѣломъ рубаха составляетъ и потребность и украшеніе, со всѣхъ же сторонъ обвислая, опутывающая ноги и влекущаяся по землѣ, при безобразіи дѣлается препятствіемъ во всякой работѣ: такъ и имѣніе, превышающее тѣлесную потребность, и для добродѣтели служитъ препятствіемъ, и подвергается великому порицанію тѣхъ, которые въ состояніи изслѣдовать природу вещей. Посему не должно обращать вниманія на тѣхъ, которые обольщены чувственнымъ, и безразсудно слѣдовать тѣмъ, которые, по невнимательности къ мысленному, пристрастились къ земному. Это значило бы тоже, что для цвѣтовъ слѣлать судьями слѣпыхъ, или для мусикійскихъ звуковъ глухихъ, лишенныхъ способностей судить о томъ, что опѣнивается, и имъ повѣрить, какъ по разуму избрав-

шимъ наслажденіе настоящими благами. Ибо слѣпы тѣ, у кого самыхъ необходимыхъ способностей судить лишень разумокъ, которому обычно произносить судъ о достойномъ уваженія и о безразличномъ.

Глава 69. Однимъ изъ нихъ былъ Ахаръ, сынъ Харміи, признавшійся Иисусу, что въ купцѣ жизни скрылъ украденное подъ землю, и подъ этимъ зарылъ серебро. Ибо кто пестрыя и блестящія вещества цѣнитъ выше, а разумъ зарываетъ подъ ними, тотъ естественно обманывается, падая подобно безсловесному и предаваясь представленію понравившагося; потому что разумокъ низвелъ онъ съ правительственнаго престола, и поставилъ на ряду съ подчиненными, вѣрнѣе же сказать, на ряду съ подсудимыми. Ибо если бы онъ пребывалъ въ собственномъ своемъ достоинствѣ, и ему ввѣренъ былъ судъ надъ видимымъ, то произнесъ бы правдивый и вѣрный приговоръ, не давъ воли стремленію къ тому, что обманчиво. Посему прекрасно оставаться въ предѣлахъ потребности и стараться всѣми силами не преступать оныхъ. Ибо, если кто хотя нѣсколько увлеченъ пожеланіемъ къ пріятностямъ жизни, то никакой разумъ не остановитъ уже стремленія впередъ; тому, что сверхъ потребности, нѣтъ уже предѣла, но ничѣмъ не ограничивающіяся старанія и нескончаемая суетность непрестанно будутъ увеличивать трудъ надъ этимъ, питая пожеланіе,

подобно пламени, который питается подклады-
ваніемъ дровъ.

Глава 70. Когда преступившіе однажды предѣлы естественной необходимости начинаютъ преуспѣвать въ вещественной жизни; тогда желаютъ они, чтобы къ хлѣбу прилагалась пріятная снѣдь, а къ водѣ, сперва обыкновенно употребляемое, а потомъ и болѣе дорогое, вино; одеждами же, обыкновенно употребляемыми, не соглашаются довольствоваться, но сперва покупаютъ одѣянія изъ шерстей и притомъ болѣе блистательныя, подбирая и самый цвѣтъ шерсти, потомъ отъ сихъ одеждъ переходятъ къ приготавливаемымъ вмѣстѣ изъ льна и шерсти, послѣ сего дѣлаютъ одежды шелковыя, и тѣ, сперва простыя, а потомъ испещренныя изображениями сраженій, звѣрей и всякихъ исторій; устрояютъ и сосуды серебряныя и позолоченныя, не только служащія для пиршествъ, но и въ излишествѣ поставляемыя для животныхъ и при ложахъ. И должно ли больше сего говорить о сей излишней расточительности, когда стираютъ ее и на самыя безчестныя потребности, и сосуды для изверженій не считая приличнымъ дѣлать изъ инаго вещества, если на такое служеніе не будетъ употреблено серебро? Такъ сластолюбіе простирается до крайности, и самыя безчестныя дѣла чтить драгоцѣнностію вещества. Но это значить вести себя неестественно.

Г л а в а 71. Естественный образъ жизни одинъ и тотъ же опредѣленъ Создателемъ и намъ и животнымъ: *се дахъ вамъ*, говоритъ Богъ человеку, *всякую траву въ полъ, вамъ и звѣремъ будетъ въ снѣдь* (Быт. 1, 29. 30.). Посему, получивъ общее съ безсловесными пропитаніе, и своими примышленіями превративъ оное въ болѣе роскошное, не по справедливости ли должны мы быть признаны неразумнѣйшими безсловесныхъ, если звѣри остаются въ предѣлахъ естества, не нарушая постановленнаго Богомъ, а мы — люди, одаренные разсудкомъ, совершенно отступили отъ древняго законоположенія? Ибо какія лакомства у безсловесныхъ? какіе хлѣбники и повара тысячію искусствъ уготовляютъ услажденіе бѣдному чреву? Не люлятъ ли они древней скудости, питаюсь травой, довольствуюсь тѣмъ, что случилось, и въ питье употребляя воду, и ту иногда рѣдко? Потому и плотскимъ удовольствіямъ предаются они рѣже, не воспламеня пожеланій никакою утучняющею пищею, и не всегда зная различіе мужскаго и женскаго пола. Ибо чувство это даетъ имъ одно время въ году, въ которое естественный законъ средствомъ къ продолженію рода изобрѣлъ собирать ихъ для посѣянія подобныхъ себѣ; въ другое же время до того они чуждаются другъ друга, что совершенно забываютъ о семъ пожеланіи. А въ людяхъ отъ дорогихъ яствъ ненасытимая похоть любодѣй-

ства всѣяла неистовыя пожеланія, ни въ какое время не позволяя утихнуть страсти.

Г л а в а 72. Посему, такъ какъ приобрѣтеніе имущества сопровождается великимъ вредомъ, я, какъ нѣчто болѣзнетворное, служитъ поводомъ ко всѣмъ страстямъ; устранимъ самую причину, если только промышляемъ о благосостояніи души. Страсть сребролюбія уврачуемъ нестяжательностію. Возлюбивъ уединеніе, будемъ бѣгать сборищъ людей бесполезныхъ, потому что пагубно и тлетворно для мирнаго состоянія пребываніе съ людьми легкомысленными. Какъ бывшіе въ заразительномъ воздухѣ непременно дѣлаются больными: такъ и проводящіе время съ людьми всякаго рода приобщаются ихъ пороковъ. Ибо что общаго съ міромъ у отрекшихся отъ міра? *Никто же бо воинъ бывая обязуется куплями житейскими, да воеводъ угоденъ будетъ* (2 Тим. 2, 4.). Занятіе куплями препятствуетъ воинскимъ упражненіямъ. А не упражнявшись, какъ устоимъ въ борьбѣ съ искусившимися въ брани? Лучше же сказать, если уже говорить правду, такъ мѣниво и нерадиво боремся, что не можемъ противиться и поверженному уже врагу, и мы стоящіе подвергаемся злоумышленіямъ падшаго. Что терпятъ во время войны по сребролюбію обирающіе мертвыхъ, часто послѣ побѣды убиваемые лежащими и ради гнусной корысти жалко гибнущіе послѣ приобрѣтенныхъ трофеевъ, тоже терпимъ

нынѣ и мы, приближаясь къ низложенному и издыхающему врагу. Какъ тѣ, по страсти къ деньгамъ, обьяскавая мертвыхъ, нерѣдко, подошедши къ иному полумертвому, и раздѣвая его, непримѣтно получали смертный ударъ и падали, неразумно посрамивъ славу прибрѣтенную побѣдой; такъ и мы, когда цѣломудріемъ или воздержаніемъ низлагаемъ, или почитаемъ себя низложившими варвара, тогда, обольстившись его одеждами, которыя у людей признаются дорогими, богатствомъ, властію, здравіемъ, честями приближаемся къ нему, желая что-либо взять у него, и такимъ образомъ умираемъ, сами себя предавая на убіеніе.

Г л а в а 73. Такъ погибли пять дѣвъ, чистою и воздержаніемъ умертвившія, а жестокосердіемъ, какое поражается сребролюбіемъ, сами себя повергшія на мечъ, когда врагъ, какъ низложенный, не могъ умертвить ихъ твердо стоявшихъ. Посему, не пожелаемъ ничего вражескаго, чтобы съ принадлежащимъ ему не погубить и душу. Ибо и нынѣ приглашаетъ и побуждаетъ къ этому всѣхъ, особенно если найдеть послушныхъ ему. Если и Самого Господа призывалъ онъ, говоря: *сія вся Тебѣ дамъ, аще падъ поклонимися* (Матѳ. 4, 9.), и тѣмъ, что почитается блистательнымъ въ свѣтѣ, покушался обольстить Того, Кто не имѣетъ въ семь нужды; то ужели не помыслить обольстить удобоуловимыхъ людей, склонныхъ къ наслаж-

денію вещами чувственными? Будемъ же обучать себя благочестію, если имѣеть успѣхъ и обученіе тѣлесное: *тѣлесное бо обученіе в малъ есть полезно*, уподобляясь урокамъ, какіе преподають дѣтямъ, *а благочестіе на все полезно есть* (1 Тим. 4, 7. 8.), уготовляя въ душѣ здравіе желающимъ побѣды надъ противоборными страстями.

Г л а в а 74. Какъ борцамъ, обучающимся еще на дѣтскихъ играхъ, прилично упражнять тѣло, часто приводить въ движеніе члены, а возмужавшимъ въ искусствѣ борьбы должно заботиться о подвижнической крѣпости и умащать себя на священные подвиги: такъ начинающимъ учиться богочестію надлежитъ тщательно сдерживать дѣятельныя силы; для нихъ важно, если возобладають надъ страстями, будучи раздражаемы удовольствіями, въ которыхъ выросли, и почти невольно вовлекаемы въ привычныя худыя дѣла; а пришедшіе уже въ состояніе дѣятельной добродѣтели и заботящіеся о томъ, что разумно, обязаны со всѣмъ тщаніемъ охранять рассудокъ, чтобы при беспорядочномъ движеніи не увлечься къ чему-либо несовершенному, и притомъ необдуманно. Одни должны стараться о томъ, какъ управлять тѣлесными движеніями, а другіе о томъ, какъ обучать стремленія разсудка, стройно направляться къ единому любомудренному поведенію такъ, чтобы ни одно мірское представленіе не отвлекало

разсудка отъ Божественныхъ помышленій. Ибо вожделѣніе богочестиваго должно быть всецѣло устремлено къ вожделѣваемому, чтобы вовсе не оставалось времени приводить въ дѣйствіе свои страсти по человѣконенавистнымъ помысламъ. Если каждая страсть, когда приходитъ въ движеніе, въ обладаемомъ ею держитъ разсудокъ связаннымъ; то почему же и ревности къ добродѣтели не удержатъ мысли свободною отъ прочихъ страстей? Ибо приѣмлетъ ли отвѣтъ какое ощущеніе раздраженный, борясь мысленно съ представленіемъ оскорбившаго? а также жадный до денегъ, когда увлеченный мечтаніемъ пригвождаетъ взоръ къ тому, что доставляетъ прибыль? Нерѣдко развратный, сидя въ обществѣ съ другими, смѣжаетъ свои чувства, и занявшись любимымъ лицомъ, съ нимъ бесѣдуетъ, забывая присутствующихъ, сидитъ безгласнымъ столпомъ, не зная ничего, что дѣлается, или говорится, въ глазахъ его, но углубившись внутрь себя весь занять своимъ представленіемъ. Таковую, можетъ быть, душу слово Божіе именуеть сѣдящею, когда она, ставъ вдали (ч) отъ чувствъ, останавливаетъ собственную свою дѣятельность, вовсе не приѣмля въ себя ничего внѣшняго, по причинѣ занимающаго ее сквернаго представленія.

Г л а в а 75. Если же и сіе, по причинѣ при-

(ч) Въместо: *μικράν* по рукописи читается: *μακράν*.

страстія, столько овладѣваетъ помысломъ, и чувства приводятъ въ бездѣйствіе, то кольми паче любовь къ любомудрію, восхитивъ умъ въ превыспреннее и занявъ созерцаніемъ мысленнаго, заставитъ его отречься отъ чувственнаго и отъ чувствъ? Какъ у человѣка, котораго рѣжутъ или жгутъ, помысль не пойдетъ далѣе ощущаемаго страданія, по причинѣ преобладающей боли; такъ и тому, кто помышляетъ, о чемъ бы то ни было, со страстію, невозможно не устремлять всего вниманія на ту страсть, которая занимаетъ его сердце, и помысль всецѣло содѣлала однокачественнымъ съ собою; потому что удовольствіе не даетъ мѣста скорби, радость—печали, веселіе—унынію, и обратно преобладающая скорбь не допускаетъ удовольствія, овладѣвшая печаль не сопрягается съ радостію, уныніе не срастворяется веселіемъ. Противоположныя страсти не соединимы между собою, никогда не сходятся вмѣстѣ, не вступаютъ въ дружеское общеніе, по естественно непримиримой враждѣ и отчужденію. Поэтому, чистота добродѣтели да не возмущается мыслями о дѣлахъ мірскихъ, ясность созерцанія да не приводится въ смущеніе тѣлесными заботами, чтобы и образъ истиннаго любомудрія, сіяя свойственною ему красотою, не былъ порицаемъ дерзновенными устами, и по неопытности пишущихъ оный не содѣлался предметомъ осмѣянія, но восхваляли его, если не люди, то, по

крайней мѣрѣ, горнія силы, или Самъ Владыка Христось, отъ Котораго и святые взыскують похвалы, какъ великій Давидъ, поправъ челоуѣческую славу и испрашивая похвалы у Бога, говоритъ: *отъ Тебе похвала Моя* (Псал. 21, 26.); и еще: *о Господь похвалится душа моя* (Пс. 33, 3.). Люди часто по ненависти чернятъ и хорошее, а зрѣлице горнее не лицепріятно судить дѣла, и приговоръ о сдѣланномъ произносить по самой истинѣ. Поэтому сіе зрѣлице, которому необходимо услаждаться усладительностію дѣлъ, да будетъ услаждено. А что касается до людей, которые не могутъ ни воздать награды жившимъ хорошо, ни наказать жившихъ иначе, то не великая важность, если, или по зависти, или по пристрастію, дѣла добродѣтели омрачая именами порока, жизнь признанную Богомъ и людьми чернятъ вымышленными хулами. Ибо во время воздаянія жившимъ хорошо, безъ сомнѣнія, не по людскому мнѣнію, но по самой дѣйствительности совершеннаго въ жизни, послѣдуетъ воздаяніе вѣчныхъ благъ, которыя да сподобимся улучить и всѣ мы по благодати и челоуѣколюбію Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ слава Отцу вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно и въ безпредѣльные и нескончаемые вѣки вѣковъ! Аминь.

**КЪ ДОСТОЧТИМѢЙШЕЙ МАГНѢ, ДИАКОНИССѢ
АНКИРСКОЙ,**

С Л О В О

О НЕСТЯЖАТЕЛЬНОСТИ.

Г л а в л 1. Недавно, пиша слово къ проходящимъ монашескую жизнь, достаточно внушали мы имъ, сколько отступили они отъ апостольской точности, доказывая сіе ихъ старательностию о суетномъ, — тѣмъ, что привязаны къ имуществу, и не меньше богатолюбцевъ вдаются въ житейскія развлеченія. А теперъ, поелику должно похвалить ревность и въ васъ, сохранившихъ правило нестяжательности, какъ было оно ненарушимо въ началѣ, и въ другихъ вамъ подобныхъ; то необходимо сказать и то, что возлюбившихъ сообразное съ закономъ житіе побуждаетъ къ предпочтенію онаго, и приводитъ къ избранію надлежащаго. Какъ осужденіе худаго, пристыждая преданныхъ тому и

Нил. Ч. II. 7

заставляя раскаяваться, обращаетъ къ лучшему, такъ похвала хорошаго и лѣтнихъ возбуждаетъ къ присвоенію себѣ этого, уловляя ихъ желаніемъ доброй славы и безъ принужденія привлекая къ себѣ, прежде нежели, цѣломудреннымъ помысломъ разсмотрѣвъ безполезность человѣческихъ похвалъ, усмотрятъ подлинно полезную славу, какою благочестивыхъ прославляетъ Богъ, награждая за подъятыя труды, и нынѣ содѣлывая ихъ извѣстными, и паче всякаго разумнаго естества увѣнчавая ихъ въ день суда, когда каждому правдиво присудитъ воздаяніе, не по здѣшнему ошибочному предположенію, но какъ требуетъ справедливость, по самой истинѣ содѣяннаго. Ибо если тѣмъ, которые изъ сострадательности къ единоплеменнику, изнуряемому скудостію, оказали ему милость, говорятъ: *приидите благословенніи Отца Моего, насльдуйте уготованное вамъ царствіе* (Матѳ. 25, 34.); то не изречетъ ли того же слова тѣмъ, которые мало заботились о плоти, именно же, сколько принуждала къ сему потребность, чтобы поддержать жизнь, но употребили много времени на занятіе душою, и прилагали попеченіе о томъ, чтобы чистою и не осквернившюю себя неприличными мыслями предстала она Тому, Кто будетъ судить тайны сердечныя, и изслѣдуетъ помыслы, въ какомъ они средствѣ, или отчужденіи, съ каждою изъ тревожащихъ страстей? Ибо и первые за милосердіе къ сродствен-

ному, и послѣдніе за любомудренное обращеніе съ соблазняющимъ, равно достойны одобренія предъ Судіею. Какъ милостивые не печалются, что богатство умалется ежедневнымъ раздаваемъ, а паче радуются, иждивая его на нуждающихся, такъ нестяжательныхъ не сокрушаютъ пожеланіе настоящихъ благъ, но скакать и восторгаться заставляетъ то, что пренебрегается ими у другихъ почитаемое драгоценнымъ, что освободились они отъ занятія суетнымъ, свободнымъ помысломъ предаваясь прилежному дѣланію всего лучшаго, почитая опущеніемъ дѣла, занятіе тѣмъ, чему невыгодное и бесполезное служеніе избрали другіе.

Г л а в а 2. Да не подумаетъ кто-либо, что безъ труда и легко достигается преспѣваніе въ нестяжательности. Ибо называемъ теперь нестяжательностію не нищету невольную, которая, приключившись по необходимости, сокрушаетъ духъ, и какъ произвольная, почитается несносною, но добровольную рѣшимость довольствоваться малымъ, приобретаемую самовластіемъ помысла, однако же требующую труда, и до того именно времени, пока упражненіе, обратившись въ навыкъ, не содѣлаетъ сноснымъ того, что долгое время казалось труднымъ и нестерпимымъ. Красивый видъ тѣла и блистательность веществъ, составляющихъ богатство, равно раздражаютъ похоть къ вожделѣнію, и въ обоихъ случаяхъ потребна душа мужественная,

нужны крѣпкія мышцы, чтобы не уступить ихъ оболъстительности и не возлюбить привлекательной ихъ приманки, которая обыкновенно склоняетъ къ согласію даже такіе умы, которые, повидимому, незыблемо утвердились. Но достойны похвалы проходящіе нынѣ посредственность нестяжательности, не увлекшіеся, вмѣстѣ съ многостяжательными, непостоянною легкостію помысловъ и не связавшіе ума пустыми заботами. Ибо въ не имѣющихъ твердости, какъ все ненадлежащее производитъ ревность къ подражанію, такъ особенно тѣлесная пышность, весьма много способствующая къ наслажденію и къ людской славѣ; такъ какъ долговременный обычай научилъ сихъ суемудренныхъ почитать блаженными живущихъ въ изобиліи, за богатство пользующихся славою и обильно наслаждающихся тѣмъ, что приобретається богатствомъ. А поистиннѣ великими почесть и назвать мужественными надлежитъ тѣхъ, которые, какъ на поприщѣ, одерживаютъ побѣду, между тѣмъ какъ помыслы, конечно не безъ основанія, борются и состязуются, какъ бы убѣдительными тѣлодвиженіями стараясь доказать, что должно согласиться съ мнѣніемъ многихъ, и кажущееся хорошимъ признать уже дѣйствительно хорошимъ, не отказываться отъ того, что, по общему мнѣнію, почтено достойнымъ цѣны, не уклоняться отъ обладанія даннымъ на употребленіе отъ Самого Создателя, и съ кич-

ливостию мнимого любомудрія не обличать напрасно приобрѣтеніе того, что приведено въ бытіе съ извѣстною цѣлю, а не даромъ. Подвижники сіи по истиннѣ достойны одобренія, какъ не уступившіе мѣста сопротивникамъ и не сбитые съ поприща; потому что не дались въ руки врагамъ. На правомъ сужденіи безопасно утвердивъ свои колѣна, не склонились они на принятіе земныхъ веществъ, жизнь не развлекаемую предпочтя жизни смутной, и умѣренностию въ пищу прекрасно приобрѣтши себѣ безмятежность. Ибо умъ, не имѣя достаточныхъ силъ заботиться о многомъ, не находитъ досуга коснуться мыслию приличныхъ душѣ думъ, освобожденный же отъ безпокойныхъ занятій, ясно усматриваетъ, что полезно, небоязненно, при семъ удобствѣ, увеселяясь тѣмъ, что, сложивъ съ себя многосложныя пути житейскихъ узъ, свободно совершаетъ признаваемое наилучшимъ, невоспящаемый въ прекрасномъ стремленіи къ сему ни одною изъ окружающихъ обыкновенно многодѣльныхъ заботъ.

Глава 3. И они крайне достойны удивленія, а выше всякой похвалы, выражаемой словомъ, и ихъ превзошедшіе (ш) строгостию жизни и вступившіе внутрь самыхъ предѣловъ совершенной нестяжательности, потому что и нынѣ

(ш) Въмсто: «) по рукописи читается: «.

рѣшающихся подражать имъ привлекають къ соревнованію, и самихъ себя освобождаютъ отъ высокоумія, когда дѣлають доброе, такъ какъ стараются идти по слѣдамъ первыхъ, и не могутъ оставить ихъ позади себя. Ибо, какъ то, если превзойдешь предшественниковъ добродѣтелию, произведетъ (щ) въ тебѣ высокоуміе и самоумнѣніе, такъ то, если не достигаешь до нихъ, охранитъ смиренный помыслъ, болѣзнующій болѣе (ъ) о томъ, въ чемъ онъ недостаточенъ, нежели надмѣвающійся тѣмъ, въ чемъ, повидимому, преуспѣлъ. Но никто изъ нынѣшнихъ, или не достигаетъ пока, или не достигалъ добродѣтели древнихъ святыхъ, которые по описанію вели жизнь бездомную, безпріютную, не имѣли на себѣ одѣянія, скитались всегда съ мѣста на мѣсто, съ пріятностію пытались снѣдію, какая случалась, находили себѣ ложе, гдѣ ни есть, и какое случилось, и имѣли противъ себя многихъ навѣтниковъ и гонителей, не какъ въ настоящее время имѣють многихъ почитателей, и послѣдователей. Ихъ-то описываетъ Павелъ, когда говоритъ: *каменіемъ побіени быша, претрени быша, убійствомъ меча умроша, проидоша въ милотехъ, въ козіяхъ кожахъ, мшени, скорбляще, озлоблени, ихъ же не бѣ достоинъ міръ* (Евр. 11, 37. 38.). Если

(щ) Въмѣсто: *πρῶτῃ* по рукописи читается: *ποτὴ*.

(ъ) Въмѣсто: *ἢ* по рукописи читается: *μᾶλλον*.

бы кто-либо изъ нынѣшнихъ возмечталъ о равенчестіи съ ними, думая, можетъ быть, что соревнуетъ имъ и въ намѣреніи и въ дѣлахъ, то въ служеніи добродѣтели, для которой древніе подвергали себя опасностямъ, будетъ имѣть тотъ недостатокъ, что утѣшеніемъ въ трудахъ имѣетъ онъ сопровождающую его славу, которой совершенно лишены были сіи блаженные, напутіе къ похвалѣ находя для себя поводомъ къ гоненіямъ и тяжкимъ смертямъ. Не было у нихъ ни крова, ни закрома, ни ложа, ни трапезы; одеждою служили овечьи кожи и волосы, на настоящій день на скоро уготовлялась пища, о днѣ же завтрешнемъ не было и попеченія; потому что по любомудрію, какое предположили себѣ, предпочли Господній совѣтъ, въ которомъ сказано: *воззрите на птицы небесныя, яко не спютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ* (Матѳ. 6, 26.); и еще: *смотрите кринъ сельныхъ, како растутъ, ни труждаются, ни прядутъ* (28.). Они знали, что необходимое для потребности тѣла само собою послѣдуетъ, когда будешь благоугождать подающему сіе Богу, и преимущественно позаботишься о приобрѣтеніи небеснаго царствія.

Г л а в а 4. А у насъ и пища готовится на долгое время, и одежда сообразна съ временами года, и домъ защищаетъ отъ стужи и отъ жара, а равно отъ всякой непогоды, не остав-

ляется также въ небреженіи приобрѣтеніе денегъ, имущества и всякаго излишняго вещества. И какъ же нашей жизни равняться съ жизнію тѣхъ, которыхъ не тревожили даже помышленія о представленіи тѣлеснаго, но чистое нѣкое вожделѣніе Божественнаго; непрестанно восхваляющая ихъ въ превыспреннее, убѣждало забывать о томъ, что на землѣ почитается блистательнымъ? Они ничего не имѣли на землѣ, кромѣ тѣла, которое природа удерживала долу, какъ обыкновенно тяжелое и неудобоподвижное къ горнему шествию; потому что и его желали бы имѣть съ собою тамъ, гдѣ пребывали умомъ, размышляя о небесныхъ благахъ, и никогда не отвлекаясь отъ тамошняго наслажденія и тамошней пользы, если бы природа не возвращала ихъ опять къ тѣлесной потребности, благоговѣніемъ къ связавшему душу съ тѣломъ понуждаемыхъ заботиться и о тѣлѣ, отчужденіе отъ котораго по опыту признавали и полезнымъ и должнымъ. Ибо всякій рачитель дѣйствительно признаетъ утратою и кратковременное занятіе служеніемъ плотскому, почитая прекрасно проведеннымъ то время, которое употреблено на дѣланіе лучшаго, зная, что и тамъ не потеряннымъ найдетъ тотъ одинъ трудъ, который прилагалъ онъ о преспѣваніи души, а не тотъ, который обращалъ на попеченіе объ услуженіи тѣлу, и который во время потребности удовлетворялъ нуждѣ, а по минованіи оной ни къ чему

сталъ не годенъ, вчера былъ полезенъ, а сего дня и не замѣтенъ.

Г л а в а 5. Ибо такова потребность тѣлесная, быстро течетъ и проходитъ, въ прошедшемъ не имѣла она промышленности о настоящемъ, и въ настоящемъ не имѣетъ о будущемъ, врачуетъ настоящее и не полезное при недостаткѣ въ будущемъ. А трудъ добродѣтели есть сѣмя, дающее неоскудѣвающій плодъ, и во время самага дѣла радуется совѣсть ожиданіемъ наслажденія, и по преселеніи отсюда оказывается благолѣпнымъ и споспѣшествующимъ вѣчному веселію; и прошедшее въ немъ не бесполезно, если только неразумная страсть тщеславія не расточитъ собраннаго, даже не приведенное въ дѣло, но твердо предположенное, почитается въ немъ наравнѣ съ сдѣланнымъ; потому что разсудительно предпринятое съ довѣріемъ пріемлется какъ дѣйствительно совершенное по неживымъ уже обѣтамъ, хотя бы (ы) заботливо преднамѣренное не имѣло удобнаго времени къ исполненію и не успѣло придти въ дѣло. Такъ правдиво судить Истина, чтобы и въ угодность людямъ дѣлаемое признавалось совершеннымъ поступкомъ, который непременно былъ бы приведенъ въ совершенство, какъ было къ тому усердіе, если бы какая-либо необходимость не воспрепятствовала усердію достигнуть

(ы) По рукописи читается: *ка* безъ совокупленія: *уар*.

конца. И по истинѣ справедливо и достойно было Божія приговора, изрекающаго судъ о сокровенномъ, дать произволенію ту награду, ради которой предпринято имъ дѣло, и къ которой отъ начала до конца клонилась цѣль его, не переходя отъ одного къ другому; потому что нерѣдко пресѣкается противоположное противоположнымъ, и предположенное переходить въ противное сему, когда дѣлаемое для людской славы, какъ бесполезный трудъ, исправляется здравымъ помысломъ, а предположенное ради самаго добра, отъ привзошедшей любочестивой мысли, не слѣдуетъ болѣе предпринятой цѣли, пресѣкается же цѣлію противоположною, и всецѣло къ ней направляется. Такъ помыслы переходятъ отъ лучшаго къ худшему и отъ худшаго къ лучшему, иногда спасительно, а иногда пагубно, измѣняясь изъ одного въ другой, къ пользѣ по тщательности, или къ ненадлежащему по лѣности произволенія.

Г л а в а 6. Посему, приступающимъ къ дѣланію добраго Господь предлагаетъ совѣтъ: *егда молишия, вниди въ кльть твою, и затворивъ двери, помолися Отцу твоему, Иже въ тайнѣ (Матѣ. 6, 6.); и еще: егда твориши милостыню, не воструби предъ собою (2.), повелѣвая избѣгать дѣлаемаго напоказъ, какъ вреднаго. А Пророкъ говоря, что собираяй мзды собра во влагалнице дираво (Агг. 1, 6.), показываетъ, что развращенною цѣлію безумнаго*

славолюбія уничтожается трудъ, какъ въ разорванномъ влагалищѣ, проходя въ сердцѣ, не огражденномъ скромнымъ образомъ мыслей. Ибо оно есть *сокровище* и отвсюду крѣпко устроенная твердыня, *идѣже ни червь, ни тля тлитъ, идѣже тати не подкапываютъ, ни крадутъ* (Матѣ. 6, 20.); подъ червемъ же разумѣется рождающееся внутри самомнѣніе и уничтожающее, что въ людяхъ есть добраго, а подъ татями — отвѣтъ привходящія похвалы, и безразсудствомъ и кичливостію внезапно расхищающія драгоцѣнности, собранныя многими трудомъ добродѣтели. Какъ червь поядаетъ вещество, изъ котораго получилъ бытіе, и тати, подкапывая стѣну, уносятъ тщательно накопленное; такъ помысль, подвигнутый добрыми дѣлами къ превозношенію, уничтожаетъ пріобрѣтенное, а похвалы людей всякаго сброда подкапываютъ не твердый образъ мыслей, и не допускаютъ внутрь ничего хорошаго, законно вносимаго совнѣ и отвергаемаго отверстіемъ ушей. Но никто да не будетъ столько преодолеваемъ страстію и усыпляемъ славолюбіемъ, чтобы потерпѣть совершенную утрату трудовъ своихъ, но да трезвится, даже когда и подкапываютъ, и убіетъ злоумышленныхъ до нанесеннаго ими ущерба, поразивъ ихъ во время самаго подкапыванія мысли, прежде нежели ясно возсіяетъ солнце и мысль содѣлаетъ дѣйствіемъ.

Г л а в а 7. Сіе ясно повелѣваетъ законъ, го-

вора: *аще въ подкопаніи обрящется тать, и язвѣнь умреть, и пѣсть убійство: аще же взыдетъ солнце надъ нимъ, вмѣнится убійство* (Исх. 22, 2.), давая симъ знать, что пристрастіе въ помыслѣ къ худымъ мыслямъ находитъ себѣ извиненіе, какъ бы ночная мечта; потому что всякое увлеченіе внезапнымъ нападеніемъ враговъ по истинѣ есть обманъ, и имѣетъ нужду въ извиненіи: но за великою внимательностію грабщаго и явнымъ уразумѣніемъ дѣлающаго вредъ справедливо слѣдуетъ уже наказаніе; потому что въ этомъ есть паденіе сердца, произвольное согласіе, а не невольный обычай невѣдѣнія. Соглашающійся на дѣло явно худое справедливо дѣлается подлежащимъ суду, по пристрастію уступивъ какъ бы пойманному при солнечномъ свѣтѣ неприятелю, и всѣми силами не боровшись съ явнымъ врагомъ, чтобы при самомъ прираженіи вредныхъ помысловъ, когда начинается подкопъ, были они поражены, и въ битвѣ пали мертвыми. Ибо въ такомъ случаѣ жизнь его не была бы уже подвергаема бранямъ, но исполнена (ь) радости, и онъ увеселялся бы, наслаждаясь тѣмъ, потерю чего не задолго предъ симъ готовъ былъ горячо оплакивать. Таковъ былъ и тотъ, кто говорить: *изъ самыхъ устъ звѣриныхъ исторгъ я двѣ голени, и обушіе уха* (Ам. 3, 12.), прежде нежели было

(ь) Въсто: *θεστός* по рукописи читается: *μεστός*.

сіе пожрано, приѣмля и присвоая себѣ. Помысль ли вождѣнія запутался ногами въ дѣлахъ земныхъ, и препятствовалъ пока преуспѣянію въ лучшемъ, или слово могло посредствомъ слуха растлить добрый нравъ, какъ звѣрямъ въ отверстой пасти держащимъ похищенные члены, Пророкъ не дозволяетъ имъ дѣлать вредъ, предупреждая гибель мощною рукою и трезвенностію останавливая приближающееся покушеніе.

Глава 8. Не меньшей находящагося въ устахъ у звѣря подвергается опасности и тотъ, къмъ начала обладать страсть. Онъ также близокъ къ тому, чтобы стать плѣнникомъ, какъ и тотъ быть пожраннымъ, если, вскорѣ пробуdivшись, не избѣжитъ угрожающей гибели. Посему и опытные въ искусствѣ пастырства Давидъ и Іаковъ, хвалясь многосвѣдушею въ ономъ осторожностію, говорятъ — одинъ: я бралъ медвѣдицу зо гортань и сокрушалъ льва (1 Цар. 17, 34.), то есть поглощенное возвращалъ къ жизни невредимымъ; а другой: *звѣроядины не принесохъ, отъ мене воздаяхъ татбины денныя и татбины ночныя* (Быт. 33, 39.), то есть, не позволялъ, чтобы приходило что-либо въ смертоносную дѣятельность неразумныхъ и скотскихъ пожеланій. А если нѣчто не важное, и не представляющее большей опасности, пареніемъ ума было иногда похищено, на примѣръ, сказано что-либо не надлежащее, или выслушано отъ сказавшаго другаго, то похищенное изъ

дому немедленно я возвращалъ, за ошибку, допущенную по нерадѣнію, вознаграждая усиленнымъ стараніемъ, и симъ исправленіемъ дѣлая, что тоже самое вносится было въ списокъ другихъ добротъ, чтобы тѣло всей добродѣтели было цѣло и невредимо, не имѣло недостатка или искаженія ни въ одной изъ частей, служащихъ къ лѣпотѣ естественнаго его благообразія. Предпочтенный же въ ликѣ Апостоловъ и всегда шествовавшій впереди ихъ Петръ, уловившій мрежами рыбъ и сѣтями благодати людей, показываетъ и звѣря и неистовство, съ какимъ онъ пожираетъ, говоря: *супостатъ вашъ діаволъ, яко левъ рыкаетъ, искій кого проглотити* (1 Петр. 5, 8.).

Г л а в а 9. Въ точности дознаемъ, что иной сперва по лѣности бываетъ въ устахъ льва, и можетъ какъ быть поглощеннымъ, такъ и выдти изъ усть, но самъ дѣлается виною того или другаго, вознерадѣвъ или приложивъ о себѣ стараніе, силою воли избирая, что хочетъ, произвольно дѣлается принадлежащимъ къ части спасаемыхъ или погибающихъ. Посему-то, конечно, и великій Павелъ, ясно разсмотрѣвъ помышленія врага, и не зная его ухищреній на погибель обольщаемыхъ имъ людей простодушныхъ, повелѣваетъ того, кто по великому упадку духа въ устахъ уже у льва, извлекать ободреніемъ и многимъ утѣшеніемъ, говоря: *да не како многою скорбію пожертъ будетъ таковій* (2 Кор.

2, 7.), когда близокъ къ тому, чтобы выдти изъ оной, если восприметь смѣлость вразумленный внушеніями ободряющихъ унылый духъ его,—и чтобы поглощеннымъ быть, если, оставленный безъ попеченія о немъ, отчаеся въ самомъ себѣ. Итакъ, поелику путь, ведущій въ царство, имѣетъ столько затрудненій, будучи узокъ и съ обѣихъ сторонъ окруженъ стремнинами, то какая нужда, обременивъ себя кучами денегъ, или заслушавшись тѣхъ, которые хвалятъ или порицаютъ, покушаться такъ идти путемъ симъ, какъ идти невозможно? Заботы о вещественномъ разсѣвая сильно влекутъ долу, и внимательность къ славѣ или безчестию и здѣсь и тамъ легкимъ дѣлаетъ паденіе, такъ какъ всякое пареніе представляетъ удобные случаи къ поползновенію, когда глазъ не имѣетъ досуга тамъ, гдѣ безопасность требуетъ великой заботливости, и притомъ самой трезвенной. Ибо и въ такомъ случаѣ шествіе едва проходитъ безъ паденій, представляя много затрудненій, по причинѣ узкаго пути по стремнинамъ. И если, по Господню слову, узокъ и тѣсенъ путь, *вводя въ животъ* (Матѳ. 7, 14.); то шествующему онимъ, безъ сомнѣнія, надлежитъ быть осторожнымъ и бодрственнымъ, не обременять себя тяжестью, не изнемогать во время шествія, и не озираться небоязненно туда и сюда; потому что съ обѣихъ сторонъ великая и крайне страшная опасность, и малѣйшее уклоненіе

можетъ на погибель низринуть въ зіяющую пропасть.

Г л а в а 10. Посему и Господь и Павелъ, то предписываютъ нестяжательность, говоря: *не стяжите злата, ни сребра, ни мѣди при посылкѣ вашихъ* (Матѳ. 10, 9.); *и: не пецѣйтесь на утрей* (6, 34.), *и: импьюще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ* (1 Тим. 6, 8.), *и: никто же воинъ бывая обязуется куплями житейскими* (2 Тим. 2, 4.), — то совѣтуютъ не предаваться славолюбію, говоря: *егда поститесь, не будите яко же лицемѣри стѣпующе: помрачаютъ бо лица своя, яко да явятся чelовѣкомъ постящеся* (Матѳ. 6, 16.), *и: егда молитесь, не будите, яко же лицемѣри, яко любятъ въ стогнахъ путій стояще молитесь, яко да явятся чelовѣкомъ* (5.), *и: задняя забывая, въ предняя же простираяся* (Филип. 3, 13.). Кто такъ расположенъ, тотъ не столько превозносится тѣмъ, въ чемъ преуспѣлъ, сколько смиряется тѣмъ, чего не достаетъ къ предположенному, прилагая попеченіе, чтобы довершить неокончанное, и не обращаясь къ тому, чтò окончено, потому что, какъ сдѣланное нерѣдко надмѣваетъ легкомысленныхъ до безразсудства, такъ требующее дѣланіе смиряетъ мысль неизвѣстностию, будетъ ли приведено къ концу, и прежде нежели совершенно, причиняетъ печаль. Посему и Господь, возшедшихъ на высоту добродѣтели предохраняя отъ поползновенія

къ самомнѣнію, говоритъ: *егда сотворите вся повелѣнная вамъ*, тогда глаголите: *раби неключими есмь: сже должны бѣхомъ сотворити, сотворихомъ* (Лук. 17, 10.). Хотя не препятствуетъ радоваться, что долгъ исполненъ, однако же не дозволяетъ думать о себѣ высоко. Ибо говоритъ, что отданъ долгъ, а не произвольный даръ, и заплатившему, что принадлежитъ (ѣ) Христу, неприлично превозноситься, какъ благодѣтелю, величаясь тѣмъ, что съ признательностію отдалъ, что отъ непризнательнаго потребовалось бы съ истязаніемъ.

Г л а в а 11. Апостоль, не только повелѣваетъ предавать забвенію задняя, зная, что памятованіе о семъ легкомысленныхъ вовлекаетъ (э) въ высокоуміе, но велитъ тщательно оберегаться нападеній съ той и съ другой стороны, когда говоритъ: *оружіи правды десными и шуими, славою и безчестіемъ, гажденіемъ и благохваленіемъ: яко лестцы и истинни* (2 Кор. 6, 7. 8.). Ибо поспѣшающему къ совершенству не менѣе надмѣвающихъ похвалъ вредятъ и порицанія, унижая его образъ мыслей и расслабляя усердіе уныlostію и печалію. Почему надлежитъ, согласно съ намѣреніемъ, поспѣшать къ *почести вышняго званія* (Фил. 3, 14.), и поспѣшать съ достоинствомъ, а вмѣстѣ безъ па-

(ѣ) Въсто: *κατὰ τῆς Χριστοῦ* по рукописи читается: *τὰ τῆς Χριστοῦ*.

(э) Въсто: *βλαπτεῖν* по рукописи читается: *κλπτειν*.

ренія мыслей. Ибо, если поступать по словамъ сказавшаго: *такъ тецъте, да постигнете* (1 Кор. 9, 24.); то сіе приуготовляетъ хотя къ позднему достиженію конца въ томъ, о чемъ прилагается стараніе; потому что пространство велико, и чтобы достигнуть конца нужны скорѣ крылья, нежели ноги. Такъ сказалъ убѣдившійся въ этомъ: *кто дастъ ми криль яко голубинь? и полещу, и почию* (Пс. 54, 7.). Совѣтуется же трезвенно здѣсь и тамъ избѣгать сѣтей; потому что враги протягиваютъ *ужьы ногамъ* (Пс. 139, 5.), стараясь хорошо текущихъ уловить съ права и съ лѣва распростертыми силками, поставивъ въ одномъ мѣстѣ славу и доброе имя, а въ другомъ безчестіе, безславіе и презрѣніе свѣта, чтобы по уготовленіи съ той и другой стороны, какихъ бы то ни было, козней, если возметъ силу одна, — или заставить человѣка совершенно пасть, или хотя задержать его не надолго въ теченіи, и тѣмъ воспрепятствовать на время преуспѣянію въ добрѣ, и недопустить до совершенства, о какомъ онъ старался. Но почему и ложныя клеветы столько печаливаютъ помышленіе? или почему возвышающее до чуда веселитъ его и надмѣвается до истощанія силъ?

Г л а в а 12. Если бы утвержденное по здѣшнему приговору подтверждалось и нелицепріятнымъ Судіею, то хорошо было бы нравиться людямъ; иный, здѣшнюю славу приводя во сви-

дѣтельство къ удостовѣренію въ будущемъ, постарался бы доказать о себѣ, что не подлежитъ онъ отвѣтственности, такъ какъ доказано это у здѣшнихъ судей. Если же не дѣйствительными останутся видимость, одобреніе, слава, по произносимому о нихъ приговору въ настоящей жизни, предстанутъ обнаженные образы того, что нами сдѣлано и помышлено, содѣлаются ясными обличеніями худыхъ и одобрительныхъ мыслей и поступковъ, и будутъ судимы не потому, какими казались многимъ, но потому, каковы въ самой дѣйствительности, то подлинно напрасное и суетное предпріятіе—желать о томъ, каковы наши дѣла, увѣрить тѣхъ, чье удостовѣреніе нисколько не поможетъ намъ на горнемъ судѣ, который взираетъ на дѣйствительное, не поддерживаетъ мнимаго, знаетъ происходящее, не согласенъ на защиту пытающихся убѣдительно доказать, что ложь есть истина, и силою ухищренныхъ словъ мнѣнію слушателей дающихъ такое направленіе, какое имъ угодно, между тѣмъ какъ инаковы дѣла сами въ себѣ, и какой-либо инаковый обманчивый призракъ имѣетъ видимость, при чемъ представляемое нынѣ взору преобразуется такъ, что представлявшееся вчера явственнымъ нынѣ дѣлается скрытнымъ, и не такимъ уже оглашается, по новымъ въ похвалу или порицаніе отзывамъ толпы, для которой, безъ сомнѣнія, составляетъ удовольствіе и наслажденіе съ лю-

бопытствомъ довѣдываться о чужихъ дѣлахъ, при удобномъ случаѣ толковать о семъ другъ съ другомъ, и которыя всегда бесполезное сіе занятіе вмѣняетъ себѣ въ дѣло; потому что праздное время не всѣми употребляется на должное.

Г л а в а 13. Но какъ тройкое есть поведеніе жизни, нестяжательность — высшая, средняя и овеществившаяся, многостяжательная (съ начала было оно одно, и воздателемъ узаконенное и всѣми равно принятое, не обремененное заботами и совершенно не привязанное къ вещественному, и оное-то въ послѣдствіи разсѣкла на сіи различныя поведенія человѣческая воля, разнораздѣлившаяся, смотря по тому, къ чему возимѣла склонность); то необходимо описать отличительное свойство каждаго изъ сихъ поведеній, показать, какая польза, или какой вредъ послѣдуютъ отъ сего избравшимъ для себя то или другое поведеніе, и какія преимущества имъ принадлежатъ и даются узаконившимъ въ началѣ одно поведеніе въ жизни. Ибо оно, безъ сомнѣнія, предпочтительнѣйшимъ другихъ будетъ признано и крайне благодарными; потому что истина принудитъ ихъ со стыдомъ признать достоинство, хотя дѣлами своими выражаютъ они противное, будучи уловлены обольстительностію пріятнаго, и не по разсудку дѣлая выборъ полезнаго. Посему, какая жизнь предписана была первоначальному? Сказано: снѣ-

ся траву сельную (Быт. 1, 29.). Да не представитъ кто-либо противъ сего убѣдительными кажущихся нынѣ разсужденій, спрашивая: животному разумному прилично ли было пропитаніе, повидимому, скотское? Ибо входитъ въ пытлиное о семъ изслѣдованіе препятствуетъ достоинство Повелѣвшаго. Но, можетъ быть, пропитаніе сіе было болѣе полезно для чловѣка и гораздо пригоднѣе къ сохраненію въ созданныхъ по образу Божію желаемой утонченности, при крайней изнѣженности обременяющей мыслительную силу, омрачающей прозорливость и трезвенность разсудка. А что такъ было прежде, если взойдемъ въ разсмотрѣніе, основательно ли представляющееся намъ, то доказательствомъ служить и попечительность Сотворшаго, Который имѣетъ въ виду всегда пользу сотвореннаго, и самыя уклоненія наши къ худшему по снисхожденію направляетъ къ полезному. Ибо по преступленіи и преслушаніи презрителя, какъ отверженнаго, не оставитъ безъ попеченія о немъ, но новымъ способомъ исправить первую погрѣшность, а потомкамъ, съ неистовствомъ въ послѣдствіи устремившимся къ идолослуженію, дозволить жертвоприношенія, и по временамъ для каждаго дѣлать тѣ и другія постановленія, и неблаговременныя ихъ стремленія обращать къ должному, подобно тому, кто пагубныя пожеланія своевольныхъ больныхъ умудряется направлять къ ихъ спасенію,—

есть дѣло высочайшаго Промысла, снисходящаго къ немощи находящихся подъ его смотрѣніемъ и позволяющаго все то, что настоящая сила въ состояніи сдѣлать пока на пользу.

Г л а в а 14. Посему въ самомъ началѣ, когда человѣку невыносимо было пресыщеніе чрезвычайною честію, и восторгался онъ не прекращающимся онымъ веселіемъ, Самъ Богъ, по Своему благоизволенію, приходилъ къ нему для ежедневнаго собесѣдованія, какъ къ имѣвшему нужду въ занятіи при недостаткѣ того, что могло бы наполнить для него праздное время. Дозволилъ же ему Богъ свободное наслажденіе всякимъ плодомъ райскихъ растений, повелѣвъ воздерживаться только отъ одного, не потому что вкушеніе было ненавистно, но чтобы приобучить человѣка къ благопокорности, между тѣмъ какъ не было другаго вещества, пригоднаго для сего законоположенія. Приобучить же къ сему требовалось, чтобы имѣющій власть надъ всѣми прочими животными зналъ, что и самъ онъ подлежитъ закону, и имѣеть заповѣдь, какъ очевидный знакъ подчиненія своего Давшему оную. Да и изринувъ его изъ первоначальнаго состоянія наслажденія, не соотвѣтственнаго утратившимъ въ немъ вкусъ, не оставилъ Богъ безъ Своего о немъ попеченія, какъ непокорнаго, и преступившаго заповѣдь не лишилъ вовсе Своей помощи, но снова узаконяетъ для него другій образъ жизни, сообраз-

ный съ его состояніемъ, не воспользовавшемуся покоемъ, какъ было бы должно, повелѣвъ добывать пищу работою и трудомъ; потому что не умѣлъ постоянно пребывать въ служеніи Богу и въ собесѣдованіи съ Нимъ, имѣя свободное время и оставаясь празднымъ отъ тѣлесныхъ трудовъ. Богъ облакаетъ его и въ кожаныя ризы, какъ прикрывала наготу, которая тогда только (а не прежде, когда человѣкъ былъ хранителемъ заповѣди) оказалась исполненною стыда, такъ научая дѣломъ, хотя умолчалъ словомъ, какія должно употреблять одежды, а чрезъ сіе удовлетворяющею нуждѣ ризою сокращая нововведенную въ послѣдствіи роскошь одежду, и не требующимъ нужды приготовленіемъ сего одѣянія предварительно осуждая водворяющуюся нынѣ суетность.

Г л а в а 15. Посему какой же образъ жизни приличенъ, или полезенъ, былъ человѣку? Тотъ ли, который предписанъ ему въ законоположеніи? Или тотъ, на который осужденъ, когда презрѣлъ заповѣдь? Тотъ ли, когда могъ пользоваться и наслаждаться созерцаніемъ въ раю и употребленіемъ различныхъ растений? Или тотъ, когда, обременяемый трудами земледѣлія, въ потѣ лица вкушалъ пищу? Тотъ ли, когда человѣкъ беззаботно бралъ плоды, какіе хотѣлъ, и всюду пожиналъ рукою пріятное, для потребнаго только въ снѣдь утруждая себя простертіемъ ея, не стоявшее труда угощеніе пред-

лагая пожеланію, удовлетворяя его, по мѣрѣ хотѣнія, тѣми яствами, какія возбуждали вождельніе и утоляя пищею, какую приготовила сама природа? Или тотъ, когда взялъ онъ въ руки лопату, заступъ, серпъ, и плугомъ бороздить ту землю, которая не задолго до того сама собою произращала нужное, сѣетъ, поливаетъ, жнетъ, переноситъ снопы, молотитъ, растираетъ, вѣяніемъ очищаетъ уродившееся, и послѣ того, приготовляя изъ сего пищу, посредствомъ жернововъ приводитъ въ движеніе зерно, мелеть, смѣшиваетъ муку съ водою, печетъ на огнѣ, и такимъ образомъ добываетъ многотрудный хлѣбъ? Тотъ ли, когда слышалъ пріязненные Божіи словеса, и при помощи слуха увеселялъ душу неизреченными глаголами? Или тотъ, когда уши его огласились безпокойными звуками мычанія, блеянія и рева? Одно служитъ отличительнымъ знакомъ нестяжательности, а другое — обильной всѣмъ жизни. Одно предписывается Божественными законами, а другое дѣлается по человѣческому пожеланіямъ. Одно держится надеждою на Бога, и всегда имѣетъ отъ Бога подаваемое довольство; а другое устремляется къ суетѣ, колеблется и угрожаетъ великою опасностію, и весьма близко къ неудачѣ.

Глава 16. Свидѣтель сему опытъ и то, въ чемъ ежедневно удостовѣряется чувство, а именно, что и казавшееся вѣрнымъ обманывало ча-

сто надежду; но никогда неоставляла безъ помощи попечительность Всеблагаго. Ибо кому неизвѣстны утраты, сопровождающія земледѣліе? Кто не знаетъ, сколько невзгодъ постигаетъ плоды? Часто дожди, питающіе ихъ, причиняютъ также и вредъ; вѣянія неблагопріятныхъ вѣтровъ, или охлаждають, или опаляютъ свѣрхъ мѣры, и тѣмъ губятъ ихъ; сильный градъ побиваетъ образовавшійся колось и зрѣлую уже жатву; отъ неумѣреннаго дождя составившіеся потоки уносятъ и дѣлаютъ негоднымъ собранный, или приготовленный къ молотбѣ, урожай. Саранча, ржа, гусеница и многія другія насѣкомыя умѣютъ причинять великій вредъ. Не буду говорить о тли, зараждающей въ зернѣ въ самыхъ житницахъ и обращающей въ ничто всѣ тяжкіе труды земледѣлія. Кто же опять не наученъ временемъ, какъ все безопасно подъ Божіимъ Промысломъ, какъ богочестивымъ безъ ихъ труда подаетъ онъ когда нужно, потребную пищу, между тѣмъ какъ богатые, употребивъ всѣ средства къ обилію яствъ, изнемогаютъ отъ недостатка, возложившимъ упованіе на Промыслъ, откуда угодно ему, чудно устрояетъ онъ готовую трапезу, иногда подавая изъ невоздѣланныхъ облаковъ несѣянный хлѣбъ—манну въ пустынѣ, иногда же изводя изъ моря крастелей, и въ другой разъ изъ сухаго камня источая жаждущимъ обильную воду, чтобы удовлетворить настоящей потребности въ томъ

и другомъ питаніи, и сухомъ и влажномъ, и чтобы различными снѣдьями поддержать пожеланіе пищи, обыкновенно ослабляемое единообразіемъ питанія.

Г л а в а 17. Кто настроилъ врановъ 'во время голода дважды въ день приносить пищу Иліи? Кто содѣлалъ, что горсти муки умножающейся въ водоносѣ, было достаточно на столько времени? Какъ Елиссей десятью хлѣбами насытилъ сто мужей, свидѣтелями насыщенія употребивъ останки? Или какъ еще вареніе въ конобѣ, горькое отъ ядовитой травы, измѣнилъ въ удобоснѣдное, чтобы удовлетворить тѣмъ потребности имѣвшихъ тогда нужду въ пищу? У однихъ не было вола, ни земли для воздѣлыванія, ни прочихъ земледѣльческихъ орудій, и почему же всегда безъ недостатка выполнялась тѣлесная потребность? У другихъ всегда есть все потребное къ воздѣлыванію земли, и не оставляется въ нерадѣніи ничто изъ привносимаго къ произращенію плодовъ человѣческимъ стараніемъ; и почему же остаются нуждающимися во многомъ всѣми силами ухаживающіе за посѣяннымъ, и вовсе не получающіе плодовъ отъ труда своего? Потому что исполненіе надежды на Бога несомнѣнно, а конецъ человѣческаго упованія лживъ; оно полагается на представляющееся основательнымъ, и справедливо обманывается въ ожиданія, необычайное признавая невозможнымъ, а обычное признавая

твердымъ, въ послѣдствіи же увѣряясь опытомъ, что сомнительный, и возможный и невозможный (ю), успѣхъ имѣеть все, что кажется зависящимъ отъ нашей тщательности, несомнѣнно же и необходимо обращается въ пользу все, что приходитъ отъ Божіей благодати ; потому что токи приснотекущаго источника — Промысла обильны и неистощимы. Прекрасно изрекъ гдѣ-то Господь, а согласно съ Нимъ говоритъ и пѣснописецъ Давидъ. И Господь сказалъ: *достойнъ дѣлатель пици своей* (Матѳ. 10, 10.). Давидъ же говоритъ: *богатіи обнищаша и възлѣкаша: възыскающіи же Господа не лишатся всякаго блага* (Псал. 33, 11.). А симъ даютъ видѣть, что посвящающіе все время на служеніе Богу имѣютъ готовое подаяніе пици, какъ награду прежде награды высочайшей, прилично соотвѣтствующую пока дѣлу и должную на служеніе дѣлу. Ибо одна награда, соразмѣрная труду, сохраняется для души въ будущемъ, а другая удѣляется въ пицу животной нашей части, которая содѣйствуетъ самой добродѣтели, и споспѣшествуетъ въ богочестіи, дѣйствительно уподобляясь животному подъяремному, несущему на себѣ тяжесть дѣла и имѣющему нужду въ попеченіи о немъ, чтобы доставало у него силъ на служеніе, пока подъ ярмомъ

(ю) Слово: невозможный, дополнено по рукописи.

работаетъ ту работу, на какую опредѣлено Создавшимъ.

Г л а в а 18. Таковы преимущества первоначальной нестяжательности. Таковы залоги неразвлекаемой жизни. Таково поведеніе, причисляющее живому разумному существу—проводить время въ служеніи Богу и должное получать, какъ изъ сокровищницы, отъ Божія Промысла; надѣяться на Божию попечительность, во всемъ пользоваться ея вспомошествованіемъ, презирать земное, и землю имѣть данницею, приносящею блага свои для соразмѣрнаго наслажденія, ничего въ мірѣ не приобрѣтать въ собственность, а когда должно, со властію употреблять въ дѣло мірскія блага, искренно служить Создавшему, и на нужды пропозвольною данью облагать тварь; здѣсь быть пресельникомъ, а жилище избрать тамъ, гдѣ дѣйствительно постоянное наше жительство; ничего пребывающаго здѣсь не почитать важнымъ, въ великое же ставить то, что имѣетъ отношеніе къ будущему жребію. Сію жизнь предписалъ Создатель человѣку въ началѣ, и сею жизнью, повинуюсь Ему, жили всѣ святые. Не было у нихъ даже и малой какой-либо мѣры земли, прибрѣтенной въ собственность, и со всей земли собирали они дань, какъ владыки, получая отъ нея все необходимое, гдѣ что случалось найти. Не были они знамениты у людей по богатству и владѣніямъ, но достоинствамъ добродѣтели и

у звѣрей вынуждали къ себѣ уваженіе. Не было у нихъ рабовъ для прислуги, истощающей все искусство, какъ изнѣжить тѣло, но въ необходимой нуждѣ услуживали имъ цѣлыя части творения. Не было у нихъ въ услуженіи выючныхъ животныхъ для перенесенія движимаго имущества, но переносили сіе враны, еще скорѣе выполняя потребности ихъ.

Г л а в а 19. Чистотою жизни старались они сдѣлаться друзьями Христу, и съ дерзновеніемъ распоряжались тварями Друга, какъ хотѣли, приказывали небу доставить пищу нуждающимся, и по сему повелѣнію приносило имъ манну ; въ другое время, для вразумленія неблагодарныхъ, заключали небо, и оно три года и шесть мѣсяцевъ удерживало стремящійся обыкновенно къ низу (ю) дождь, ради повелѣвшихъ неся съ продолженіемъ времени постепенно собравшееся бремя въ чреватой безднѣ. Однажды и огонь одождило небо (я), получивъ повелѣніе сожечь нѣсколькихъ нечестивыхъ ; а въ другой разъ, метко ударяя, какъ изъ пращи, метало градъ въ другихъ беззаконниковъ, и многимъ изъ нихъ нанесло смерть, наученное сему мановеніемъ оныхъ праведниковъ. Повелѣли они землѣ разверсть великую пропасть, и вмѣстѣ съ кущами и многочисленнымъ стадомъ скота низвели мя-

(ю) По рукописи читается: τὸν ἀσπίθη μακρὰσσαντα ἑτέρον.

(я) Вмѣсто: οὐκίτες по рукописи читается: οὐρανός.

тежныхъ въ подземныя бездны. Глубину морскую содѣлали твердымъ удобошественнымъ путемъ, и безводную землю наводнили для обильнаго пользованія бывшею прежде въ рѣдкость водою. Переходили рѣки немокренною ногою, расхаживали въ огненной печи, и отъ огня не познали вреда, какъ съ холодною водою, борясь тѣлами съ пламенемъ, и удоборазрушимымъ препобѣдивъ разрушительное. Предаваемы были на снѣдѣніе ярости звѣрей, и не испытывали ихъ свирѣпости, какъ укрощающими чарами, приводя ихъ въ кротость молитвою. Непроницаемому тму озаряли столпомъ огненнымъ; умѣряли полуденный зной для путешествующихъ, пріосѣнивъ облакомъ чистое небо; горькую воду, бывшую причиною безплодія земли, дѣлали инаковою, и удобопіемою для жаждущихъ, и годною къ произращенію плодовъ для получившихъ въ удѣлъ страну ту. Бесплоднымъ давали въ даръ рожденіе чадъ, и, когда умирали рожденные ими, возвращали имъ дѣтей живыми. Противостояли мучителямъ, окруженнымъ великимъ множествомъ тѣлохранителей; посмѣвались рядамъ ополчившихся, обращали въ бѣгство вооруженныя полчища враговъ; хитро приготовленныя засады злокозненныхъ миновали, ничего не потерпѣвъ. Спасались изъ узилищъ въ отвѣрстыя для нихъ невидимую силою двери; освобождались отъ узъ по чудесномъ разрѣшеніи связующихъ ихъ оковъ; угрозы убійствомъ кня-

зей и ярость неистовой толпы всегда проходили для нихъ безбѣдно, и вовсе не извѣдывали они никогда на опытѣ никакого вреда.

Глава 20. Все это, и еще большее сего, совершалось съ оными праведными; потому что, освободившись отъ многосложныхъ мірскихъ заботъ, не преставали, ни чѣмъ не развлекаясь, служить Богу, и дерзновеніемъ своимъ предъ Богомъ содѣлались столько досточтимыми для всякой твари, что могли повелѣвать ей. Исторія Писанія указываетъ, кто такіе были они, и на своемъ мѣстѣ дѣлаетъ извѣстными имена изъ описанія дѣяній, каждымъ чудомъ давая о каждомъ знать желающимъ приобрѣсти сіе свѣдѣніе. Теперь продолжительно, и вмѣстѣ напрасно, было бы перечислять ихъ, какъ уже извѣстныхъ изъ слова Божія даже и не весьма ревностнымъ читателямъ божественнаго Писанія, но въ изученіи этомъ находящимъ наслажденіе, а можетъ быть, и средство къ удаленію отъ себя печальныхъ мыслей. Ибо для тѣхъ, которые заботливо трудятся надъ дѣломъ, чтеніе бываетъ полезно и для умозрѣнія, какъ занимая умъ извѣстными мыслями, то тѣми, то другими реченіями руководя его къ уразумѣнію встрѣчающагося, что всегда непосредственно слѣдуетъ за печалію о прошедшемъ, и поддерживаетъ оную, пока не выходитъ изъ мысли возбужденное сіе, такъ обогащая любомудріемъ ежедневно преспѣвающую душу, и законно ведя ее къ той цѣли, къ которой она стремится.

Г л а в а 21. Но знаете нестяжателей и новаго завѣта, Предтечу Христова Іоанна, и весь въ совокупности ликъ Апостоловъ, отъ которыхъ получила начало монашеская жизнь; знаете, что Предтеча произвольно избралъ для жительства пустыню, употребляя въ пищу акриды и дивій медъ и нося одежду, сдѣланную изъ верблюжьихъ волосовъ, Апостолы же, повинаясь Господню совѣту, довольствовались однимъ хитомъ и пищею, какою гдѣ при времени находили, вовсе, какъ были научены этому, не имѣя у себя ничего, даже, что особенно для многого нужно путникамъ, ни жезла ни сумы, чтобы, подавъ какъ ни есть мысль, будто бы полагаются на нихъ, не ослабить надежды на Бога тѣмъ, что, уповая на видимое (е), ни во что вмѣнили силу, содѣйствующую невидимо, которая не препятствуетъ промыслительной Своей благодати участвовать въ томъ, что согласно съ разумомъ и имовѣрно, но хочетъ показывать оную обнаженною отъ всякаго покрова и одинаково удѣляемою на то, что справедливо и истинно, и при семъ человѣческую дѣятельность обращаетъ на себя, и не позволяетъ увлекаться мыслию, будто бы къ огражденію домостроительствуемаго ею содѣйствуютъ ей люди. Но говоря, что святые непрестанно заняты божествомъ, не отверзаемъ мы двери праздности,

(е) Слова: уповая на видимое, дополнены по рукописи.

какъ Аделѣй месопотамскій и Александръ, недавно смутившій царственный Константинополь, мнимое пребываніе всегда въ молитвѣ обратили въ прикровеніе лѣности къ дѣлу, и юнымъ дѣтямъ и мужамъ, находящимся еще въ крѣпости тѣлесныхъ силъ, обязаннымъ изнурять оную многими трудами, узаконили, оставаясь въ покоѣ, ничего не дѣлать, чѣмъ возбуждаютъ въ нихъ страсти, и помыслу даютъ волю доставлять имъ пищу, пока мнимая молитва, не будучи тѣмъ, чѣмъ называется, вовсе не погибнетъ.

Г л а в а 22. Тревожное же воспоминаніе о плотскихъ пожеланіяхъ не только не попускаетъ собесѣдовать съ Богомъ, но даже умъ, повидимому молящійся, оскверняетъ мечтами гнусныхъ помышлений. Хорошо пребывать непрестанно въ молитвѣ и умъ упражнять въ собесѣдованіи съ Богомъ, но въ такой мѣрѣ, чтобы время мира не сдѣлать временемъ брани, и превышающею мѣру продолжительностію времени не дать въ себя доступа враждебнымъ страстямъ, которыя имѣютъ обычай целѣпымъ понятіямъ отдавать въ плѣнъ помыслы, какъ бы извлекая ихъ изъ священнаго убѣжища молитвы, и самовластно приводя къ плотскому мудрованію тѣхъ, которые касаются уже помыслами всего, что мудрованіе сіе возобладавъ принуждаетъ говорить. Посему, кто изъ благомыслящихъ назоветъ молитвою сію борьбу взаимно противныхъ и препирающихся помысловъ, когда одинъ противополо-

лагаеть другому, что ему кажется вѣрнымъ, а другой усиливается убѣдить въ томъ, чего ему хочется, и каждый до явной побѣды противостоять другому; впрочемъ не въ рукопашномъ бою, или отважной схваткѣ (о если бы такъ еще было! ибо хорошо стоять и бороться съ тѣмъ, что тревожить, и не давать себя влечь безъ противорѣчія, подобно невольникамъ). Часто, отвлекаясь отъ словъ молитвы, слѣдуемъ за уводящими насъ помыслами, не отрекаясь отъ нихъ и не огорчаясь ими, что было бы признакомъ несогласія воли съ внушающими не должное. Хотя наружность показываетъ молитвенный видъ, ибо, преклонивъ колѣна, смотрящимъ на насъ кажемся молящимися, но мыслию представляемъ что-либо пріятное, благосклонно разговариваемъ съ друзьями, съ гнѣвомъ злословимъ враговъ, пируемъ съ гостями, строимъ дома родственникамъ, садимъ деревья, путешествуемъ, занимаемся торговлею, насильно бываемъ привлекаемы въ священный санъ, съ великою осмотрительностію устроаемъ дѣла порученныхъ намъ церквей, и большую часть всего этого перебираемъ въ мысляхъ, на все, что ни подскажетъ помысль, соглашаясь такъ, какъ угодно страсти расположить къ этому сердце наше.

Глава 23. Молитва же требуетъ не сего, а чтобы умъ былъ чистъ отъ всякаго подобнаго помышленія, не допускалъ до себя ничего кро-

мѣ предположеннаго, хотя бы то было и весьма досточестное, и не принималъ ощущеній чего-либо земнаго, но, какъ вдохновенный Богомъ и отрѣшившійся отъ обычнаго и любезнаго тѣлу, благоговѣнно совершалъ собесѣдованіе тамъ, гдѣ и предполагалъ занять себя. И занятіе сіе пусть имѣетъ такую мѣру, при какой упражненіемъ снисканный навыкъ можетъ cadaго приуготовить къ тому, чтобы пребывать въ занятіи семъ не развлекаясь. Посему да не вводятъ въ оболъщеніе простодушныхъ, неопытныхъ въ дѣлѣ молитвы и подвижничества, и представленіемъ важнѣйшаго дѣла да не заставляютъ удерживаться отъ дѣла менѣе важнаго. Ибо у нихъ наиболѣе, какъ видно, цѣль та, чтобы, не трудя своихъ рукъ, ѣсть приготовленное другими, подъ досточестнымъ предлогомъ занятія молитвою благовидно собирать нужное къ упитаціи тѣла, а не та, чтобы жить, какъ требуетъ польза души и тѣла. Ибо, кто дѣлитъ время на дѣло и на молитву, по удобству для того и другаго, тотъ тѣло укрощаетъ трудомъ, и безпорядочныя его стремленія доводитъ до умѣренности, а душу, трудящуюся вмѣстѣ съ тѣломъ и желающую покоя, къ молитвѣ, какъ дѣлу болѣе легкому, приводитъ уже готовою и цвѣтущею силами; потому что душа чувствуетъ облегченіе, перемѣняя самое дѣло и переходя отъ одного къ другому, между тѣмъ какъ теряетъ охоту къ дѣлу, долго зани-

маясь однимъ, обременяясь однообразіемъ, рада же бываетъ разнообразію работы, какъ бы слагая съ себя трудъ, который, повидимому, прекращаетъ, и съ новыми силами приступаетъ къ будущему труду, какъ начинающая только.

Г л а в а 24. А кто любитъ лѣность, тотъ праздностію питаетъ страсти, и пожеланіямъ даетъ время свободно устремляться къ тому, къ чему свойственно имъ, особенно же во время молитвы; когда умъ бываетъ всецѣло обращенъ къ тому, что беспокоитъ его, то самое перебирая въ помыслахъ, что вселившаяся страсть, возбуждая постыдныя мысли, внушаетъ вмѣсто того, чтобы собесѣдовать съ Богомъ и просить у Него полезнаго, такъ что и слова молитвенныя сближаетъ съ понятіями порочными или нечистыми, или съ понятіями о томъ, къ чему склонна овладѣвшая сердцемъ страсть и сообщившая ему собственныя свои качества. И Павелъ зная, что такъ бываетъ съ подобными людьми, съ ревностію нападаетъ на праздность, въ порядкѣ представляя поражаемыя ею худыя слѣдствія. Ибо говоритъ: *повелѣваемъ вамъ братія, и молимъ о имени Господа нашего Иисуса Христа, отпучатися вамъ отъ всякаго брата безчинно ходяща, а не по преданію, еже пріиши отъ насъ. Сами бо вѣсте, како льпо есть подобитися намъ: яко не безчинновахомъ у васъ, ниже туне хлѣбъ ядохомъ у кого, но въ трудъ и подвигъ, нощь и день дѣлающе,*

да не отягчимъ никого же отъ васъ: не яко не имамы власти, но да сей образъ дамы вамъ, во еже уподобитися намъ. Ибо егда бяхомъ у васъ, сіе завѣщевихомъ вамъ, яко аще кто не хочетъ дѣлати, ниже да ястъ. Слышимъ бо нѣкія безчинно ходящія у васъ ничто же дѣлающія, но лукавно обходящія. Таковыми запрещемъ и молимъ о Господь нашемъ Иисусъ Христъ, да съ безмолвіемъ ділающе, свой хлѣбъ ядятъ (2 Солун. 3, 6—12.).

Глава 25. Апостоль многими указаніями усиливаетъ строгость своего выговора. Ибо тѣмъ, что праздность назвалъ безчиніемъ, присокупилъ къ сему: не дѣлающій ниже да ястъ, себя представилъ въ образецъ и примѣръ трудящагося надъ дѣломъ день и ночь, укоряетъ же не ихъ однихъ, но въ лицѣ ихъ и другихъ, и здоровымъ велитъ удаляться отъ нихъ, какъ отъ одержимыхъ губительною болѣзнію,—выразилъ онъ великое и нетерпѣливое негодованіе. Да и дѣйствительно праздность для многихъ служитъ причиною многого худаго, бездѣйствіемъ, какъ умножая обычные уже пороки, такъ научая тѣмъ, которые пока не были еще обычными. Она — нововводительница, и имѣетъ великую способность обучать новымъ порокамъ. И прекрасно Павелъ, и въ приведенныхъ словахъ, и въ другихъ многихъ, изображаетъ ея гнусность, умоляетъ избѣгать ея, гнѣвается, скорбитъ, дѣлаетъ выговоры, и употреб-

ляетъ все искусство (v), чтобы, какъ онъ выражается, безчинныхъ убѣдить съ *безмолвіемъ* дѣлать дѣло, и ко внѣшнимъ ходить *благообразно* (1 Солун. 4, 12.). Ибо зная, что дѣло есть якорь для мысли, даетъ ей безопасное направление. И если отсюда приближаются бури и вихри, порывы вѣтровъ угрожаютъ крушеніемъ, мысль стоитъ неуклонно, удерживаемая дѣломъ, какъ якоремъ, волнуемая нѣсколько подьемлющимися ввысь помыслами, но не увлекаемая въ опасности, потому что держащая ее узы крѣпче гонящихъ ее вѣтровъ.

Г л а в а 26. Такъ подъ предлогомъ, что должно непрестанно пребывать въ молитвѣ, отказывающіеся отъ руководѣній не молятся, потому что мысль не можетъ устремляться къ вождѣлѣваемому, не заносясь высоко, но развлекаемые не въ мѣру собственныхъ силъ многимъ такимъ, чѣмъ не слѣдовало бы, и упитывая тѣло, дѣлаютъ его надменнымъ и неспособнымъ къ молитвѣ тѣмъ самымъ, чѣмъ думаютъ въ праздности доставить душѣ свободу отъ заботъ, запутывая ее въ лабиринтъ неисходныхъ помысловъ. Ибо тѣло, трудящееся надъ дѣломъ, удерживаетъ при себѣ мысль, которая не меньше глазъ должна наблюдать за тѣмъ, что дѣлается, и содѣйствовать тѣлу для непогрѣшительности въ дѣйствіи, а покоящееся тѣло да-

(v) Въмѣсто: *σχεσις* по рукописи читается: *τέχνη*.

еть мысли свободу кружиться; потому что во время покоя возбуждаются страсти, и при каждом похотливомъ воспоминаніи увлекають мысль, и овладѣвають ею, какъ плѣнницей.

Г л а в а 27. Поэтому, если умъ, когда наблюдаетъ онъ за дѣломъ, дѣлаетъ производство онаго совершеннымъ, а когда не наблюдаетъ, оказывается оно погрѣшительнымъ и далеко отстоящимъ отъ того, чѣмъ быть надлежало; то можетъ ли быть усиленною и свободною отъ паренія мыслей молитва, когда совершающій ее развлеченъ страстями, и часто ниспадаетъ изъ состоянія, не говорю, совершеннаго изступленія, но даже и внимательности къ молящимъ словамъ? Ибо есть высшая молитва совершенныхъ — нѣкое восхищеніе ума, всецѣлое отрѣшеніе его отъ чувственнаго, когда неизглаголаннѣми воздыханіями духа приближается онъ къ Богу, Который видитъ расположеніе сердца, отверстое, подобно исписанной книгѣ, и въ безгласныхъ образахъ выражающее волю свою. Такъ до третіяго неба восхищенъ былъ Павелъ, и не зналъ, *еще въ тѣлѣ* былъ онъ, *еще ли внѣ тѣла* (2 Кор. 12, 2.). Такъ въ другое время, молясь во храмѣ, онъ былъ *въ изступленіи*, и чувствомъ сердца (потому что тѣлесный слухъ и другія чувства, по причинѣ изступленія, оставались въ бездѣйствіи) слышалъ Господа, глаголюща: *изыди отсюда скоро зане не примутъ свидѣтельства твоего, еже о*

Мнѣ (Дѣян. 22, 18.). Такъ Петръ, взошедши на горницу помолитися, увидѣлъ видѣніе плащаницы, въ которой были всѣ звѣри, скоты, гады земные и птицы небесныя (Дѣян. 10, 9—12.), показывающіе собою различіе человѣческихъ состояній. Такъ показанный Богомъ Іову ястребъ стоялъ, *распростеръ криль недвижилъ зря на югъ* (Іов. 39, 26.), давая разумѣть наружнымъ видомъ внимательность молящагося, а именовъ — священный умъ его.

Г л а в а 28. Но послѣ первой есть вторая молитва, когда произносятся слова, а умъ съ умиленіемъ слѣдуетъ за оными, и знаетъ, къ кому обращаетъ прошеніе. Молитва же, прерываемая помыслами и соединяемая съ тѣлесными заботами, далека отъ состоянія молящагося. Ибо, если самъ молящійся не слышитъ себя, туда и сюда уносясь мыслию и не зная, какія произносить онъ слова; то будетъ ли Божественный слухъ внимать тому, чего по разсѣянности немогъ внять и самъ онъ? У говорившихъ: *вонми моленію моему, внуши молитву мою* (Псал. 16, 1.), и: *да будутъ уши Твои внимлющъ гласу моленія моего* (Псал. 129, 2.), весь умъ тщательно былъ собранъ тамъ, и не разливался, на что обыкновенно разливается и разсѣвается не владѣющая собою мысль нерадивыхъ.

Г л а в а 29. Такова была нестяжательность святыхъ, какъ не задолго прежде сего было ска-

заво, и столько доставляла имъ выгоду, указанныхъ въ своемъ мѣстѣ. Но много имѣетъ полезнаго и средняя послѣ оной нестяжательность, какъ сообразная съ временемъ и нуждами тѣла. Ибо, если и невозможно ей состязаться о первенствѣ и похвалиться равночестіемъ съ преимущественнымъ образомъ жизни; то ей принадлежитъ вторая степень чести, и не уступить она мѣсто третьему и четвертому чину живущихъ нерадивѣе; ибо не въ такой мѣрѣ не достигаетъ совершенства, въ какой преимуществуетъ предъ другими различными родами жизни. Первые святые жили для одной души и для Сотворшаго ее Бога, ни во что ставя тѣло; почму и безъ попеченія о немъ при времени имѣли въ благоприличіи все потребное, не въ житницы предварительно собираемое, но отъ Божіей воли, какъ изъ сокровищницы, благо- временно получаемое. Послѣдовавшіе же за ними святые, заботясь о необходимомъ утѣшеніи тѣла и промышляя о томъ, чтобы оставленная въ небреженіи животная наша часть не разрушилась противъ воли Сочетавшаго ее съ нами, въ такой мѣрѣ употребляли руки свои на дѣло, въ какой, по неизбѣжной необходимости требовалось, услуживать тѣлу; большую же часть времени проводили въ попеченіи о душѣ, въ молитвахъ, въ чтеніяхъ и должныхъ занятіяхъ, имѣя въ виду, какъ и должно было, преспѣяніе въ добрыхъ дѣлахъ.

Г л а в а 30. Последніе изъ сихъ, совершенно ставъ плотію, всецѣло посвятили себя на служеніе земному кумиру, воздѣлываютъ землю, откармливаютъ скоть, занимаются торговлею, упражняются во всякомъ промышленномъ искусствѣ, желая имѣть, уже не только достаточное для плотской жизни, но и то, что показывало бы ихъ не меньшими предъ отличающимися изобиліемъ, чтобы и чрезъ это быть у всѣхъ на виду, и какъ не приобрѣли себѣ славы житіемъ въ обществѣ, думаютъ достигнуть знаменитости роскошью, и тѣмъ явно выставляютъ на позоръ свое безуміе, предосудительное вмѣняя себѣ въ похвалу, и думая тѣмъ обратить на себя вниманіе и заслужить удивленіе, за что достойны они презрѣнія и осмѣянія. Ибо, какъ сообразное съ каждымъ званіемъ даетъ основательные плоды къ одобренію, такъ не приличное званію, хотя въ другомъ отношеніи оно и похвально, весьма предосудительно тамъ, гдѣ оно не свойственно. Никто не хвалитъ мужа, убравшаго волосы на головѣ золотомъ и драгоценными камнями; никто не одобряетъ женщину, одѣтую въ плащъ съ пряжкой. То убранство, какое удѣляла каждому природа, будучи замѣнено новымъ, дѣлается предлогомъ къ осмѣянію.

Г л а в а 31. Посему, къ которымъ же ближе средніе изъ сопредѣльныхъ съ ними по ту и другую сторону? Конечно къ тѣмъ, къ кото-

рымъ болѣе приближаются дѣломъ, и о сродствѣ съ которыми провозглашаютъ тѣмъ, что стараются быть съ ними близкими по жизни. Ибо по тому, что составляютъ средній чинъ между тѣми и другими, не склонны уже одинаково къ обоимъ и хотя они позади предшествующихъ, но непосредственно за ними слѣдуя, и юношескою стопою идя по слѣдамъ ихъ, столько отстоятъ отъ послѣдующихъ за ними, сколько бѣгущіе постепенно удаляются отъ идущихъ шагомъ или отъ остающихся на одномъ мѣстѣ. Ибо какое общеніе у вмѣющихъ много вещественнаго съ нестяжательными? Какое согласіе у мудрствующихъ плотское съ мудрствующими духовное? Какая общая часть у замѣшанныхъ въ житейскія дѣла съ служащими безпечно Богу? Одни апостольски оставляютъ все, что приобрѣли, какъ бы ни было оно мало; другіе приобретаютъ то, чего и не имѣли. Одни пребываютъ на безмолвіи, внутренно прилагая попеченіе о скромности и честности; другіе ведутъ всѣ роды борьбы, сражаясь за деньги и имущество. Одни законно препираются съ духами злобы за небесныя блага; другіе за блага земныя нападаютъ на другихъ владѣющихъ ими, а равно и сами терпятъ отъ нихъ нападенія. У однихъ все время тратится на попеченіе о спасеніи души, у другихъ цѣлой жизни, употребляемой на многообразныя заботы о тѣлѣ, едва бываетъ на то достаточно. Одни, живя

беззаботно, и взирающихъ на нихъ располагаютъ къ благодаренію, а другіе дѣлаются для нихъ виновниками хулы, не дѣлая ничего такого, что было бы достойно обѣта.

Г л а в а 32. Однимъ говоритъ Павелъ: *является, яко же свѣтила въ міръ* (Филип. 2, 15.), сіяя, конечно, славою жизни и ставъ для видящихъ виновниками добраго соревнованія; а другимъ сказано: *имя Мое вами хулится* (Рим. 2, 24.), то есть, вами поступающими противно званію и носящими на себѣ наружность противорѣчащую дѣламъ. Почему справедливо одни заслуживаютъ удивленіе, а другіе оплеваніе; однихъ ублажаютъ, а другихъ оплакиваютъ; одни по правдѣ любимы, а другіе несправедливо ненавистію ненавидимы. И кто по всей справедливости не возлюбитъ всецѣло отрѣшившагося отъ внѣшнихъ мятежей и избравшаго жизнь беззаботную и безмолвную? Кто съ удивленіемъ не возлюбитъ человека, который отвращается отъ поводовъ къ ссорамъ по общимъ владѣніямъ, и по занятію тѣмъ же искусствомъ, при запусѣніи въ домъ остерегается и сдѣлать и потерпѣть что-либо преступающее мѣру, не беспокоитъ другихъ, и самъ не беспокоится, никого не обижаетъ, не хочетъ обижать, и самъ не можетъ быть обиженъ, ибо на первое по произволению не рѣшается, хотя и могъ бы, а послѣднее невозможно, потому что не имѣетъ у себя ничего такого, въ чемъ бы могъ потрепѣть обиду.

Глава 33. Какое же слово не возгнушается тѣмъ, кто говоритъ, что отрекся отъ житейскаго, и преданъ его развлеченіямъ? Хвалится, что презрѣлъ міръ, и до неистовства преданъ мірскимъ дѣламъ? Обѣщается не обращать и вниманія на земное, а дѣлами доказываетъ лживость обѣщанія? Рѣшился, какъ говоритъ, посмѣваться тому, что у людей почитается великолѣніемъ, и старается объ этомъ больше другихъ людей? Утверждаетъ, что простился съ суетою, и не разстается съ нею? Признаетъ, что самоотверженіе есть крестъ и смерть, и не показываетъ въ себѣ ни одного признака самоумерщвленія? Изшелъ ты, человекъ, изъ Египта, что же послѣ сего общаго у тебя съ плинодѣланіемъ? Шествуешь пустынею, поспѣшая къ землѣ обѣтованія, для чего же медлишь, занимаясь суетными работами, ставъ медлительнымъ путникомъ въ дальнемъ странствованіи? Великой тщательности требуетъ подлежащій тебѣ путь, не блуждай по распутіямъ, чтобы не остаться недостижимымъ упокоенія. Возложилъ ты руку на рукоять раба, для чего же обращаешься вспять, не содѣлавшись управленнымъ въ царство небесное? Позади себя оставилъ ты запаленіе пятиградія, для чего же озираешься, желая увидѣть совершающееся тамъ?

Глава 34. Взялъ ты крестъ, послѣдуй за Христомъ, оставивъ все, отца, корабль, сѣти и орудія всякаго искусства, а съ ними и всякую

родственную связь и память ; потому что Христосъ, съ Которымъ ты сочелся, желаетъ быть любимъ болѣе всего этого. Съ Нимъ ты умеръ, съ Нимъ погребенъ въ блаженномъ гробѣ безстрастія, для чего же снова даешь мѣсто страстямъ, свойственнымъ для людей еще живыхъ, прилагая много заботъ о похотяхъ плоти ? Не многого утѣшенія требуетъ тѣло ; попейся о семъ утѣшенія ; потому что до времени связанъ ты съ тѣломъ, чтобы и его имѣть содѣйственникомъ въ дѣланіи добродѣтели, и чтобы не встрѣтило препятствія преслѣпаніе души, желающей въ короткое время пріобрѣсти все, и едва сподобившейся не многого для нуждъ своихъ. А кто имѣетъ радѣніе о волахъ, ежедневно пересчитываетъ стада овецъ, непрестанно ухаживаетъ за виноградниками, рощами, нивами и садами, такъ что и продолженія дня недостаточно ему для сихъ работъ, тотъ — гдѣ и когда будетъ имѣть время вспомнить о Богѣ ? Когда ему заняться псалмопѣніемъ ? Когда помолиться ? Какое время посвятить упражненію себя въ нравственномъ, естественномъ и богословскомъ умозрѣніи ? А если и найдетъ возможность изрѣдка дѣлать это между многихъ дѣлъ ; то какъ принесетъ онъ Владыкѣ чистое моленіе, когда мысль его не отрѣшена отъ того, о чемъ имѣетъ онъ много заботы и попеченія ? Какъ послѣдуетъ за движеніями страстей, чтобы узнать вчерашнюю и сегодняшнюю

разность въ перемѣнѣ на лучшее, или худшее? Какъ отыщеть соплетенія помысловъ, которые многообразно одни другими замѣняются, и самое наблюденіе дѣлають труднымъ?

Г л а в а 35. Людямъ гнуснаго поведенія предпочитаются честные, сребролюбцамъ — повидимому сострадательные и милостивые, злопамятнымъ — общающіе исправить возбуждающее въ нихъ причины къ печали, тщеславнымъ и гордымъ — дающіе обѣтъ совершенства добродѣтели, и вообще, предъ всѣми порочными берутъ преимущество кажущіеся ведущими себя благоприлично, и призракомъ привлекающаго къ себѣ любовь добраго поведенія обольщающіе неопытныхъ въ такомъ обманѣ, а въ послѣдствіи выдающіе себя измѣнившимися въ нѣчто противоположное, едва уже способными, или и все неспособными, исправить обольщеніе, потому что умъ, настроенный своими прежними умствованіями, хотя и чувствуетъ заблужденіе, но съ трудомъ оставляетъ оное, увлекаясь болѣе усладительностію пріятнаго, нежели сколько старается онъ избѣгать вреда отъ того, что не полезно. А если сіе такъ, и столько потребно тщанія; то останется ли уже удобное время сверхъ должныхъ дѣлъ на дѣла пустыя? Или не примѣчаешь, какъ сокрушаютъ тебя днемъ дѣла, а ночью памятованіе о нихъ, самое время отдыха дѣлая временемъ мученій? Ибо тогда память, приводя на мысль, кто нарушилъ между,

кто причинилъ вредъ плодамъ, кто преградилъ водотечи для орошенія, кто потравилъ пастбище, кто дѣлаеть, или сдѣлалъ, другую какую-либо обиду, и о каждомъ, какъ онъ упорствуетъ и спорить, приводитъ тѣмъ въ неистовство, раздражительную силу души возбуждая къ мщенію, не даетъ же времени на сонъ и покой, а также и на молитву, которая требуетъ великаго повсюду безмолвія и долгаго свободнаго времени, доставляющаго отъ части и освобожденіе отъ всѣхъ попеченій.

Глава 36. Ибо что говорятъ Павелъ? *Хочу васъ безпечальныхъ быти, и присовокупляетъ: не оженивѣйся печется о Господнихъ, како угодити Господеви: а оженивѣйся печется о мірскихъ, како угодити женѣ* (1 Кор. 7, 32. 33.). Посему, если невозможно служить Богу безъ печали; то почему не женятся и не берутъ на себя этого бремени не имѣющіе попеченія о томъ, какъ угодить Господу? Ибо ни чѣмъ не отличаются отъ женившихся, подобно имъ заботясь о мірскомъ, и не одинаковое съ ними порицаніе заслуживая въ этомъ, но дѣлаясь достойными гораздо большаго осужденія. Женившимся хотя нѣсколько извиненій удѣлилъ Екклезіастъ, какъ принявшимъ на себя бремя суетныхъ трудовъ, чтобы доставить хотя малое утѣшеніе въ жизни дѣтямъ, которыхъ, можетъ быть, постигнетъ преждевременное сиротство, и чтобы они, не имѣя у себя, можетъ

быть, и попечителей, и угнѣтаемые скудостью въ необходимомъ, не терпѣли отсюду всякой скорби, во всемъ притѣсняемые. А послѣднихъ обвинилъ онъ въ явномъ безуміи, сказавъ: *есть единый, и нѣсть втораго, ни сына ниже брата нѣсть ему* (Еккл. 4, 8.); и кому онъ *трудится на вѣтръ* (5, 15.)? И весьма справедливо укоряетъ онъ такового; потому что, не имѣя наслѣдниковъ, желаніе пріобрѣтать для которыхъ имѣеть еще, можетъ быть, благовидное извиненіе, не пользуется покоемъ своимъ, какъ должно, чтобы время, утрачиваемое многими, сдѣлать для себя полезнымъ, употребивъ на пріобрѣтеніе благъ душевныхъ. Ужели слыша: *не пецѣтесе душою вашею, что ѣсте, или что пѣете, или во что облечетесе* (Матѳ. 6, 25.), колеблется онъ, по маловѣрію сомнѣваясь, будетъ ли, или не будетъ потребное у служащаго Богу? Почему не держится онъ сего правила: *имѣюще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ* (1 Тим. 6, 8.), и тѣхъ трудовъ, какіе пекущимися о міръ сѣются въ дѣла плотскія, не сѣеть на духовныхъ нивахъ, чтобы пожать въ нихъ вѣчную жизнь? Напротивъ того весь онъ предался земному, надъ земнымъ мучится все время и всѣми силами, употребляя на то весь досугъ, какой имѣеть, и какого требуетъ тѣлесная потребность, если обратитъ вниманіе на необходимое для тѣла, а не разольется отъ роскоши въ море удовольствій.

Г л а в а 37.. Ибо если, по слову Павлову, *должны есмь не плоти, еже по плоти жити* (Рим. 8, 12.); то почему, служа ей чѣмъ-либо малымъ и яствами, какія случатся, отдавая должное, чтобы не тревожила, не живемъ для души духомъ, все дѣлая для того, чему необходимо обязаны дѣланіемъ, и притомъ единственнымъ, неутрачивающимся вмѣстѣ съ уметами, разлагаемыми во чревѣ при пищевареніи? Прекрасно осуждая того, кто оставилъ воздѣлываніе души, и прилагаетъ великое попеченіе о землѣ, говорить Соломонъ: оставилъ пути виноградника своего, блуждаетъ же по стезямъ нивы своей, ходить по безводнымъ мѣстамъ въ пустынь, по землѣ протяженной въ странѣ жаждущей, собираетъ руками безплодіе. Ибо попеченіе о тѣлесномъ сверхъ потребности дѣйствительно есть заблужденіе и хожденіе не путемъ, которое заставляеть скитаться по непроходимымъ пустынямъ, и концемъ трудовъ имѣетъ безплодіе; такъ какъ труды сіи ни мало не полезны для жизни будущей. И нѣкто изъ пророковъ, оплакивая это, громко взываетъ, говоря: *горе умножающему себя не сущая его и отягчающему узю свою тягцѣ* (Авв. 2, 6.); а симъ подтверждаетъ, что все, неспоспѣшествующее добродѣтели, есть чуждое бремя для трудящагося о томъ, чтобы отвратить стараніе отъ суетнаго и обратить оное къ полезному, чтобы дѣлающій въ трудѣ имѣлъ свое приобрѣтеніе,

собираемое имъ на небесахъ для продолжительнаго и нескончаемаго наслажденія, и чтобы, когда у суетно трудившихся недостаетъ потребнаго даже до капли холодной воды, тогда ему веселиться въ обилии, съ великимъ торжествомъ наслаждаясь благами, какія предпослалъ и принесть съ собою, бывъ разумнымъ домо-строителемъ трудовъ своихъ. Божественные законы требуютъ, чтобы мы были образцами для другихъ людей, и неукоризненностию жизни указывали всѣмъ непреткновенный путь. Посему, какимъ образцемъ стали мы для нихъ, паче ихъ самихъ прилагая стараніе о суетномъ? Какъ будемъ для нихъ и непреткновенными, больше ихъ держась того, что научены пренебрегать, и съ чѣмъ, повидимому, сами соглашаемся, а такимъ образомъ полагая имъ преткновенія и тысячи ежедневныхъ соблазновъ, ибо рассуждаютъ они, что дѣйствительно вождельнно то, о чемъ мы прилагаемъ стараніе, и что соревнованіе объ этомъ нисколько не вредитъ богочестию.

Г л а в а 38. Худыя дѣла почитаемыхъ людьми болѣе честными дѣлаются достойными подражанія (а), какъ для всѣхъ, такъ особенно для простодушныхъ безъ всякаго ихъ о томъ размышленія. Такіе люди, говорятъ они, не отважились бы на это, если бы оно было, какъ

(а) По рукописи предъ словомъ: *здѣсь* не читается союзъ: *объ*.

другіе думаютъ, дѣйствительно худо. Посему великій Павелъ, когда, давъ правила для добродѣтельной жизни и укоряя небрегущихъ о вредѣ причиняемомъ простодушнымъ, говоритъ: *аще кто видитъ тя, и муща разумъ, въ требищи возлежаща, не совѣсть ли его немощна сущи созиждется идоложертвенная ясти* (1 Кор. 8, 10.), прекрасно однимъ симъ обвиненіемъ не дозволяетъ равнодушія, въ какомъ бы то ни было дѣлѣ, и показываетъ, что дѣлаемое людьми, которые почитаются лучше другихъ знающими полезное, легко приводитъ къ раздражанію людей простыхъ, которые признаютъ это созиданіемъ, а не раззореніемъ добраго. Сіе и далъ разумѣть Апостолъ словомъ: *созиждется*, то есть, почтетъ преспѣваніемъ и улучшеніемъ раздражаніе тому, что видѣлъ. Ибо говоря: *созидайте кійждо* другъ друга (1 Сол. 5, 11.), даетъ законъ о взаимной обязанности другъ къ другу, каждому, дѣлая доброе, къ дѣланію сего побуждать и другаго, ставъ для него примѣромъ къ усовершенію себя въ частныхъ обстоятельствахъ. Какихъ же *жернововъ осельскихъ* и какихъ пучинъ *морскихъ* (Матѣ. 18, 6.) въ наказаніе свое достойны сдѣлавшіеся таковыми виновниками таковыхъ соблазновъ для людей простодушныхъ, и тѣхъ, которые сами склонны болѣе довольствоваться малымъ, поощряющіе къ многостыжательности своею ссорливостію и съ ними и съ избирающими для себя

явно бесполезное? Ибо сказано: *ревность мужа отъ подруга своего* (Еккл. 4, 4.), который въ хорошемъ и въ дурномъ одинаково хочетъ пре-
взойдти ближняго. Ибо такая ревность по-
нуждаетъ одерживать побѣду надъ состязую-
щимся, въ какомъ бы то ни было, дѣлѣ, при-
знавая, не столько опаснымъ несправедливо
взять надъ кѣмъ-либо верхъ, сколько постыд-
нымъ и укоризненнымъ справедливо быть по-
бѣжденнымъ. Лучше же сказать, всѣ знаютъ
это по опыту, что въ разсужденіи полезнаго
спора не бываетъ и ревность слаба, а если
кѣмъ, или не намѣренно, или съ намѣреніемъ,
сдѣлано что-либо бесполезное, то и ревность
готова, и подражаніе неудержимо, всякой по-
читаетъ для себя оправданіемъ идти по слѣ-
дамъ предшествовавшихъ, и вину приписываетъ
начавшимъ, а не уловленнымъ ихъ примѣромъ.

Глава 39. И на сіе самое, можетъ быть
указуетъ одинъ изъ Пророковъ, когда вопро-
шаетъ древній народъ, и отвѣтомъ ихъ под-
тверждаетъ истину вопроса (б), говоря: *аще
коснется мясо свято ризы или варива, еда
освятится? И отвѣщающа: ни. И рече: аще
прикоснется оскверненный душею всякому сихъ,
еда осквернится? И рѣша: осквернится* (Агг.
2, 13. 14.). И смѣ отвѣтомъ далъ видѣть, что
зрители скорѣе впечатлѣваютъ въ себѣ образъ-

(б) Въмѣсто: *τα κτάσματος* по рукописи читается: *τα πόνιστος*.

цы худаго, нежели добраго, имѣютъ болѣе склонности подражать первымъ, нежели послѣднимъ, худою привычкою научившись вредное предпочитать полезному. И какъ сіи небрежные не убоялись страшныхъ угрозъ за соблазнаемыхъ, не разумно уготовляя себѣ въ будущемъ сугубое наказаніе, и за то, что лучшему предпочли худшее, и за то, что стали для другихъ поводомъ къ дѣланію зла, великимъ пристрастіемъ къ суетному въ наклонныхъ къ тому же воспламеняя ненасытимыя пожеланія къ приобрѣтенію большаго. И нѣкоторые изъ Іудеевъ, хотя законъ не требовалъ нестяжательности, возлюбили ее произвольно, и восхотѣли безпечно служить Богу, живя въ кущахъ и воздерживаясь отъ всего, что могло отвлечь умъ отъ лучшаго, какъ говорили сами они спрашивавшимъ ихъ и желавшимъ узнать этотъ новый образъ жизни: *винограда, и нивы, и дома не бысть намъ* (Іер. 35, 9.); ибо знали они, что попеченіе объ этомъ препятствуетъ упражненію въ благочестіи. Да и не малое число еллинскихъ философовъ показали такую нестяжательность, что, на подобіе псовъ, жили не подъ кровлей, и пищу принимали, когда случалось, и какую только могли найти, такъ казалось имъ, что и для пустаго умозрѣнія нужно имѣть чистое разумѣніе, не тревожа себя какими-либо заботами о житейскихъ дѣлахъ. И одинъ изъ нихъ, не имѣвшій у себя ничего, кромѣ чаши, изъ кото-

рой принималъ и пищу и питіе, когда увидѣлъ что дѣти пастуховъ подносятъ ко рту воду горстями, бросилъ чашу и сказалъ: «узналъ я, дѣти, что до нынѣ было скрыто отъ меня, узналъ совершенство нестяжательности», и съ благодарностію признался, что дѣтямъ обязанъ онъ тѣмъ, чего философія не доставила къ его совершенству. Такъ, можетъ быть, у него было въ намѣреніи сложить съ себя и тѣло, если бы это было возможно, а съ нимъ совлечься и всякаго житейскаго попеченія и жить обнаженною отъ всего душою безъ плотскихъ нечистотъ, посвятивъ себя превозделѣнной и ненасытимой любви къ философіи.

Г л а в а 40. А мы, которые всегда слышимъ оглашающихъ насъ о семъ и Господа и Апостоловъ, поелику донынѣ неусрамились ихъ божественныхъ внушеній, и сами собою не подвиглись на добро, устыдимся по крайней мѣрѣ сихъ язычниковъ, своею нестяжательностію укоряющихъ насъ въ многостяжаніи. Ибо укорять насъ прилично тѣмъ, которыми должны мы быть уважаемы за досточестность житія, и, первенствуя предъ ними въ догматахъ, не быть вторыми по жизни, чтобы веда себя хуже Еллиновъ, не побудить ихъ къ хулѣ имени Господня, на насъ призваннаго; потому что дѣла наши чужды и противны тому, что повелѣно намъ дѣлать. Знаю, что сказанное поразительно для читателей, но только для тѣхъ, на кото-

рыхъ не падаетъ укоризна, а не для васъ, къ которымъ идетъ слово. Ибо увѣренъ я, что и сіи обличенія не уцѣломудрятъ страждущихъ неисцѣльно, и если къ приведенію ихъ въ чувство сказать нѣчто и еще болѣе жесткое, то не исправятся они въ своемъ недостаткѣ, однажды навсегда отложивъ стыдъ и не краснѣя болѣе, когда грѣшатъ, потому что и примѣромъ муравья, по слову премудраго Соломона, непристыжденъ лѣнивый, чтобы двинуть ему руки и усрамиться предосудительной праздности.

Г л а в а 41. Ибо трудно избавиться отъ страсти, которую долгое время питаемъ въ себѣ, и оставить навѣкъ усиленный (в) долговременною привычкою, если не употребить великаго старанія объ исправленіи худаго нрава, кто держится онаго, какъ связанный не разрѣшимыми узами, хотя и могъ бы освободиться отъ того, такъ что иногда, какъ привязанный, необходимо увлекается назадъ, удерживаемый воспоминаніемъ о томъ, гдѣ былъ прежде, и невольно возвращаемый часто къ тому, отъ чего старается бѣжать. Ибо и лѣнивому громогласно взываетъ Соломонъ: *иди ко мравію, о лѣниве, и поревнуй видѣвъ пути его* (Притч. 6, 6.). И давшимъ обѣтъ монашеской жизни, но опутаннымъ еще житейскими потребностями, говорить Господь: *воззрите на птицы небесныя,*

(в) Въмсто: *μακροθυσία* по рукописи читается: *κρατήθεια*.

яко не спють, ни жнутъ, ни собирають въ житницы, и Отець вашъ небесный питаетъ ихъ (Матѣ. 6, 26.). И сія послѣдніе не оставилъ попеченія о землѣ, какъ повелѣно имъ было, и первый не вынулъ рукъ изъ нѣдра, изнурительную скудость предпочитая сытости, требующей кратковременнаго труда. Такъ преобладаемый привычнымъ ему неудобопреклоненъ къ необычному, любить лучше оставаться въ томъ состояніи, въ какомъ былъ, хотя сознаеть, что это не полезно, нежели перейти въ состояніе непривычное, хотя бы польза этого была явна и очевидна.

Г л а в а 42. Но вы, други Христовы и попечительные хранители Христовыхъ законовъ, приносите Господу двойный динарій заповѣдей ; къ чему обязаны повелѣніемъ, по произволенію дѣлаете къ этому щедрое присовокупленіе, по свободѣ сердца простираетесь далѣ предписаннаго рабамъ для неотложнаго дѣланія. Вы вступили въ единое житіе со Христомъ, на горѣ тайноводствованы догматами высокаго любомудрія, и дѣлами доказываете несомнѣнность преподаннаго вамъ. Вы слѣдуете по стопамъ апостольскимъ, работаете, чтобы не обременить кого-либо, но столько занимаетесь работою, чтобы времени, потребнаго на нужнѣйшее дѣланіе, не истратить на менѣе важное ; прекрасно дѣлите время на частную потребность тѣла и на великое попеченіе о душѣ. Ибо раздѣлъ этотъ по

истинѣ приличенъ правдѣ — удѣлять не всѣмъ въ равной мѣрѣ, но каждому по достоинству, и служанкѣ подавать должное соразмѣрно, а госпожѣ, какъ дѣйствительной владѣтельницѣ, которая должна пользоваться великою честію, представлять все. Вы мужественно и великодушно воинствуете со Христомъ, не обязуясь *куплями житейскими* для угожденія *Воеводъ* (2 Тим. 2, 4.). Вы законно подвизаетесь, и какъ умашенные, угладивъ себя нестяжательностію, не даетесь въ руки противникамъ; потому что не имѣете у себя ничего, за что ухвативъ причинили бы они вамъ вредъ (г), или низложили на поприщѣ, овладѣвъ вами съ помощію страсти любостяжательности, какъ Египтянка, ухватившаяся за ризу Іосифа, чего не могла бы она сдѣлать, если бы Іосифъ былъ такъ обнаженъ, какъ борецъ, дѣйствительно готовый къ подвигу. Но и въ этомъ случаѣ, хотя взялась за ризу, недостигнула она желаемаго; потому что борецъ совлекъ съ себя то, за что удерживаемый привлекаемъ былъ насильно, и послѣ опыта дозналъ, что живущему вмѣстѣ съ страстями должно съ самаго начала быть обнаженнымъ, и борющемуся съ ними первоначально вступать въ борьбу такимъ, какимъ бѣжалъ онъ въ послѣдствіи, то есть, отрѣшившимся отъ заботы и

(г) По рукописи читается: *λυπήσουσ, ζημία.*

попеченія о всемъ чувственномъ , ибо ими побѣждаются намѣревающіеся противиться страстямъ и лишаемые бодрости печалію , привязанные къ деньгамъ и имуществамъ , и неудовольствіями , какія встрѣчаются при семъ , пользующіеся , не какъ должно.

Г л а в а 43. Но вы свободны отъ таковыхъ узъ , подобно упоминаемому у Іова дивіему ослу , пущенному въ пустыню , который смѣется *многу народу , стужанія же данническаго* не слышитъ (Іов. 39, 7.). Вы избавлены и отъ заботы объ имуществѣ и отъ доуки собирателей дани , *ни что же имуще* въ обладаніи и *вся содержаще* во власти (2 Кор. 6, 10.). Вы , по слову Господню , не имѣете у себя и другой ризы (Матѳ. 10, 10.), а облеклись во Христа , Который не допускаетъ до васъ никакого отънѣ приражающагося вреда. Вы по нуждѣ тѣла ходите по земли , а мыслию живете на небѣ . Вы усердно поспѣшаете къ почести званія , и скоростію птицъ совершаете теченіе благочестія . Всю тяжесть мірской попечительности стряхнули вы съ душевныхъ раменъ , проворно перескочили чрезъ соблазны , препятствующіе преспѣванію , и тотъ образъ жизни , какой наслѣдовали отъ предшественниковъ , если измѣнили , то на болѣе ревностный , чтобы и вамъ , какъ трудившимся вмѣстѣ съ предшественниками , имѣть нѣкую похвалу за строгость житія , но не на безпечнѣйшій . Вы , какъ по добродѣтели при-

знаетесь истинными чадами отцевъ, такъ и по различію дѣлъ не почитаетесь подложными. Ибо не малое безчестіе потомкамъ, когда хвалятся родствомъ съ предками, и не удостовѣряють въ этой близости нравами. Какъ черты лица и другіе тѣлесные признаки сходствомъ своимъ показываютъ, кто чей сынъ, или отецъ, такъ образъ жизни даетъ видѣть, кто чей ученикъ, или знакомый, объясняя словомъ, кто училъ умозрѣнію, а дѣлами,—кто дѣятельности. Но къ чему представляемъ въ примѣръ отношенія перстныя для тѣхъ, которые выше тѣлесныхъ примѣровъ, желая весьма малымъ означить чрезвычайно великое, и одушевленные образы приравниваемъ къ очертаніямъ, которыхъ нельзя назвать и изображеніями, потому что не уяснены они красками? Вы ученики Христовы и сыны вѣчнаго Отца. Ибо такъ Господь называетъ васъ братьями, говоря: *иже аще сотворитъ волю Отца Моего, Иже есть на небесахъ, той братъ Мой, и сестра и мати есть* (Матѳ. 12, 49.); именуетъ и сынами Отца Своего, когда говоритъ: *не пецѣйтесь, что ѣсте, или что пѣете? Въсть бо Отецъ вашъ небесный, яко требуете сихъ всѣхъ* (6, 25. 32.). И какъ составляется родство сіе, и совершается присвоеніе, научаеъ Господь, подавая способы желающимъ достигнуть онаго благородства, и рѣшающимся изъ рабства перейти въ сыноположеніе, когда сказуетъ: *научитесь отъ Мене,*

яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ (11, 29.); и еще: будите милосерди, яко же и Отецъ вашъ небесный (Лук. 6, 36.); и: будьте благоутробны, какъ Отецъ вашъ, и во всемъ будите совершени, яко же Отецъ вашъ небесный совершенъ есть (Матѳ. 5, 48.).

Г л а в а 44. Посему, такъ какъ для уподобленія предлагается естество Божіе, какая необходимость смотрѣть на человѣческія усилія и любопытствовать, кто, какъ и сколько преуспѣлъ въ добръ, и какъ другіе, будучи уловлены мірскими пріятностями, погрязаютъ въ суетныхъ развлеченіяхъ, а не то одно имѣтъ въ виду, какъ можно во всемъ уподобляться Богу, и какъ пребывать въ ономъ совершенствѣ, какими трудами возвратить первобытное достоинство природы, содѣлавшись свѣше даннымъ отпечаткомъ первообразнаго лика, и упражненіемъ въ добродѣтели приобрѣтенный навѣкъ содѣлавъ, какъ природу, недоступнымъ измѣненію въ противное? Поэтому, какого времени достаточно намъ будетъ для уподобленія естеству Божію, какая сила послужитъ къ тому, чтобы приуготовить образы Божія подобія? Какъ и когда будемъ всѣмъ тѣмъ, что есть Божіе? Ибо, конечно, уподобленіе возможно, потому что заповѣдалъ сіе Тотъ, Кто знаетъ силу каждаго. Но едва и тотъ, кто началъ съ дѣтства, и во всѣ возрасты до послѣдней старости употреблялъ неослабное попеченіе, отпечатлѣтъ

въ себѣ первообразную добродѣтель; какое же усиліе нужно нерадѣвшему о семъ въ прошедшіе годы? Какое нужно усердіе, чтобы въ короткое время успѣть въ томъ, въ чемъ съ трудомъ приобрѣтается успѣхъ въ продолженіе цѣлой жизни? Конечно трудность дѣла не дѣлаетъ его невозможнымъ, и позднее начатіе не предполагаетъ, что совершеніе для начинающаго сомнительно или безнадежно; потому что рѣшимость воли для приведенія къ окончанію преднамѣреннаго имѣетъ и сокращенный путь, скорѣе совершая предположенное, когда ускоряется усердіемъ, и дѣло требующее продолжительнаго времени оканчивается въ несоразмѣрный ему срокъ. Ручающимися въ этомъ свидѣтелями — дѣлатели виноградника, которые пришли въ единнадцатый часъ, и сдѣлали тоже, что и палимые зноемъ отъ утра до вечера, и краткій срокъ не былъ для нихъ препятствіемъ къ тому, чтобы сравняться съ предварившими. Ибо такова нерадивость и такова попечительность. Первая при большей свободѣ совершаетъ малое и недостойное вниманія, а послѣдняя и въ короткое время успѣваетъ сдѣлать великое, тщательно оставляя позади медлительность нерадивыхъ.

Г л а в а 45. Для того и сотворены мы по образу Божию, чтобы сохранять черты оныхъ свойствъ, и отличнымъ житіемъ взирающимъ на насъ представлять въ себѣ ясные признаки

Богopodobiя. Я, говоритъ Богъ, *щедръ и милостивъ, долготерпливъ и многомилостивъ* (Иои. 2, 13.) и соблюдаю правду. Такими красками описывается образъ Богopodobiя; вотъ черты безплотнаго лика; по онымъ познается душа, какъ сродственная съ Божествомъ, по любви къ Нему ревнующая о полнотѣ совершенной чистоты, но воспящаемая въ томъ узами, связующими ее съ тѣломъ, впрочемъ и при маломъ недостаткѣ вопиющая, что желаетъ не имѣть ни въ чемъ недостатка, на что и представляетъ ясное доказательство, въ томъ, что пока достижимо для нея, давая видѣть, какъ вождѣваетъ недостижимаго, и тѣмъ, что желаетъ освободиться отъ естественныхъ нуждъ, показывая, съ какимъ вождѣнiемъ и съ какимъ желанiемъ преуспѣвала она въ возможномъ для нея, въ благи, долготерпѣнiи, добротѣ и человѣколюбiи, тщательно приобрѣтши все, чѣмъ отличается естество Божественное; и гдѣ не было никакого препятствiя, тамъ охотно пользовалась властiю, и съ великимъ удобствомъ простиралась ко всему, до чего только могли довести данныя ей силы. Почему, какъ почтенная Божiимъ образомъ, по Давидову слову, *малымъ чимъ умалена отъ Ангель* (Псал. 8, 6.); потому что, какъ сопряженная съ перстнымъ тѣломъ, хотя не надолго принуждена бываетъ, по неизбѣжной потребности, тратить время на удовлетворенiе нуждъ тѣлесныхъ, однако же всегда

и всецѣло желаетъ заботиться о лучшемъ, и тамъ жить умозрѣніемъ, гдѣ имѣеть чистое веселіе, невозмущаемое памятованіемъ чего-либо непріятнаго. Ибо кто убѣгаетъ народныхъ мятежей, и отказывается тревожить себя обременительными дѣлами, уклоняется отъ сообщенія съ людьми легкомысленными и необстоятельными, а дома большую часть времени проводитъ безмолвно въ молитвахъ и изученіи словесъ Божіихъ, при рѣдкихъ же выходахъ изъ дома видѣнъ степеннымъ, скромнымъ, невозмутимымъ, сострадательнымъ, братолюбивымъ; такого кто не назоветъ подлинно Божіимъ ревнителемъ, образомъ и подобіемъ, озаряющимъ Божественными лучами Божіей благодати, и осіявающимъ свое уподобленіе добродѣтелями, какъ бы привлекательными какими цвѣтами?

Г л а в а 46. Сей-то образъ обновляя Господь, и къ сему уподобленію призывая учениковъ Своихъ, научая также, какъ чрезъ уподобленіе можно содѣлаться Богомъ, сказалъ, какъ упомянуто выше: *будите милосерди, яко же и Отецъ вашъ небесный милосердъ есть*, независимо общая равночестіе желающимъ возвыситься до таковой чести; потому что Божество дѣйствительно чисто отъ зависти, какъ и отъ всякой другой страсти, любитъ домогающихся одной съ Нимъ славы. Поелику не умаляется общеніемъ оной съ другими, то не имѣеть ненависти къ содѣлывающимся по своей тщатель-

ности тѣмже , чѣмъ Оно есть по естеству, всегда пребывая непреложнымъ и неизмѣняемымъ, и желая, чтобы всѣ пришли въ непреложность, снискавъ ее навыкомъ. Люди, имѣя и соотвѣтственную и несоотвѣтственную имъ честь, не безъ причины завидуютъ благоуспѣшности другихъ, подозрѣвая, что въ томъ самомъ, чѣмъ славятся, будутъ превзойдены другими, и боясь успѣха тѣхъ, которые изъ* низкаго состоянія приближаются къ равной чести съ ними, чтобы неоказаться низшими ихъ, завидуютъ имъ, справедливо, какъ думаютъ, желая быть во всемъ всѣхъ лучшими, и по славолюбію совершенно не терпя, чтобы кто нибудь былъ выше ихъ. Но Богъ, имѣя собственно Ему принадлежащую славу, необязанно сообщаетъ ее всѣмъ, не терпя отъ этого ничего для Себя оскорбительнаго. Прилѣженное обученіе никогда не беретъ преимущества надъ природою, хотя обращается въ навыкъ при многомъ упражненіи, не лишаетъ природу первенства , хотя , повидимому , отличается на второмъ мѣстѣ, и собственное свое преспѣяніе даетъ видѣть, и не превозносится предъ имѣющимъ преимущество, удерживаетъ за собою уступленную ему честь, и не присволяетъ себѣ чести превосходящей. Такъ и Павелъ, послѣдуя словамъ Господнимъ, въ тѣхъ же отличительныхъ чертахъ представляя въ каждомъ образъ Божій, опредѣляетъ оный неизмѣняемостію подобія. Ибо говоритъ: *бывайте под-*

ражателю Богу (Ефес. 5, 1.), и показываетъ способъ, какъ преуспѣть въ этомъ, говоря: бывайте другъ ко другу блази, милосерди, прощающе другъ другу (4, 32.), аще кто на кого имать пореченіе, яко же и Христосъ простилъ есть намъ (Кол. 3, 13.); еще: облечытеся яко же избраннїи Божїи, святы и возлюбленни, во утробы щедротъ, благодать, смиренномудріе, кротость и долготерпленіе (12.). Такъ же-лаетъ Апостоль, чтобы украшались мы сими преимуществами, какими, какъ челоуѣколюбивый, сіяетъ Божїй Образъ (Филип. 2, 6.).

Г л а в а 47. Вотъ отличительныя черты Бога и челоуѣка, ревнующаго объ уподобленїи Богу: скромность, незлобіе, негнѣвливость, независтливость, благотворительность, сострадательность, непамятозлобіе, добротолюбїе, доброта, равночестїе, соблюденїе пользы другихъ, общительность, попечительность, негорделивость, короче сказать, все, въ чемъ обилїе благодати являетъ Богъ, Который *сіяетъ солнце на змїя и благія, и дождитъ на праведныя и неправедныя* (Матѣ. 5, 4.). По симъ чертамъ познается старающійся быть подражателемъ Богу, въ благоутворенїи пребываетъ онъ для всѣхъ равенъ, и для друзей и для расположенныхъ неприязненно, терпитъ ли зло, воздаетъ за зло добромъ, и обижających пристыждаетъ не только тѣмъ, что великодушно переноситъ дерзости, но и тѣмъ, что всякое добро, какое только можетъ, оказы-

ваетъ имъ отъ полноты сердца. Ибо невозможно человѣку отъ долгаго пребыванія во злѣ сдѣлаться столько во всемъ чуждымъ и далекимъ отъ природы человѣческой, чтобы не устыдиться того, кто за претерпѣнное имъ могъ воздать равнымъ, и воспользовался своею силою на добро, и чтобы, не краснѣя, за сдѣланныя обиды, принимать отъ обиженнаго милости какъ отъ одолженнаго, и не порицать себя по всей справедливости за злобу свою, и также не удивляться съ полнымъ убѣжденіемъ любомудрною того, кто примѣромъ своимъ обязываетъ его оставить злобу и обратиться къ дознанному опытомъ добру, а къ злоумышляющимъ противъ него самому, конечно, сдѣлаться таковымъ же, каковымъ былъ къ нему подвергавшійся его кознямъ и благодѣянїями злобу его побудившій къ примиренію. И хотя Павлу достаточно было сего, чтобы благопокорныхъ научить цѣломудренной жизни; однако же зная, что иные съ трудомъ приводятся къ тому, многими другими внушенїями покушается онъ искусно отвлечь насъ отъ суеты, приводя къ соблюденію закона похвальными именованїями; то говорить: *храмъ Божій есте* (1 Кор. 3, 16.); то: *яко же чада свѣта ходите* (Ефес. 5, 8.); и еще: *достойны благовѣствованію Христову жительствуйте* (Филп. 1, 27.); и также: *тѣлеса ваша члуде Христовы суть* (1 Кор. 6, 15.); въ одномъ мѣстѣ называетъ насъ *святыми и непорочными*

ми (Ефес. 1, 4.), а въ другомъ *неповинными и цѣлыми чадами Божиими и непорочными* (Фил. 2, 15.), какъ объ имѣющемъ въ насъ, свидѣтельствуя о томъ, чего нѣтъ еще въ насъ, и что должны мы приобрѣсти, чтобы не обратились намъ въ укоризну ложныя похвалы, но чтобы радоваться намъ, когда именуютъ такими, каковы мы по дѣламъ, сознавая въ совѣсти, что это истинное свидѣтельство, а не осмѣяніе. Апостолъ въ слѣдъ за симъ, много заботясь и прилагая попеченіе о нашемъ преоспѣяніи, чтобы всѣми мѣрами привести насъ *въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Ефес. 4, 13.), по всюду приводить въ движеніе всѣ способы, не оставляя ничего къ сему споспѣшествующаго.

Г л а в а 48. И во первыхъ требуетъ, чтобы мы умерли и распялись для міра, нисколько не ощущая ни наслажденій, ни скорбей, мірскихъ; такъ какъ, по словамъ его, *преходитъ образъ міра сего* (1 Кор. 7, 31.) и, какъ образъ, мало печалитъ, а также мимоходомъ мало и не надолго веселитъ, по краткой продолжительности не производитъ ощущенія того и другаго, приходитъ съ самымъ быстрымъ стремленіемъ, и по скорости не оставляетъ въ душѣ даже слѣда памяти. Посему говоритъ Апостолъ: *умросте міру, и животъ вашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ* (Кол. 3, 3.), зная, что послѣ сказанной имъ смерти есть другая жизнь, ко-

торою живутъ совостающіе со Христомъ, горнее взыскующіе и горняя мудрствующіе, умершіе *отъ стихій міра*, а не живущіе еще по онымъ, подобно тѣмъ, которыхъ Павелъ упрекаетъ, говоря: *аще убо умросте отъ стихій міра, почто аки живуще въ міръ стязаетеся: не коснися, ниже вкуси, ниже осяжи? Ибо вся во истльніе употребленіемъ* (1 Кор. 2, 20—22.) въ тѣхъ, въ комъ смертію прекращено стремленіе къ сему пожеланію. Но *представляйте себѣ*, говоритъ онъ, *Богови, яко отъ мертвыхъ живыхъ* (Рим. 6, 13.), желая отчасти, чтобы мы умерли, именно тому, чѣмъ въ дѣйствіе приводятся страсти плоти, похотствующей на духа, отчасти же повелѣвая жить тому, чѣмъ совершаются дѣла добродѣтели въ благоугожденіе Богу. Посему-то и жертвою живою именуетъ умертвившихъ *уды, яже на земли* (Кол. 5, 5.) и *ходящихъ въ обновленіи жизни* (Рим. 6, 4.), не къ худому движимыхъ, по жертвенномъ умерщвленіи бывшей на то силы, и не праздными пребывающихъ для добрыхъ дѣлъ; потому что будучи жертвою живою не утратили въ себѣ силы дѣлать полезное съ силою дѣлать не надлежащее, но какъ цвѣтущею и юною пользуются ею противъ враждебнаго издавна мудрованія плоти, не увлекаемые уже сими неразумными пожеланіями, такъ какъ совершенно перешли изъ тѣлесной жизни въ духовную, и живутъ не плотію, но духомъ.

Г л а в а 49. Имъ-то, вѣроятно, и сказалъ Апостолъ: *нѣсте во плоти, но въ душѣ* (Рим. 8, 9.), имъ, которые были обложены тѣлеснымъ бременемъ, но нимаго не были уже имъ тревожимы, потому что не царствовалъ грѣхъ въ мертвенномъ тѣлѣ ихъ, и не понуждалъ уже насильственно слушаться собственныхъ повелѣній того, кто противовоюетъ закону ума, живетъ въ членахъ немощнаго, чтобы плѣнить ихъ закономъ грѣха, но самъ плѣняется въ послушаніе заповѣдямъ Христовымъ, и рабски уступаетъ лучшимъ законамъ, которыми велитъ Павелъ соуслаждаться по внутреннему чловѣку, *въ готовности и мущѣ отмстити всяко преслушаніе* (2 Кор. 10, 6.); и въ чемъ нѣкогда обольщенный палъ, въ томъ обѣщая съ рачительностію въ послѣдствіи возобновить борьбу, трудами подъятыми ради добродѣтели содѣлавъ съ тѣломъ то, что, уловленный пріятнымъ, потерпѣлъ отъ него. Какое же это отмщеніе, и какъ совершается, Апостолъ учитъ сему въ посланіи къ Римлянамъ, гдѣ говорятъ: *яко же бо представисте удѣ ваша рабы нечистотѣ и беззаконію въ беззаконіе: тако нынѣ представите удѣ ваша рабы правдѣ во святынню* (Рим. 6, 19.). Какой же это трудъ, и какъ великъ, знаютъ тѣ, которые, будучи преобладаемы привычкою, принуждены бывають худый навыкъ преобразовать въ добрый. Въ чемъ изъ желаемаго, по мнѣнію ихъ, при неутомимыхъ усилі-

яхъ преуспѣваютъ они, въ томъ легко отступаютъ ; потому что привычка, какъ узами, скоро увлекаетъ ихъ назадъ, и дѣлаетъ нерѣдко великій трудъ бесполезнымъ, пока, послѣ многократныхъ отступленій и многократныхъ устремленій впередъ, не возмогутъ по немного отступить отъ пороковъ, какимъ были преданы, и расположеніе свое совершенно обратить отъ худшаго къ лучшему, чтобы всѣ члены употребить въ дѣло противъ враждебныхъ страстей, содѣлавъ ихъ изъ оружія неправды оружіями правды и законно подчинивъ въ томъ, въ чемъ прежде служивали противозаконно на пагубу владѣющихъ ими.

Г л а в а 50. Ибо глазъ, видя блага у ближняго, когда возбуждаетъ умъ къ пожеланію или зависти, дѣлается оружіемъ неправды, а когда располагаетъ къ тому, чтобы возблагодарить Давшаго блага, обращается въ оружіе правды. И языкъ, служа къ произнесенію обвиненій и клеветъ, и рука, содѣйствуя любостыжательнымъ хищеніямъ, и сердце, порождая лукавые помыслы,—которыми каждое изъ чувствъ приводится къ тому, чтобы достигнуть конца, какой былъ предположенъ, справедливо получаютъ нечестное названіе ; совершая же дѣло (д) правое и полезное, приѣмлютъ названіе достой-

(д) Въмѣсто: *τάξις* по рукописи читается: *πράξις*.

ное дѣла, какъ дѣйствующіе законно, чествуются достославными названіями. Посему, такъ какъ вы—жертва живая въ словесное служеніе благоудни *Богови* (Рим. 12, 1.), умерли со Христомъ, спогребшись съ Нимъ въ умерщвленіи себя для міра, то съ Нимъ и совостали, чтобы мудрствовать горняя, *идъже есть Христосъ одесную Бога съдя* (Кол. 3, 1.), и прежде воскресенія имѣете житіе на небеси, подобно Ангеламъ живя тою безпечальною жизнію, какая будетъ по воскресеніи, и возможность которой предполагая Павелъ, говоритъ: *аще како достигнемъ въ воскресеніе изъ мертвыхъ* (Фил. 3, 11.), достигнувъ сего временною жизнію, прилично оному, хотя и недостигшимъ еще пока того, чего уже достигъ, именовалъ себя, по смиренному (е) образу мыслей скрывая достоинство добродѣтели. Вы свѣтъ и соль міра, строгостію жизни укрѣпляете нравы, отъ небреженія не твердые и не далекіе отъ загниенія, сія же славою житія, и видящихъ ваши добрыя дѣла, по слову Господню, возбуждая къ прославленію Отца вашего, *Иже на небесяхъ* (Матѳ. 5, 16.), пребываете въ добрѣ, или и паче преуспѣваете въ немъ, ставъ для лѣнливыхъ побужденіемъ къ приобрѣтенію того же, въ чемъ

(е) Въмсто: *ε ταπεινω* по рукописи читается безъ отрицанія *ε*, просто: *ταπεινω*.

сами преимуществуете, и тѣмъ убѣдившись, что примете отъ Владыки сугубую, или даже трегубую, похвалу. Ибо кто, проходя такую же жизнь, какъ и вы, благоустраиваетъ себя въ томъ, что служитъ къ полнотѣ совершенства, тотъ имѣетъ одну награду за самое дѣло, а другую за то, что убѣждаетъ къ подражанію соревнующихъ, и третію за то, что доставляетъ пользу и чуждымъ богочестія, неукоризненнымъ житіемъ заставляя признавать вѣру нашу богочестивою, въ подлинномъ смыслѣ единственно достойною Бога, украшаемою такими дѣлами, какими прилично украшаться признающимъ вождемъ своимъ Бога и живущимъ, какъ благоугодно правдѣ военачальствующаго, которая желаетъ, чтобы давшіе обѣтъ жить въ свойствѣ съ нею украшались особенными преимуществами, и заблаговременно внушаетъ имъ: *аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, невидите въ царствіе небесное* (Матѣ. 5, 20.).

Г л а в а 51. Что для Апостоловъ были тогда фарисей, явно имъ противоположные въ любви къ правдѣ, то въ настоящее время для васъ тѣ, которые думаютъ о себѣ, что проходятъ общее съ вами званіе, и отрицаются отъ общенія съ вами по многовещественности жизни, съ вами сперва начали путь по обѣту, и недостигли конца его; потому что, подобно сынамъ Рувима и Гада и половинѣ колѣна Манассіина, задержала ихъ земля удобная для скотоводства,

требующая многихъ попеченій, и сдѣлала напраснымъ совершенный путь, потому что предшествовавшій трудъ (ж) по недостаточности не простерся, до чего было должно, и не достигъ той цѣли, какая предположена была въ началѣ. Но по вѣрному разсужденію напрасенъ и дѣйствительно бесполезенъ всякій трудъ не достигающій того, что имѣлось въ виду при началѣ, прерываемый прежде окончанія и останавливающейся тамъ, гдѣ не возможно получить ни одного изъ предположенныхъ плодовъ. Посему, возлюбленные, поспѣшая къ намѣренному, *къ почести вышняго званія* (Филип. 3, 14.), и будучи недалеко отъ вѣнцевъ, не ослабляйте добраго усердія, но и послѣдующимъ за вами передайте оное въ той же силѣ, въ какой пріяли отъ предшественниковъ. О тѣхъ же, которые услаждаются пока суетою, и труды, которые надлежало посвятить добродѣтели, тратятъ на труды земные, пожалѣйте, какъ о трудящихся напрасно и сѣющихъ въ *плоть*, отъ которой можно пожать *истлѣніе* (Гал. 6, 8.).

Г л а в а 52. Не слишкомъ упорно препирайтесь съ ними, какъ съ погрѣшающими въ томъ, что прилично жизни апостольской. Ибо кого не убѣдило дѣло, тѣхъ не усрамить слово, какъ способныхъ болѣе не стыдиться увѣщаній, чтобы не показать, будто бы они явно улчены,

(ж) Въмѣсто: *χρόνῳ* по рукописи читается: *πρόου*.

и обличенія всѣмъ обнаруживаютъ ихъ безуспѣшность, а если примете ихъ благосклонно, чтобы не подать такой о себѣ мысли, будто бы они побѣждены молчаніемъ. Если бы склонны они были къ исправленію, то прежде человѣческихъ увѣщаній уважили бы паче поучительныя слова Господа, которыя изрекъ Онъ, обращая рѣчь къ многостязательному: *аще хочещи совершенъ быти, продаждь имъніе твое, и даждь нищимъ*, возми крестъ, и *гряди въ слѣдъ Мене* (Матѳ. 19, 21.). Самъ Господь, чтобы удобно было идти ему путемъ узкимъ и тѣснымъ, снимаетъ съ него то бремя, которое, какъ оно ни тяжело и ни трудно, любятъ они, дѣлая тѣмъ для себя затруднительнымъ и даже совершенно невозможнымъ входъ въ царство, Самою Истиною уподобленный иглинымъ ушамъ (Матѳ. 19, 24.) и едва приѣмлющій душу, обнаженную отъ житейскихъ заботъ и свободную отъ тревогъ, и притомъ когда она, можетъ быть, отстраняетъ отъ себя это и усиливается пройти бокомъ (з) по тѣснотѣ и неудобопреходимости вратъ, которыя сдавливаютъ и бокомъ входящія тѣла, даже не обремененныя грузомъ тяжелыхъ ношъ. Какъ же тѣ, которые, какъ о вещахъ драгоценныхъ, заботятся объ уметахъ и о томъ, что еще хуже уметовъ. Скажутъ: вотъ мы оставили все, и пошли во слѣдъ Тебя, не оставивъ даже

(з) Въместо: *δὲξῃ* по рукописи читается: *λόξῃ*.

и того, что еще и не приобретено ими, иноческую жизнь содѣлавъ какъ бы поводомъ къ куплѣ, а не къ любомудрію? Она и дѣйствительно есть поводъ къ величайшей куплѣ, но будущихъ благъ, а не настоящихъ пышностей, и нищетою, скудостію и всѣмъ онымъ, что кажется нынѣ суровымъ, доставляетъ тамъ наслажданье всѣми пріятностями, человѣку неизвѣстному и неславному даетъ дерзновение предъ Богомъ и вѣчную славу. И вы, при сознаниі содѣяннаго имѣя твердую въ этомъ надежду, еще и еще старайтесь пренебечь, что, разсудивъ прекрасно, по справедливости, пренебрегли какъ дѣйствительно достойное пренебреженія и отринутое трезвенными, хотя и казалось оно достойнымъ вниманія и вождѣлѣннымъ для несмысленныхъ, которые по обманчивому представленію привязаны къ крайне гнусному, какъ къ чему-то благовидному, и возлюбили вещество, какъ подлинно благообразную женщину, между тѣмъ какъ она не такова, но прикрашена видимою только цвѣтностію, увлекающею къ наслажденію тѣхъ, кому пріятное нравится больше полезнаго, и кто предпочтительно предъ полезнымъ избираетъ вызывающее къ пожеланію лакомою приманкою.

Г л а в а 53. Прилагайте попеченіе о движеніяхъ мысли, наблюдая, какъ производитъ она воспомнанія о вещахъ, пристрастно, или безпристрастно принимая въ себя представленія сихъ

вещей. Многія движенія, устремляясь безпорядочно, обыкновенно бываютъ вредны, легко уступаютъ страстямъ, въ помыслахъ больше, нежели въ дѣйствіяхъ, невидимо съ ними соглашаются, а во внѣшнемъ не представляютъ никакого признака сознанія, часто уступаютъ надъ собою побѣду и падаютъ, и до приведенія своего въ дѣйствіе скрываютъ пока паденіе отъ необыкшихъ прозирать внутрь. Иный по спокойной наружности кажется для предстоящихъ человѣкомъ безопаснымъ, самъ только зная сокровенную гнусность, краснѣя отъ того, въ чемъ невидимое противоположно видимому, потому что истина противорѣчитъ почтенной наружности, и заставляетъ совѣсть справедливо устыдиться; потому что помышленія сердца не согласны съ тѣмъ о нихъ понятіемъ, по какому прославляются зрителями, но, подобно повапленному гробу высокоумѣріе мысли исполненной, какъ настоящая могила, мертвыхъ костей и всякой нечистоты. Ибо чѣмъ она отличается отъ гробницы, когда разсуждаетъ о томъ, о чемъ не должно, будучи нечиста подобно гробамъ и даже больше самыхъ гробовъ? Могила не долго заключаетъ въ себѣ зловоніе, пока въ тѣлѣ остаются еще влаги; но какъ скоро соки источаются изъ костей, освобождается уже она отъ зловонія; потому что составъ плоти разрѣшится въ землю и въ тонкій прахъ, изъ чего слагался онъ въ цвѣтущемъ своемъ состояніи,

будучи не иное что, какъ персть, окрашенная кровію и мокротою, изъ которыхъ одна убѣляетъ, а другая придаетъ красноватый цвѣтъ; и сими-то красками придается блистательный видъ привлекательнымъ качествамъ, дѣлающимъ ся видимыми на поверхности тѣла. Но сердце исполненное неприличныхъ помышленийъ всегда внушаетъ омерзѣніе, будучи зловоннѣе гніющаго тѣла, и само только наслаждается собственною своею срамотою.

Глава 54. Обращающіе вниманіе на видимый кумиръ нимаю не знаютъ, что замышляется въ тайнѣ, а иногда бываетъ и то, что даже дивятся усматриваемой и представляющейся имъ степенности; потому что тихій нравъ, строгій взглядъ, не улыбающееся лице, не объ иномъ чемъ возвѣщаютъ, какъ о великомъ въ глубинѣ сердца постоянствѣ заботы, по сказанному выше, о лучшемъ. И сіе не знающихъ, какія мысли поселяются внутри, приводитъ къ догадкѣ заключать, что съ наружностію согласно и внутреннее расположеніе. Сіе, по крайней мѣрѣ, по весьма основательной причинѣ да убѣдитъ васъ съ внѣшнимъ соглашать внутреннее, и согласно съ мнѣніемъ о васъ другихъ устроить и внутреннее состояніе, чтобы какими признаютъ насъ люди, такими же и въ помышленіяхъ оказываться намъ предъ Богомъ, такъ рассуждать, какъ рассуждающими почитаютъ насъ многіе. И какъ сами вы знае-

те, имѣя въ этомъ опытность, не слишкомъ трудно сіе для рѣшившихся поступать при этомъ разумнымъ образомъ, если разыскавъ причины, устранить ихъ, безъ труда прекративъ происходящія отъ нихъ безпокойства. Какъ удовольствіе и печаль слѣдуютъ за пожеланіемъ, а пожеланіемъ сопровождается ощущеніе, то не предавшійся ощущенію не даетъ мѣста и первымъ, какъ сокрушившій голову змѣю, ущемленную во входѣ, за дверью оставилъ весь влекущійся съ головою хвостъ, который, безъ сомнѣнія, вошелъ бы свободно въ дверь, если бы выставившаяся впередъ голова нашла себѣ удобный входъ. И образъ сей имѣетъ великое сродство съ тѣмъ, что имъ изображается; потому что, подобно идущимъ впередъ, падаютъ съ ними сопровождающіе ихъ. Ощущеніе напечатлѣваетъ въ умъ видѣнные образы, и оно же возбуждаетъ пожеланіе того, что пріятно, каждый разъ обновляя въ памяти представленія видѣннаго прежде, и внося въ душу явственныя облики этого, пока, или неудачи произведя печаль, или удача, доставивъ удовольствіе, не научатъ яснымъ опытомъ, какой бываетъ вредъ для останавливающихся на этомъ долго.

Глава 55. Ибо вожделѣваемое худо одинаково вредно въ томъ и другомъ случаѣ, бываетъ ли оно достигнуто, или не достигнуто, и радость производитъ бесполезную и печаль неподобающую; потому что печаль эта не *печаль*

по Бозь, которая, по словамъ Павла, *покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ* (1 Кор. 7, 10.); и радость сія не о Господѣ составляетъ, какъ разсуждаетъ тотъ же Павелъ; потому что веселящимся съ доброю совѣстію повелѣваетъ, говоря: *радуйтесь всегда о Господѣ* (Филип. 4, 4.). Напротивъ того радость сія есть какое-то душевное пристрастіе, демономъ внушаемое, зависящее не отъ какого-либо вѣчнаго блага, но отъ вещества тлѣннаго и обличающаго, что вожделѣніе бесполезно. Ибо что скажутъ иные? Не оставалось у насъ должныхъ заботъ, и потому занимали мы сердце пустыми помыслами, мечтая о богатствѣ, о власти, о славѣ, и о томъ, въ чемъ многіе поставляютъ благоденствіе. Нравы у насъ исправлены, страсти покорены, чувство ничего не дѣлаетъ погрѣшительно, до удобства уравнивъ путь къ преспѣянію, подвигъ обратился для насъ въ навъкъ, сердце пребываетъ въ глубокомъ мирѣ, прекратились у насъ брани, кончена борьба съ началами и со властями, мирный договоръ съ духомъ заключила непріязненно расположенная къ нему плоть, не ополчается уже она противъ духа, побѣждена всецѣло, и служа плѣнницею, признаетъ надъ собою побѣду. И вы расковали мечи свои на орала и копія на серпы, по причинѣ великаго мира нужное для военнаго дѣла обративъ въ земледѣльческіе снаряды. Почіемъ, по Божію обътованію, *кѣждо подѣ سموковницею*

своею и кійждо подъ лозю свою (Мих. 4, 4.), веселясь длълами рукъ своихъ и радуясь на ложкахъ своихъ (Псал. 149, 5.); потому что ни что ни откуда не тревожить, ни страсть, ни духъ сопротивной силы, воспламеняющій въ насъ похотѣніе къ тому, что нимало намъ не прилично. Но если и достигли до такого, какъ сказано, безстрастія, утихло у насъ все, что обыкновенно возмущаетъ умъ, и подобно древнимъ святымъ стали мы выше всякаго мірскаго пожеланія; то къ чему же полезна намъ забота о суетномъ — это пустое развлеченіе, не совершающее того, о чемъ старается? Ибо что и отъ нашей зависитъ воли, не по нашему дѣлается раченію, хотя бы и съ усердіемъ старались мы о приобрѣтеніи сего, но есть даръ домостроительствующаго о насъ Промысла, а не дѣло человѣческой рачительности.

Г л а в а 56. И потому умѣющимъ хорошо слышать Господь говоритъ: *кто же отъ васъ некійся можетъ приложити возрасту своему локоть единъ (Матѳ. 6, 27.)?* И бесполезностію сего попеченія доказываетъ, что великое попеченіе, которое не отъ нашей рачительности приемлетъ конецъ, суетно и дѣйствительно бесполезно, приводитъ только въ пареніе помыслъ и отвлекаетъ отъ истинной заботы, но не можетъ кому-либо доставить что нибудь изъ мечтаемаго имъ, видитъ веселые сны, а дѣйствительность изобличаетъ въ немъ пустую надежду

на призраки, всегда благоуспѣшную въ суетныхъ помышленіяхъ, и никогда не усматривающую сихъ помышленій на дѣлѣ, согласно съ притчею Исаи, въ которой говоритъ онъ: *яко же во снѣ жаждай или пійи, воспрянувъ же еще жаждетъ, души же его вотще надъяся* (Ис. 29, 8.). Такъ надежда на суетное есть какое-то наслажденіе ночнымъ пиршествомъ, веселящее въ ночномъ обольщеніи и никогда не дающее извѣдать на опытѣ этого мнимаго веселія. Посему для чего же, какъ о нашемъ, печемся всегда о томъ, что не наше, и о чужомъ стараемся, какъ о своемъ собственномъ, на пустыя помышленія тратя время, нужное для размышленія о необходимомъ? Если, какъ думаемъ, страсти утихли, и отступили злокозненные духи злобы, то непрестаннымъ памятованіемъ въ молитвахъ должно намъ благодарить Владыку Христа, приведшаго насъ въ такое состояніе. И едва достаточно намъ будетъ всего времени, которое такъ скудно для этого, и такъ кратко для воздаянія за всѣ, какими пользовались, и пользуемся ежедневно, благодаренія Содѣлавшаго насъ побѣдителями тѣхъ, которые утѣсняють многихъ. И если тотъ и другой предѣлъ продолженія времени, разумѣю день и ночь, Давидъ совѣтуетъ намъ проводить въ поученіи закону (Псал. 1, 2.), и законодатель требуетъ, чтобы дѣлали мы тоже самое, говоря: *поучайся въ немъ съдѣй въ дому, и идыи путемъ, и лежа и возстая* (Втор. 6,

7.), и не оставляетъ намъ нималаго времени для праздности ; а другой предписываетъ благословлять *Господа на всякое время* (Тов. 4, 19.), и Павелъ повелѣваетъ *непрестанно* молиться (1 Сол. 5, 17.); то какое же останется у насъ время для позволительнаго размышленія о не касающемся до насъ, когда каждая предписываемая намъ обязанность, требуетъ всего нашего времени, и ничего не оставляетъ на другія дѣла ?

Г л а в а 57. Какъ будетъ непрестанно молиться, кто не поучается въ законѣ Господнемъ день и ночь ? Какъ будетъ всегда благословлять Бога, кто дѣлаетъ одно что-либо изъ сказаннаго, когда едва достаетъ времени содѣйствовать въ точности, чему бы то ни было, совершаемому добродѣтельно ? Посему-то Писаніе, зная нерадѣніе многихъ, стѣснило насъ предписаніями, даже превышающими силы, чтобы какъ усилить рачительность къ возможному, такъ пресѣчь поводъ къ отговоркамъ немощію ; когда дѣлающій добро болѣе смиряется тѣмъ, что не въ силахъ сдѣлать сего, какъ повелѣно, нежели надмѣвается, что исполнилъ часть заповѣдей, ожидая, что не столько будетъ похваленъ за то, въ чемъ, какъ думаетъ, преуспѣлъ, сколько похуленъ за то, чего недовершилъ, какъ вознерадѣвшій. Ибо ни одно недовершенное дѣло не даетъ дерзновенія дѣлающему, но приводитъ въ стыдъ, какъ не потру-

дившагося дойти до конца въ томъ, что предначалъ. И хотя инья изъ художественныхъ дѣлъ имѣютъ предѣлъ и конецъ, какой въ виду у начинающихъ дѣло, и каждое изъ сихъ дѣлъ, какъ производимое надъ веществомъ, успешно совершается въ непродолжительное время, и есть у него опредѣленный конецъ и ожидающій рѣшающаго дѣло; но добродѣтель имѣетъ обширное и, можетъ быть, безпредѣльное протяженіе, истощающее самую силу приступающаго къ дѣлу, и все еще далеко имъ не перейденное она раздражаетъ желаніе тѣмъ, что конецъ, повидимому, близокъ, но оный въ той мѣрѣ убѣгаетъ отъ приближающихся, въ какой истощаетъ усердіе, какъ близкое уже къ достиженію конца, и скрадываетъ трудъ преуспѣвающаго тѣмъ, что конецъ постепенно непримѣтнымъ образомъ отдалается. И таково, кажется, значеніе прекрасно сказаннаго о патріархѣ Авраамѣ, а именно: *приде на мѣсто, еже рече ему Богъ, и воззрѣвъ Авраамъ очима своими видѣ мѣсто издалече* (Быт. 22, 3. 4.); повидимому, достигъ мѣста въ утѣшеніе за неудобноносимый трудъ, а изъ того, что далекъ пока былъ отъ него, позналъ, что еще не на мѣстѣ, чтобы не ослабѣло усердіе отъ того, что предположенное совершенно, но всегда къ большому раченію усиливается было надеждою въ непродолжительномъ времени быть тамъ, куда поспѣшалъ.

Г л а в а 58. Вотъ отличительныя черты того

способа, какимъ добродѣтель приверженнаго къ ней умудряетъ идти къ возможному преспѣванію. Преспѣваніе представляется не очень отдаленнымъ, чтобы не показалось, будто бы добродѣтель хочетъ устрашать великимъ отдаленіемъ, но не стоитъ оно неподвижно, чтобы могло быть уловлено преслѣдующимъ, и сіе для того, чтобы онъ до смерти не прекрапалъ своего усердія, но во всю жизнь усиливалъ рачительность, распростирая ее на все. Хотя конецъ добродѣтели недостижимъ; но тѣмъ, что непрестанно кажется близкимъ, побуждаетъ онъ къ тому, что достижимо, вызываетъ на преспѣваніе, какое дѣлаетъ возможнымъ человѣческая природа, и послѣ многихъ трудовъ остается далеко непостигнутымъ. Ибо кто такъ успѣлъ въ добродѣтели, чтобы ему ничего не доставало къ совершенству? Кто, и употребивъ все стараніе, не остался еще далекимъ отъ ея предѣловъ? И чтобы доказать это очевиднымъ образомъ, слѣдуетъ сказать объ отличительныхъ свойствахъ самой истинной любви, потому что она и есть полнота закона, и справедливо называется такъ въ божественномъ Писаніи, какъ объемлющая собою всѣ части совершенствъ законоположенія, научающая благодѣтельствовать единоплеменнику, не позволяющая обижать его, или дѣлать ему что-либо противное, и требующая добровольно прощать ему худое. Посему, кто возлюбилъ такъ ближняго, чтобы во всемъ

почитать его другимъ собою? Кто преспѣніями брата въ добръ увеселяется, какъ своими собственными, и не уязвляется ими неразумно, и не побуждается къ зависти, разсуждая, что для него самаго безславно, если въ чемъ ближній превосходитъ его славою? Кто чести другаго, въ чемъ бы то ни было, не признаетъ урономъ собственной своей чести? Кто при предпочтеніи, за чтобы то ни было, мужей благоискусныхъ не впадаетъ въ увыніе, полагая, что быть вторымъ—безчестная доля? Кого похвалы проходящему одно съ нимъ дѣло не угрызаютъ, какъ будто бы это—порицанія ему самому? Кто при чьей-либо ошибкѣ печалился, какъ бы почитая это собственно своею ошибкою? Кто о не получившемъ успѣха сострадалъ, какъ о себѣ? Кто не смѣялся безславію, кого бы то ни было? Кто не радовался паденію другаго, и не превозносился, высоко о себѣ думая, потому что устоялъ, когда тотъ запнулся и упалъ? Кто краснѣлъ съ краснѣющимъ отъ обличенія въ погрѣшности, а не почиталъ посрамленія его правомъ для себя къ дерзновенію на большее, думая, что, какъ скоро уменьшается слава другаго, возвышается его собственная? И короче сказать: кто, по слову Павлову, радуется съ радующимися, и плачетъ съ плачущими (Рим. 12, 15.), приводя себя съ каждымъ въ такое же расположеніе, въ какомъ бываетъ самъ, испытывая что-либо радостное или скорбное?

Г л а в а 59. Ибо таково отличительное преимущество любви, расположеніе всѣхъ сдѣлать единымъ, чтобы каждый и радовался подобно другому, а также и печалился, чтобы, на подобіе членовъ одного тѣла, всѣ были между собою связаны, и по сочувствію согласно страданія свои, и передавали другъ другу, и принимали другъ отъ друга. Посему, если и времени цѣлой жизни недостаточно для попеченія о добродѣтели, и подвизающимся, по причинѣ противоборствующихъ членовъ, потребна великая трезвенность; то какъ намъ, при разсѣяніи и перемѣнѣ мыслей, или совершать путь столько трудный и дальній, или охранять себя отъ козней противниковъ, которые многочисленны и невидимы, и въ оружіе противъ насъ употребляютъ наши страсти и чувства, низлагаютъ насъ тѣмъ самымъ, чѣмъ природа вооружила насъ въ защиту отъ нихъ? Имъ услуживаетъ часто глазъ при возбужденіи въ насъ пожеланія того, что видимъ, производя любовь ко всякому блестящему веществу. Слухъ обыкновенно возбуждаетъ печаль извѣстіями грустными и удовольствіе — приятными (и). Раздражительность воспламеняется отъ всякаго предлога, приводя все тѣло въ кипѣніе и сотрясеніе, а помыслъ въ смятеніе, и возмущая чистоту послѣдняго, какъ свѣтлую воду въ источникъ, чтобы не

(и) По рукописи читается просто: *επι τῶς καταθυρίαις*.

были ясно видимы отпечатлѣнія мыслей. Тщеславіе принуждаетъ разслаблять дѣло, желая угождать болѣе людямъ, нежели Богу, и въ ничто обращая труды; потому что не сопровождается наградою дѣлаемое погрѣшительно, когда въ виду одна цѣль,—не благоугожденіе Тому, Кто можетъ вознаградить, но похвала зрителей. Гордость надмѣваетъ мысли до напыщенности, научаетъ пренебрегать всякаго человѣка и съ презрѣніемъ смотрѣть на всякаго единоплеменника, какъ на нѣчто ничтожное, до безумія доводитъ высокопарный помыслъ, внушаетъ мечтать о равнобожїи, не признаетъ Промысла и попечительности Всесовершеннѣйшаго, рассуждаетъ, что, какъ должное за дѣла, получаетъ всѣ милости, какими пользуется, не хочетъ видѣть Божїя содѣйствія въ томъ, что дѣлаетъ и въ чемъ успѣваетъ, почитаетъ себя достаточною на всякое доброе дѣло, но самомнѣнію думаетъ, что на все имѣетъ силы, будучи во все бессильною. Она водяной пузырь, надутый суетнымъ о себѣ мнѣніемъ; если только дунуть, обращается въ ничтожество. Лукавые духи—одни, ставъ на дорогѣ, полагаютъ соблазны, тѣмъ, что повидимому основательно, отводя отъ истины, а другіе, какъ птицамъ, распростираютъ сѣти на воздухѣ, пытаются возвысившихся нѣсколько надъ земными путями уловить въ высокомѣріе чѣмъ-либо превышающимъ.

Г л а в а 60. Другіе же, занявъ мѣста поднебесныя, и какъ говоритъ о нихъ Павелъ, *духи злобы поднебесные* (Ефес. 6, 12.), и имѣющихъ *житіе на небесахъ* (Филип. 3, 20.) покушаются даже тамъ захватить въ сѣти гордости, и какою страстію обезумѣвшій первоначально диаволъ низринуть на землю, тою же стараются низлагать съ вершины бдительности восходящихъ на высоту жизни. А сколько сихъ духовъ ведутъ съ ними брань, вступаютъ въ бой, состязуются, ведутъ всѣ возможные роды битвы, борются, бѣгутъ вмѣстѣ съ бѣгущими не для того, чтобы вмѣстѣ съ ними достигнуть почести званія, но чтобы воспрепятствовать имъ, запнувъ въ теченіи; то, поелику ихъ, какъ говоритъ Павелъ, такъ много, что наше слово могутъ сдѣлать продолжительнымъ, трудно и не удобно перечислить всѣхъ, и борющіеся съ ними никакъ не имѣютъ свободнаго времени, занять мысль свою другимъ; потому что всякое уклоненіе отъ сей борьбы бываетъ причиною для нихъ—пораженія, а для враговъ — побѣды. Посему необходимо быть къ сему внимательными и не увлекаться тѣмъ, что противникамъ нашимъ споспѣшествуетъ противъ насъ. Ибо кто не пойметъ, что не содѣйствующее къ упражненію въ нашемъ подвигѣ служить въ пользу противникамъ, которые перехватываютъ насъ и сбрасываютъ съ поприща, и что поколебаться въ твердости и отъ того, о чемъ

должно заботиться, перекинуться къ тому, что никакъ не должно составлять предметъ попеченій, означаетъ, если не паденіе, то пораженіе; потому что, по суду Истины, какъ въ вещественномъ дѣйствіе, такъ въ намѣреніяхъ не надлежащій помыслъ есть пораженіе и паденіе? Посему—то *мысли праведныхъ судьбы: управляютъ же нечестивіи лести* (Притч. 12, 5.). Одни разсудительно преуспѣваютъ въ добрѣ; другіе же безъ труда приводятся къ злу тѣмъ, кто разными способами направляетъ ихъ къ предположенной лести, то туда, то сюда, непрестанно обращая помышленія ихъ, подобно тому, какъ оборотами вѣтриль ходъ корабля направляется къ предположеннымъ при выходѣ въ море пристанямъ. Посему—то одинъ говорить: сердце мужа да признаетъ справедливымъ, чтобы Богомъ исправляемы были стопы его (Притч. 20, 24.), а другой: *аще кая добродѣтель и аще кая похвала, сія помышляйте* (Филип. 4, 8.).

Г л а в л 61. А симъ научаютъ, какими помыслами должны водиться намѣревающіеся дать правильный ходъ своимъ мыслямъ. Такъ Давидъ въ одномъ мѣстѣ сказалъ: *поученіе сердца моего разумъ* (Псал. 48, 4.); а въ другомъ: *во оправданіихъ Твоихъ поучуся* всегда (Псал. 118, 16.); и еще: *поучуся во всѣхъ дѣльхъ Твоихъ, и въ начинаніихъ Твоихъ поглумлюся* (Псал. 72, 13.), дозволяя себѣ это глумленіе, чтобы

вѣчно движимый умъ не имѣлъ времени уноситься къ не надлежащему, но неотступно занимался тѣмъ, надъ чѣмъ глумленіе доставляетъ наслажденіе и великую пользу, увеселяя чувство зрѣніемъ, а душу умосозерцаніями. Такъ, на примѣръ, дѣйствительно можно проводить всю жизнь въ размышленіи о дѣлахъ Божіихъ, и иногда возводитъ взоръ къ небу, наблюдая днемъ солнце, а ночью звѣзды, иногда же низводитъ его къ землѣ, разсматривая произрастаніе всякаго рода плодовъ и многочисленныя различія животныхъ. И еще, усматривая въ воздухѣ и въ морѣ тысячи родовъ живущихъ въ нихъ птицъ и рыбъ, и изучая ихъ, прежде нежели узнаетъ человѣкъ пользу каждаго, дивится онъ пока премудрости Создателя, и прославляетъ Бога за многообразіе тварей. А когда придетъ онъ въ состояніе заняться видимымъ уже ученымъ образомъ, тогда всевозможное веселіе объиметъ умъ, насыщающійся естественнымъ вѣдѣніемъ земнородныхъ тварей. Ибо въ существующемъ нѣтъ ничего, что не научало бы насъ непримѣтно какому-либо нравственному и богословскому умозрѣнію. Но поелику угасили мы силу ума сладострастіемъ, и умъ не напоминаетъ уже намъ о томъ, что полезно намъ дѣлать, то собственными усиліями посредствомъ внѣшняго будемъ приводить себѣ на память, какъ должно жить и дѣйствовать, чтобы содѣлаться благоугодными Сотворшему.

Г л а в а 62. Посему промыслительная благодать, то муравья, то пчелу поставляет учителями, которые, не словомъ произносимымъ, но дѣломъ убѣждаютъ къ подражанію, и говоритъ: *иди ко мравію, о льниве, и поревнуй путямъ его* (Притч. 6, 6.); онъ, во время жатвы отлагая пищу на зиму, вразумляетъ, какъ съ пользою собирать напутствіе для будущаго вѣка; или: *иди ко пчель, и увѣждь, коль дѣлательница есть* (8.); она пожинаетъ цвѣты съ былій, и премудро дѣлаетъ изъ нихъ медовые соты, а симъ обучаетъ свѣдѣнію, какъ, собирая преизбытки добрыхъ мужей, заготовлять себѣ самому сладости для пріятнаго пребыванія въ уповаемой жизни. Иногда же повелѣваетъ непокорнымъ соревновать горлицѣ и ласточкѣ, говоря: *горлица и ластовица сельная, вработа сохраниша времена входовъ своихъ: людіе же Мои не познаша судьбъ Господнихъ* (Иерем. 7, 8.), и присовокупляетъ: *како речете: яко мы мудри есмы, и законъ Господень съ нами есть* (8.)? Такъ и естественною познавательною силою и пѣстуномъ нравовъ — закономъ урекаетъ Пророкъ одаренныхъ разумомъ, что они въ познаніи воли Творца безчувственнѣе безсловесныхъ. А также и тѣмъ, которые не полагаютъ мѣры своей власти, и безразсудно обижаютъ соплеменника, Пророкъ, чтобы усмирить ихъ надменное высокомѣріе, представляетъ въ примѣръ въ глубинахъ волнующеся море, когда

говорить: *Мене ли не убоитесь, рече Господь? или отъ лица Моего неустыдитесь? иже положихъ песокъ предъ нѣмъ морю, заповѣдь вѣчну, и не превзойдетъ его, людемъ же симъ бысть сердце непослушно и непокориво* (Иерем. 5, 22. 23.). Тѣмъ, что неодушевленная стихія боится повелѣнія, внушаетъ имъ благоговѣніе къ храненію заповѣдей, чтобы, какъ морская волна, гонимая изъ глубины порывомъ вѣтра, которая, постепенно воздымаясь, состязуется въ огромности съ горами, когда приблизится къ песчаному берегу, отражаемая возвращается снова назадъ къ своему предѣлу, боясь Связавшаго, ее; такъ и одаренные разумомъ удерживали въ себѣ всякое неправильное стремленіе, и получивъ повелѣніе останавливать разумомъ всякое незаконное помышленіе, особенно же смягчать неразумно надмѣвающуюся кичливость, по крайней мѣрѣ изъ подражанія вещамъ безчувственнымъ дѣлали то, что обязаны дѣлать и безъ законоположенія, признавая это справедливымъ по свободному разсужденію, служащему доказательствомъ свободного образа мыслей, самоопредѣляемою рѣшимостію подвигнутаго къ тому же, къ чему привела бы необходимость закона.

Г л а в а 63. И каждое видимое свѣтло научаетъ чему-либо полезному. Солнце сіяніемъ своимъ приводитъ къ уразумѣнію Совѣчнаго Отцу Сына, и свидѣтелемъ въ этомъ представляю

Павла, который говоритъ: *Иже есть сіяніе славы и образъ гности Его* (Евр. 1, 3.). Ибо Апостоль, что видѣлъ, то и уразумѣлъ, какъ научила природа видимаго распознавать зоркимъ окомъ души тотъ сокровенный въ устройствѣ солнца законъ, который вложилъ Создатель, символически возводя умъ взирающихъ къ тому отношенію, какое имѣетъ къ Нему собезначальный Его Сынъ. А луна, возрастая и убывая, даетъ видѣть удобопремѣняемость нашихъ дѣлъ, и возвратными измѣненіями своего вида научаешь тому, что не должно и благоденствію радоваться, какъ постоянному, и дни неблагополучія почитать прискорбными, какъ продолжительные; потому что скоро замѣняются одни дни другими, такъ что при скорости минованія не производятъ и ощущенія своего присутствія, между тѣмъ какъ одинъ день заступаетъ мѣсто другаго, и предшествующій замѣняетъ собою непрерывно за нимъ послѣдующій, подобно непрестаннымъ видоизмѣненіямъ луны, которыя въ такой же мѣрѣ уступаютъ одно другому, въ какой совершаются обыкновенные перевороты и въ жизни и въ приращеніи свѣта, и перемѣны въ нихъ съ трудомъ бываютъ примѣтны; потому что постепенное прибавленіе или убавленіе естественнымъ образомъ утаевается отъ чувства. Такъ и многое, подобнымъ образомъ возрастающее и умаляющееся, имѣетъ ежедневныя не явныя, въ чемъ бы то ни было, пере-

мѣны, и никто не бываетъ въ состояніи удобно узнавать, на сколько каждый день прибавляется возрастъ возрастающихъ, во всемъ преуспѣвающій и не обнаруживающій мѣры преуспѣянія, пока время не дастъ замѣтить того, что не замѣтно при непрерывномъ наблюденіи совершающагося.

Г л а в а 64. Посему никто никогда не познавалъ съ продолженіемъ времени въ частности совершающагося возрастанія въ растеніяхъ, въ травахъ, въ животныхъ и въ дѣтяхъ; но, не видѣвъ нѣсколько времени растущаго, и потомъ вдругъ взглянувъ на сіе, узнавалъ, какое приращеніе совершилось по немногу во весь промежутокъ времени, и чего не зналъ, когда совершалось, дознавалъ это по совершеніи. Такъ иный, увидѣвъ на камнѣ отъ непрестанно падающихъ капель образовавшуюся со временемъ глубокую впадину, удостовѣряется, что каждая капля произвела нѣкоторую часть сего углубленія, но не знаетъ, какую именно; потому что зрѣніе различаетъ только болѣе грубое въ чувственномъ (да и въ томъ нерѣдко ошибается), а что тонше, на то не можетъ простираться, будучи какъ-то недѣятельно и слабо къ воспріятно впечатлѣній отъ таковыхъ тѣлъ. А если кто, будучи неизвѣстенъ и незнатенъ, вздумаетъ подражать едва замѣтнымъ или и болѣе свѣтлымъ звѣздамъ, то не позавидуетъ тѣмъ, которые превосходятъ его достоинствомъ и богат-

ствомъ, также и тотъ, кто славится этимъ, не подыметъ бровей предъ людьми незначительными, какъ передъ отребіемъ, видя, что звѣзды привязаны къ собственному своему чину, и любить оставаться въ томъ жребіи, какой имъ назначенъ, и въ какомъ угодно было поставить ихъ Богу, для каждой звѣзды опредѣлившему свою мѣру свѣта. И Господь, желая, чтобы мы были *мудри яко змѣя, и цѣли яко голубіе* (Матѣ. 10, 10.), всѣхъ частей твари дѣлаетъ учениками насъ, не сохранившихъ благородства, даннаго намъ при сотвореніи и справедливо тѣхъ, которые были нѣкогда нашими рабами, получившихъ себѣ въ пѣстуны къ приведенію въ благоустройство нашего состоянія (i), чтобы мы, взявъ во вниманіе преподаваемый ими урокъ, возбудили въ себѣ познаніе, съ какимъ были сотворены, имѣя силы жить неукоризненно, сами собою избирая доброе, а не собирая это отънѣ, подобно нищимъ. Но вы, блаженнѣйшіе, кромѣ всѣхъ прочихъ добротъ, и вашего согласія, и вашей опытности въ томъ, что свойственно каждому состоянію, достойны удивленія и за то, что, подобно благозвучному псалтырю, разными гласами возглашаете единую пѣснь благочестія, и хотя проходите, одинъ тотъ, а другой иной какой-либо его видъ, но никто изъ васъ ни въ чемъ не разногласить, по взаимному

(i) Въмѣсто: *τῆς ἀφροσύνης* по рукописи читается: *τῆς καταισχύνης*.

одного другому послушанію , которое разъединенныхъ тѣлесно обыкновенно сочетаваетъ единомушіемъ произволеній для единой цѣли дѣла, подобно тому, какъ музыкантъ и высокій и низкій тонъ, свойственный каждой струнѣ, срастворяетъ въ стройное сладкопѣніе. Ибо видимое разногласіе каждой струны, происходящее не отъ одинаковаго ихъ напряженія, всего болѣе и производитъ согласіе, различными переливками содѣйствуя музыкальному ладу пѣсни, при перемѣнныхъ переходахъ звуковъ отъ плавныхъ къ рѣзкимъ.

Глава 65. Но какимъ также образомъ новоприсоединенные, только еще успѣваюшіе и входящіе въ пристань совершенства, умѣютъ у васъ соблюдать чинъ свой, превозмогая, кто чревоугодіе, кто тщеславіе, а кто гордость, и отвращаясь отъ нихъ, какъ отъ пагубныхъ страстей, рачительно упражняться въ воздержаніи, въ томъ, чтобы не имѣть въ виду челоувѣческой славы, и въ некичливости? Ибо наполненіе чрева увлаживаетъ и то, что ниже его, а сіе, какъ изъ горькихъ водоточей, напоая тѣмъ, что въ слѣдствіе пресыщенія вливается туда черезъ края переполненными потоками, производитъ сильныя похотливыя возбужденія, и своими шекотаніями подвигъ цѣломудрія дѣлаетъ затруднительнымъ. Зная также, что тщеславіе есть бесполезный призракъ, справедливо убѣгаютъ онаго, какъ убѣждающаго трудиться для добродѣтели и обращающаго труды сіи въ ничто; потому что оно не Богу хочетъ показать ихъ, явно воздающему за тайныя дѣла, но желаетъ дѣлаемое обнародовать людямъ, которые въ награду за сіе не могутъ воздать ничѣмъ, кромѣ похвалы, и лишаютъ

тѣмъ вѣчной и великой почести. Ибо приѣмлющій на себя, какой бы то ни было, трудъ для того, чтобы дивились ему люди, ни чѣмъ не отличается отъ чудодѣющаго на зрѣлищѣ, довольствуясь платою забавляемыхъ имъ и не имѣя права просить другой награды у Бога, какъ предположившій въ началѣ получить награду, не отъ Бога, но отъ людей. Но и неразумная страсть гордости справедливо внушаетъ омерзѣнiе; ибо кто имѣетъ какой-либо благовидный предлогъ къ высокоумію предъ кѣмъ-либо, чтобы превозноситься передъ ближними и въ сравненіи съ нимъ высоко думать о себѣ? Успѣваетъ ли онъ въ чемъ-либо больше другихъ, и предъ прочими много преизбыточествуетъ въ добрыхъ дѣлахъ? Безъ сомнѣнiя самъ онъ прилагалъ о семъ стараніе, самъ и получить награды за старательность. Нерадить ли кто другой, и не прилагаетъ попеченiя о добродѣтели? Самъ онъ терпитъ вредъ, и не уменьшать его наградъ.

Глава 66. И такъ, почему надмѣвается высокоумѣнный и негодуетъ, какъ подвизающійся за другихъ и располагающій стать какъ бы общимъ спасителемъ рода? Не знаетъ развѣ, что менѣе вредно нерадѣнiе, нежели сколько вредитъ обыкновенно самомнѣнiе, препятствуя усердно преспѣвать въ остальномъ тою мыслію, будто бы исполнено уже предположенное, и презрѣнiемъ къ падшимъ уготовляя себѣ великое наказаніе? Но смиреніе никогда не давало мѣста ни зависти, ни кичливости въ васъ, хорошо подражающихъ въ общительности тѣлеснымъ членамъ, и славу каждаго присвояющимъ себѣ, какъ славу одного тѣла; потому что совершенный предъ успѣвающимъ еще не превоз-

носятся, какъ имѣющій преимущество, зная, что и самъ былъ такимъ, когда успѣвалъ; а также, будучи убѣжденъ, что не по долгомъ времени и самъ придетъ въ ту же мѣру совершенства, не завидуетъ совершенному отстающій пока отъ него въ достоинствѣ добродѣтели; ревнуя о томъ, чтобы сравняться съ нимъ по жизни, не снѣдается ревностію, что содѣлался онъ такимъ. И однимъ словомъ, у васъ въ большей мѣрѣ смиреннѣе другихъ тотъ, кто намѣревается преспѣвать житіемъ и симъ отличительнымъ образомъ мыслей. Иной, разсматривая у васъ имѣющихъ великую рачительность къ дѣламъ, найдетъ, можетъ быть, что наиболѣе рачительный скромнѣе другихъ по нраву, какъ можно находить у другихъ, что, по водворяющемуся въ свѣтѣ славолібію, каждый передъ каждымъ хочетъ казаться болѣе предпочтеннымъ. Вы же, какъ познали Христа, такъ и живете во Христѣ, у Него научившись послушанію другъ другу, какъ Онъ *послушивъ* былъ Отцу *даже до смерти, смерти же крестныя* (Фил. 2, 8.), узаконивъ мѣру послушанія даже до таковой опасности, вы со всякимъ раченіемъ проходите и другія добродѣтели; потому что Христось, творя ихъ и научая имъ, сталъ достовѣрнымъ для всѣхъ челоуѣковъ учителемъ, Самъ первый на дѣлѣ показуя ученикамъ возможность дѣлать то, что заповѣдалъ. Такъ имѣете вы великое и все превосходящее благорасположеніе другъ къ другу, дознавъ, что Христось сіе самое наименовалъ признакомъ учениковъ Его, когда говорилъ: *о семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 35.); *искренній миръ имѣйте со всѣми* (Марк. 9, 50.); *миръ Мой оставляю вамъ*

(Иоан. 14, 27.); любите ненавидящихъ васъ, молитесь за гонящихъ васъ и *творящихъ вамъ напасть* (Матѣ. 5, 44.).

Г л а в а 67. Самъ Христось заповѣдалъ сіе, въ скорбяхъ упражняя насъ, какъ подвижниковъ терпѣнія; послушайте, что говоритъ Онъ: *научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Матѣ. 11, 29.); на дѣлѣ покажите, что подражаете Мнѣ, когда ударяютъ въ десную ланиту, обращайтесь и другую, когда берутъ срачицу, отдавайте и ризу (Матѣ. 5, 39.), перенося лучше обиду и ущербъ, нежели легкомысленно устремляясь къ отмщенію. Но вы паче другихъ преуспѣваете въ томъ, чтобы не приобрѣтать того, стяжаніе чего запретилъ Господь, зная, что сей образъ жизни приличенъ воинамъ и подвижникамъ. Ни одинъ изъ васъ не оставилъ въ небреженіи Господнихъ блаженствъ, но всѣ и навсегда стали въ вашихъ рукахъ и съ тѣми воздаяніями, какія сопряжены съ ними; содѣлались вы и нищими духомъ, и кроткими, и миротворцами, и милостивыми, и чистыми сердцемъ, но ваше и царствіе небесное, котораго, помолитесь, да сподобимся и мы, ставъ ревнителями вашихъ дѣлъ, наградою за которыя, какъ и всѣмъ вмѣстѣ съ вами достойнымъ, будетъ обѣтованное наслажденіе царствіемъ о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ. Ему слава во вѣки! Аминь.

СОДЕРЖАНИЕ

ТРИДЦАТЬ ВТОРАГО ТОМА
ТВОРЕНИЙ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ.

ТВОРЕНИЯ НИЛА СИНАЙСКАГО.

(часть II)

	<i>Стр.</i>
Слово подвижническое.....	4
Слово о нестяжательности.....	98
О томъ, что пребывающіе на безмолвіи въ пустыняхъ преимуществовать предъ живущими въ горо- дахъ, хотя многіе изъ неопытныхъ противнаго сему мнѣнія.....	197
Разныя главы, или мысли.....	233
Мысли, которыя могутъ человѣка отводить отъ тлѣн- наго, и прилѣпляютъ къ нетлѣнному.....	246

ПИСЬМА. КНИГА ПЕРВАЯ.

Сенатору Птоломею. стр. 257. Ему же. 258. 259.
Монаху Маркеллину. 259. 260. Схоластику Иѳесту. 260.
Монаху Маркеллину. 261. Сенатору Птоломею. 261—266.

II

Маркіану. 266—268. Пресвітеру Аврамію. 268. Ипо-
 діакону Тимоєєю. 269—276. Эконому Зосимѣ. 276. Мо-
 наху Софронію. 277. Постельничему Евстафію. 277. Ді-
 акону Ксеногору. 278. 279. Иліодору. 280. Серебрянику
 Маріону. 280. Фавстіану. 281. Схоластику Филиппу. 281.
 Лякиню Младшему. 282. Софронію 282. Досіеєю. 282.
 283. Θεодоріану. 283. Сановнику Плутину. 284—286.
 Авреліану. 286. Зосарію трибуну. 286—288. Докладчику
 Мелетію. 288. 289. Кландіону. 290. Θεодотіону. 290.
 291. Иподіакону Ираклію. 292. Діакону Аѳеонію. 292.
 Аѳеонію. 293. Военачальнику Гайнѣ. 293. Церковному
 ходатаю Фрументію. 294. Діакону Помпію. 295. 296.
 Ритору Аполлодору. 296. Схоластику Руфину. 297. 298.
 Военачальнику Гайнѣ. 298. Флавіану. 300. Правителю
 дѣлъ Фирму. 301. Діакону Евгенію. 301. Пресвітеру Фи-
 лагрію. 302. Акакію меморіалію. 303—306. Діакону Ва-
 вилѣ. 307. Сотиріону. 307. Епископу Сильвану. 307—
 309. Евоію чиновнику при градоначальникѣ. 312. Діакону
 Капитону. 312. 313. Монаху Созиміану. 313. Флавіану.
 313. Самарянину Аѳеонію. 314—316. Военачальнику Гай-
 нѣ. 317—319. Евандрію. 319. Скороходу Епигону. 319
 —321. Еврею Веніамину. 321—323. Монаху Александру.
 324. Чиновнику составляющему отчеты, Клеарху. 324.
 Аврмліану. 325. Генеелію. 325. Θεодосію. 325. Пресві-
 теру Серапіону. 326. 327. Монаху Іоанну. 327. Знатно-
 му чиновнику Филону. 327. Діакону Стефану 327. Млад-
 шему комиту Амфилохію. 328. 329. Антонію. 329. Знат-
 ному чиновнику Конопу. 329. Евлампію. 330. 331. Созо-
 ну. 331. Пресвітеру Корнилію. 332. Скорописцу Геронтію.
 332. Діакону Инафлору. 333. Схоластику Олимпію. 333.
 Максиміану. 334. Діакону Θεссалію. 334. Хрисогону
 клисуалію. 335. Θεогносту. 335. Декуріону. 335. 336.

Криспу, дворцовому стражу. 337. Дѣвъ Юліанѣ. 337. Теодору. 338. Трибуну Софронію. 338. 339. Самарянину Леононію. 340. Предсѣдателю Телесфору. 340. Чтецу Филагрію. 340. 341. Монаху Лименію. 341. 342. Ритору Амфиктіону. 342. Сенатору Іерію. 342. Иподіакону Маріану. 343. Иподіакону Гиганію. 343. Архидіакону Левкадію. 344. 345. Чтецу Аттику. 345. Аглею, служащему въ передовыхъ. 345. 346. Грамматіку Анаксагору. 347. Зодчему Трифону. 347. 348. Фортунату. 348. Секундіану. 348. Каллістіону. 349. Епископу Кириу. 349. 350. Военачальнику Гайнѣ. 350. Кандидату Мелиссу. 351. Правителю дѣлъ Ойрсу. 351. 352. Анонпату Игнатію. 353. Законовѣдцу Евграммію. 354. 355. Предсѣдателю Аристотелю. 355. 356. Монаху Оерину. 356. Діакону Селевкію. 357. Трибуну Августину. 358. Докладчику Теофілу. 358. Спаарію Сисинію. 358. Діакону Евстаоію. 359. Знатному чиновнику Стратіону. 359. Зефиріану. 360. Правителю дѣлъ Никарету. 360. Монахамъ, живущимъ въ Киликіи. 361. Протектору Теопемпту. 361. Карпіону, послѣдователю ереси Валентиніанѣ. 361. Діакону Евсевію. 362. Софіану, стражу при дворцѣ. 363. Сосандру главному правителю дѣлъ. 364. 365. Магистріану Сабину. 365. 366. Друсиліану. 366. Епископу Евфрасію. 367. Теокліану. 367. Чтецу Эліану. 368. Діакону Тевкру. 368. 369. Предсѣдателю Гликадію. 369. Еретику Дмитрію. 369. 370. Предсѣдателю Фавсту. 371. Пелагію. 371. Діоклетіану. 371. Комиту Савурію. 372. Навкратію. 373. 374. Меморіалію Каллимаху. 374. Децемвиру Павлу. 374. Предсѣдателю Кириллу. 375. 376. Птоломею. 377. Пресвитеру Евриклу. 377. 378. Схоластику Иракліту. 378. 379. Комиту Леониду. 379. Знатному чиновнику Фалліану. 379. Діакону Феврарію. 380. Пресви-

IV

теру Иларію. 380. Діонисіодору. 380. Фидерату Іулію. 381. Корнелію. 381. Военачальнику Гайнѣ. 381. Комиту Филорому. 382. Ходатаю по дѣламъ Аванасію. 383. Друсіану. 383. Градоправителю Проклу. 384. Епископу Эліану. 384. Монаху Ляннію. 385. Діакону Прискилліану. 385. Монаху Іоанну. 386. Монаху Венусту. 386. Карпаліону. 387. Трибуну Евнѳію. 387. 388. Пресвитеру Филяку. 388. Предсѣдателю Севиру. 389. Калокиру. 389. 390. Силвану, перебувающому въ общежитіи. 390. Мѣняль Оалассію. 391. Правителю дѣлъ Сосфену. 391. Чтецу Елладію. 392. Градоправителю Θεонѣ. 393. Созомену. 393. Діакону Θεσσαцію. 393. Драконтію. 394. Еввуліону. 394. Сенатору Піерію. 394. Ходатаю по дѣламъ Аванасію. 394. 395. Комиту Ириму. 395. Фирмилліану. 396. Пресвитеру Сократу. 397. Діакону Киріаку. 397. 398. Комиту Θεодору 398. Правителю дѣлъ Иппоняку. 399. 400. Мавріану. 400. Сенатору Θεопомпу. 400. Монаху Иларію. 401. Хниазію. 402.

О П Е Ч А Т К И.

	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно читать:</i>
Стран. Строк.		
8	6 св. дѣйствительности.	дѣйственности.
10	6 — поваленнымъ	поваленнымъ
11	Прим. κτῆσις	κτῆσις
40	10 житія. Такъ	житія: такъ
90	14 сн. люлять	любятъ
112	5 — дѣланіе	дѣланіи
116	3 св. которыя	которая
—	10 воздательемъ	Создательемъ
124	1 сн. достоинствамъ	достоинствомъ
138	13 — плоды	поводы
140	5 св. <i>λελλεται</i>	<i>λελλεται</i>
154	5 — представлять	предоставлять
161	13 сн. Прилѣженое	Прилѣжное
171	2 — уметовъ. Скажутъ:	уметовъ, скажутъ:
172	3 св. наслаждавье	наслажденіе
175	2 сн. печаль неподобаю- щую	неподобающую печаль
199	10 св. равно	равнаго
218	10 сн. Емиромъ	Емморомъ
230	5 — любящій,	любящій людей,
231	11 св. уловляясь	уязвляясь
244	5 сн. совершаетъ	совершается
292	9 св. поддается	подастся
293	1 сн. скаканій	скаканія
311	5 — въ Немъ	въ немъ
323	2 — когда должно.	какъ должно.

II

Стран. Строк.

336	10	св. Владыка	владыка
343	11	— въ книгѣ. Левитъ	въ книгѣ Левитъ.
355	9	— <i>будеши, и искрен-</i> <i>нему</i>	<i>будеши, себѣ будеши, и искрен-</i> <i>нему</i>
360	3	сн. Никарсту.	Никарету.
396	6	св. за него	за нею
399	9	— за не	за нее

